

Александр Зеленин

Язык русской эмигрантской прессы (1919-1939)

Александр Зеленин

**Язык русской эмигрантской
прессы (1919-1939)**

«Златоуст»

2015

УДК 811.161.1

Зеленин А.

Язык русской эмигрантской прессы (1919-1939) / А. Зеленин —
«Златоуст», 2015

Книга отражает результаты диссертационного исследования, основанного на материале богатейших зарубежных архивов. Адресована специалистам в области языка прессы, языка и культуры русского зарубежья и всем, кто интересуется историей русской эмиграции первой волны. Издается в авторской редакции.

УДК 811.161.1

© Зеленин А., 2015

© Златоуст, 2015

Содержание

Введение	7
1. Эмиграция: историко-культурный фон	8
1.1. Волны русской эмиграции	9
1.2. Основные эмигрантские центры	12
1.3. Сколько их было?	14
1.4. Политическая палитра	15
2. Зарождение эмигрантской прессы и ее специфика	19
3. Язык эмиграции как объект изучения	21
3.1. Оценки языковой компетенции эмигрантов	23
3.2. Язык зарубежной прессы	25
3.3. Лингвокультурный шок	27
Глава 1	30
Общие замечания	30
1. Влияние иноязычной фонетики на русскую графику.	32
Заемствованные слова	
1.1. э или е?	32
1.2. Вариативность г/х	34
1.3. Другие случаи	35
2. Влияние иноязычной графики на русскую графику	37
2.1. Магия двойных согласных	37
2.2. Другие случаи	39
3. Кавычки	40
4. Оценка советских орфографических (графических) новшеств	44
Выводы	49
Глава 2	50
Общие замечания	50
1. Аналитические тенденции	51
1.1. Аналитические процессы в области имен существительных	52
1.2. Черты аналитизма в области падежной системы	57
1.3. Черты аналитизма в сфере глагольного управления	59
2.0. Именительный множественного на – а́	60
3. Трансформации предложно-падежных конструкций	63
4. Трансформация грамматической сочетаемости	69
5. Категория числа имен существительных	72
5.1. Специфика употребления множественного числа существительных на – а/-ы	72
5.2. Стилистическая функция единственного числа	74
Выводы	77
Глава 3	79
Общие замечания	79
1. Суффиксация	81
1.1. Номинативные функции суффиксации	81
1.1.1. Суффиксация абстрактных существительных	81
1.1.2. Суффиксация собирательных существительных	90
1.2. Лексикализация суффикса	91

1.3. Конструктивное словообразование	92
1.4. Суффиксация имен прилагательных	98
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Александр Зеленин

Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939)

*Было бы интересно и поучительно обследовать язык русских
беженцев в разных странах.*
С. И. Карцевский (1923 г.)

Друг друга отражают зеркала, Взаимно искажая отраженья.
Г. Иванов (1950 г.)

Книга издана при поддержке федеральной целевой программы «Культура России – 2007» (программа «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

© Зеленин А. (текст), 2007

© ООО Центр «Златоуст», 2007

Введение

Изучение феномена русской эмиграции разных волн в отечественной науке переживает бурный подъем. Открытие темы для российских ученых в начале 90-х г. проходило в несколько романтизированной атмосфере, обусловленной стремлением и даже страстным желанием многих людей (ученые здесь не составляли исключения) поиска новых путей развития постсоветской России. Русская эмиграция с сохраненным ею опытом прежних поколений на обломках рухнувшей советской идеологии и политики в постперестроечной смуте представлялась одной из третейских судей в идеологически и политически расколотой России, как один из потенциальных помощников и даже наставников в будущем переустройстве страны. На этом этапе общественный и исследовательский интерес фокусировался на миссионерской роли русской эмиграции в сохранении русских культурных традиций, утраченных или подточенных в советское время морально-нравственных качеств, религиозно-духовных основ.

Многочисленные статьи и заметки в публицистике, историко-культурные штудии, посвященные эмиграции, скоро дали ростки в смежных областях гуманитарного знания: социологии, истории, философии, культурологии, этнографии, литературоведении, лингвистике. Сформировалась целая отрасль исследований, направленная на изучение жизни эмиграции в ее разных преломлениях, активно издавалось и комментировалось педагогическое, философское, литературное, экономико-теоретическое, православно-религиозное наследие эмигрантов. В этом весьма разветвленном по темам и направлениям поле общественного интереса к эмиграции с начала 90-х г. громче и увереннее стал звучать и лингвистический «голос»: как же говорят и пишут эмигранты и в чем отличие «их» русского языка от русского языка в СССР/России?

1. Эмиграция: историко-культурный фон

Само понятие «эмиграция» в современной науке интерпретируется весьма разнообразно и даже расплывчато, что вообще свойственно научным терминам, попавшим в фокус общественного внимания: (1) как вынужденное или добровольное переселение из одной страны в другую, (2) как некоторая совокупность проживающих в той или иной стране лиц, (3) как уходящее корнями в историю явление, (4) как способ сохранить культурные, языковые традиции за пределами этнической территории. Отношение государства к эмиграции в разные исторические периоды могло значительно варьироваться. Так, в царской России эмиграция была запрещена, она квалифицировалась как противозаконная и нелегальная (это, кстати, одна из важнейших причин, почему так неохотно беженцы из России называли себя эмигрантами), но временный выезд за границу в дореволюционной России входил в круг свобод индивида.

Если обратиться к истории России и к теме выездов, миграций русских¹ за границу, то такие перемещения начались давно: так, в Византийской империи с XI в., а в Болгарии с XII–XIII вв. были выходцы с восточнославянских земель. В XVIII в. некоторые русские дворяне предпочитали проживать в Италии, Франции. В XIX в. начались вынужденные выезды из России лиц по революционным убеждениям (революционеры-демократы останавливались обычно в странах Западной Европы). К середине того же века выросло количество подданных Российской империи, отправлявшихся за границу на длительное время: учеба, курорты (ездили «на воды»), развлечения, путешествия (зажиточные дворяне, купцы), творчество (художники, писатели). Другая часть выезжающих отправлялась в поисках лучшей доли – так, к концу XIX в. ежегодно российские границы пересекало от 30 до 50 тыс. человек [Муромцева & Перхавко 1999]. В конце XIX – начале XX в. выросло число уезжающих по религиозным и национальным мотивам (евреи, поляки, народы Кавказа). Многих, особенно тех, чей отъезд был обусловлен религиозными причинами или поисками работы, привлекала Северная Америка, прежде всего США и Канада: в последние два десятилетия XIX в. из России уехало примерно 1 млн. 140 тыс. человек, в первые 15 лет XX в. – еще около 1 млн. 100 тыс., т. е. в общей сложности примерно за 50 лет выехало 2,5 млн. россиян [Тишков 2000: 54]. Новый Свет притягивал отъезжавших как магнит, как золотое и сказочное Эльдorado. Так, в США в период с 1820 по 1917 гг. приехало 3,3 млн. иммигрантов, но русские² среди них составляли не более 5 %, причем большая часть их была занята в сельском хозяйстве; в частности, в 1920 г. на фермах работало примерно 33 тыс. русских [Нитобург 2002]. Однако все-таки такого человеческого «выброса», такого массового исхода граждан бывшей Российской империи, как после 1917 г., отечественная история не знала. Именно эту группу чаще всего именуют политической, военной, «белой» эмиграцией.

В чем заключается коренная разница между выехавшими в XIX в. и после 1917 г.? В том, что ранняя миграция обычно не была основана на идеологических основаниях (за исключением довольно немногочисленных и маргинальных для российского общества XIX в. революционеров самых разных политических «мастей»). Каковы же основные социальные, идентификационные, образовательные, социумные критерии, применимые к такого типа неполитическим переселенцам?

---

¹ В самом широком смысле слова, т. е. лиц, которые владеют русским языком и общаются на нем за пределами России, в зарубежных странах, отчего и получают обобщенное (генерализованное) обозначение «русские» безотносительно этнической принадлежности, даже если они по своему происхождению татары, украинцы, белорусы, чеченцы и др.

² К «русским» в американских статистических и энциклопедических пособиях относили собственно русских (великороссов), украинцев (малороссов), белорусов, российских евреев, прибалтийцев, карпатуров (Галиция) [Нитобург 2002].

Во-первых, миграция носила в основном трудовой характер, имела перед собой ясные и конкретные экономическо-хозяйственные цели, пребывание экономических переселенцев в стране проживания было сопряжено с борьбой за существование и выживание.

Во-вторых, довольно низкий образовательный уровень; люди, занятые интеллектуальными сферами деятельности, в такой миграции, как правило, отсутствовали.

В-третьих, трудовая миграция была привязана к России прочными экономическими (эмигранты регулярно высылали своим родственникам, оставшимся в России, деньги), родственными, духовными связями (общая религия; для русских это русская версия православия, у которого в то время не было региональных ответвлений и тем более не было конфронтации с московским патриархатом, если не брать в расчет некоторые староверческие, молоканские группы или последователей учения Льва Толстого).

В-четвертых, миграция никогда не занималась саморефлексией, и у нее даже не возникало такого намерения и потребности в этом, не было необходимости оформить свое пребывание за границей как социально-политическую оппозицию, осознать себя как некий сплоченный (на тех или иных культурно-религиозных, этнических и др. основаниях) монолит, особый или обособленный от своей родины.

Все перечисленные признаки являются конституирующими (если поменять их модальность на противоположную) для признания эмиграции после 1917 г. как именно политико-идеологической. Абсолютное большинство групп переселенцев из России до 1917 г. можно назвать мигрантами, но после 1917 г. – уже эмигрантами, которые и стали формировать русскую (российскую) диаспору в XX в. Наличие в составе выехавших из России большого числа интеллектуальной элиты, высшей военной верхушки, аристократии, вынужденно оставивших свою страну, во многом объясняет то гораздо более острое и напряженно-болезненное чувство покинутой, утраченной, потерянной родины, чем тоску, переживания трудовых мигрантов, ностальгирующих, очевидно, все-таки меньше и без такого сгущенного морально-психологического надрыва. Вынужденным беженцам нужно было осмыслить и свое местоположение в раскладе политических сил, и свою позицию по отношению к бывшей родине, и причины своего бегства, и необходимость сохранить «Россию вне России». Перед эмигрантами стояли и вставали отчасти схожие с мигрантами проблемы (трудоустройство, заработок на жизнь), но вместе с тем задачи такого масштаба и ранга, которые не сопоставимы по трудности и культурной значимости с вполне прагматическими намерениями людей, поставивших себе целью экономически выжить и материально преуспеть. С понятиями диаспоры и миграции соприкасается обширное, принятое скорее в публицистике, нежели в научном дискурсе, понятие «русское зарубежье». Оно не сводимо ни к этноязыковому понятию *русской эмиграции*, ни к социокультурному феномену *русская диаспора*. Зарубежные россияне – многонациональное сообщество, говорящее в основном в своей среде преимущественно на русском языке.

1.1. Волны русской эмиграции

По уже выработанной и установившейся в эмигрантологии³ традиции эмигрантские потоки XX в. в зависимости от социально-политических мотивов, их вызвавших, делятся на

---

³ Кажется, автором этого термина стал польский специалист, активно изучающий третью волну эмиграции из России, Люциан Суханек, предложивший на 12 Международном конгрессе славистов (сентябрь 1998 г., Краков) использовать термин-неологизм *homo emigrantus*, а науку, изучающую эмигранта/эмигрантов с разных точек зрения, называть эмигрантологией: «Ко всем можно применить общий термин “*homo emigrantus*”». Этот термин вызвал споры и возражения: «Я не уверен, что можно говорить об эмиграции вообще – следовательно, об эмигрантологии, – не учитывая специфического характера исторического и культурного развития каждой страны» (Мишель Окутюрье, глава кафедры славистики Сорбонны); «Необходимо более конкретно и внимательно посмотреть на эмигрантскую массу; проводить больше различия между отдельными центрами эмиграции; больше внимания надо уделять связям с местной средой и разделять поколения» (В. Ронин) [Русская мысль. 1999. № 4294. 25 окт.]. Однако можно с уверенностью сказать, что термин прижился; ср. наименование раздела «Эми-

4 периода, или так называемые «волны» [Назаров 1992; Фрейнкман-Хрусталева & Новиков 1995; Грановская 1995; Караулов 1995; ЯРЗ 2001; Пфандль 2002; и др.]. Мы полагаем, что в настоящее время можно говорить о пяти волнах русского (не в этническом аспекте термина) массового переселения.

Первая волна (1917–1939) – послереволюционная, вызванная в первую очередь политическими причинами (смена общественного строя, разногласия внутри победившего социал-демократического лагеря, поражение белых армий). Центры расселения эмигрантов – западноевропейские страны, страны Центральной и Южной Европы (Чехословакия, Болгария, Сербия, Турция), Юго-Восточная Азия (Маньчжурия, Харбин, Шанхай).⁴

Вторая волна (1939 – середина и конец 1940-х г.) – военная; в это понятие включают как военнопленных, попавших в немецкий плен и оставшихся в послевоенное время за границей, так и русских, перешедших на сторону фашистов в годы Великой Отечественной войны (напр., армия генерала Власова, русские полицаи), а также дезертиров. Центры расселения – Германия, Австрия, Англия, Канада, Австралия, США, Швеция.

Третья волна (примерно 1965–1985) – так называемая диссидентская (насильственная высылка с лишением советского гражданства антисоветски или просто либерально настроенных интеллигентов, борцов за свободу слова и личности) или еврейская (разрешенный выезд евреев из СССР). Центры расселения – США, Израиль, Франция, Австрия.

Четвертая волна (с конца 1980-х до середины 1990-х г.) – этническая: легальный выезд из страны, связанный с эпохой либеральных политических свобод, а также нарастанием политической нестабильности накануне распада СССР и экономического фактора; покинули страну прежде всего евреи (в Израиле переселенцев из России называют *алия*), немцы, финны (ингерманландцы, карелы), поляки, греки. Центры расселения – Германия, Израиль, США, Канада, Греция, Финляндия, Польша. Репатрианты получили возможность вернуться в прежние места проживания или на родину своих предков.

Пятая волна (с середины 1990-х г.) – экономическая или интеллектуальная (*brain drain* «утечка мозгов»). Эта «волна» не упоминается в приведенной выше литературе по эмигрантологии, однако ее отличие от предыдущей очевидно, поэтому охарактеризуем ее чуть подробнее. Действительно, если в начале 90-х годов эмиграция в страны дальнего зарубежья носила в целом ярко выраженный этнический или репатриационный характер, то во второй половине 90-х она постепенно теряет эту специфическую черту, и на первый план отъезда за границу выходят экономические факторы. Значительно расширилась и география расселения россиян (не только этнических русских, но и представителей других национальностей): как развитые страны, так и развивающиеся (Бразилия, Мексика, Турция). Почти все (или многие) уезжающие за рубеж хотят сохранить российское гражданство и паспорт. Они (с разной степенью регулярности в первую очередь из-за финансовых трудностей) ездят в Россию. Некоторые имеют даже свой бизнес, другие пытаются организовать с Россией деловое сотрудничество в самых различных сферах. Чаще всего едут высококвалифицированные специалисты, уже прошедшие первую школу труда в рыночной экономике (Карьера. 1998. № 7), хотя есть и те, кто стремится уехать по чисто материальным мотивам (возможность получения жилья, более высокие доходы, даже если принять во внимание только пособие по безработице, достаточно высокая социальная защищенность (в некоторых странах) и т. п.). Кроме того, после экономического кризиса в России в 1998 г. было довольно много таких людей, кто готов был добровольно понизить свой материальный достаток и социальный статус с целью избежать социально-пси-

---

грантология» и одноименного эссе Ю. Борева, пытающегося найти смысловое содержание и определить границы термина, в книге [РЗ 2004].

⁴ Разумеется, нельзя и не стоит сводить всю русскую эмиграцию первой волны к людям, антисоветски настроенным и действующим: ведь из огромного числа эмигрантов только 150 тыс. стали активными антибольшевиками, готовившими теракты в СССР и участвовавшими в насильственном свержении советского режима.

хологического напряжения, дискомфорта, проживая в России. Разумеется, ими двигали иные мотивы отъезда, чем так называемыми «колбасниками». Социальный статус, профессиональная дифференцированность (от студентов, желающих заработать на курортах в теплых странах до высококвалифицированных специалистов), психологические установки у выезжающих из России людей, объединяемых в пятую волну, очень разнородны, но тем не менее они значительно разнятся от условий эмиграции первых четырех волн. Некоторые вообще отказываются признать последнюю волну как эмиграцию; вот, в частности, мнение П. Вайля: «Сейчас, по моему глубокому убеждению, понятие эмиграции как культурного феномена во всех отношениях вообще уничтожается, нивелируется. Какая разница, какая эмиграция, если можно взад-вперед ездить?» (Новое время. 2001. 4 нояб. № 2921).

Эта социополитическая, социокультурная классификация четырех (э)миграционных потоков из России в XX в., в принципе, принята в эмигрантологии (наличие пятой волны – дискуссионный вопрос: это *еще* политическая эмиграция или *уже* трудовая миграция?). Пожалуй, менее всего споров среди и специалистов, и самих эмигрантов вызывает первая волна эмиграции ввиду совершенно особых условий ее появления и массовости вынужденного выезда. Обладала ли эмиграция первой волны какими-то специфическими особенностями в сравнении с другими? Н. А. Струве в своей книге, подводящей итог его размышлений о феномене русской эмиграции, пытается нарисовать перед читателем общий портрет эмиграции первой волны с четырех позиций: социологической, географической, статистической и феноменологической [Struve 1996]. Эмиграцию первой волны как некий единый социокультурный феномен формирует набор признаков.

Признаки, интегрирующие эмигрантское сообщество на основе отрицания (негации):

- отрицание, неприятие советского строя;
- отторжение культурно-моральных ценностей нового общества.

Признаки, интегрирующие эмигрантов на основе позитивных критериев:

- социально-психологическое единство (близость или сходство морально-нравственных ценностей, заложенных в процессе воспитания, наличие так называемой «общей апперцепционной базы»: эмоционально-психические реакции, фонд общих знаний, обусловленных единой средой проживания, и др.);

- религия (как правило, православие; было возможно объединение и по другим конфессиям: иудаизм, мусульманство; атеизм являлся скорее чертой «левых» движений и партий, достаточно немногочисленных и в процентном отношении значительно уступавших эмигрантам, принадлежащим к той или иной вере);

- языковое единство (русский язык (а также и другие языки) как основной транслятор культурной, исторической памяти, один из важнейших инструментов поддержания и сохранения «русскости» в борьбе с денационализацией и т. п.).

Признаки, интегрирующие эмигрантов на организационно-структурном уровне:

- деятельность в эмиграции Земгора – Земско-городского комитета помощи русским беженцам за границей,⁵ роль которого в деле материальной и психоэмоциональной поддержки эмигрантов невозможно переоценить;

- наличие многочисленных партий, групп, печатных органов, объединяющих эмигрантов по идейно-политическим, культурным и др. устремлениям и склонностям.

---

⁵ Земгор (как модификация существовавшего до революции института земского самоуправления) был образован в 1921 г. в Париже; его подразделения создавались с целью поддержки эмигрантов; они появились особенно быстро в странах с наибольшим количеством русских эмигрантов: Чехословакии, Германии, Болгарии, Польше, Греции, Югославии, Китае, США, Англии, Швеции и др. Председателем Земгора был выбран князь Г. Е. Львов. Земгор изначально установил свой непартийный характер, сделав центром деятельности оказание помощи всем без исключения нуждающимся российским гражданам: от небольших материальных выплат до социокультурной адаптации к местным (региональным) условиям проживания эмигрантов. Зем-гор имел развитую инфраструктуру, отделения во многих странах мира (подробнее в [Сабенни-кова 2000]).

Эти черты во многом предопределили и следующий важный дифференциальный признак первой волны эмиграции – нежелание (или слабое желание) интегрироваться в экономику, политику, культуру, перенимать образ жизни и поведенческие стереотипы, принятые в странах пребывания, или тем более менять гражданство (натурализоваться). Неслучайно эмиграция так много сил тратила на борьбу с денационализацией, видя в ней реальную опасность утраты в молодежи или наименее стойких духовно и морально людях страстного желания вернуться на родину; эти люди готовы выбрать заграничную жизнь в качестве альтернативного (постоянного) варианта жизнеустройства. Были, конечно, и другие примеры – довольно быстрого приспособления к иной культуре и вживания в жизнь и быт. Чем ближе была культура, язык, быт, эмоционально-психический склад страны пребывания русскому языку, культуре, психоэмоциональному поведению эмигрантов, тем выше была возможность и вероятность денационализации и натурализации, в первую очередь это касалось славянских стран: Чехословакии, Югославии, Болгарии; напротив – в странах, чуждых и по культуре, и по поведенческо-бытовым реакциям людей, эта опасность была существенно ниже.

1.2. Основные эмигрантские центры

Расселение русских после бегства из России осуществлялось в странах и регионах, приютивших беженцев, весьма неравномерно, что имело под собой исторические, культурные, религиозные основания. Уже длительное время вектор эмиграции (не только русской) был направлен в Европу, превосходя по своей значимости и интенсивности миграцию людей в Африку, Дальний Восток, Латинскую и Северную Америку. Однако даже в пределах Европы миграционные волны затрагивали в основном Западную Европу: Францию, Бельгию, Англию, Швейцарию. Русские беженцы также предпочитали для своей временной остановки (большинство верило в быструю смерть большевистского режима) или на более длительный период пребывания вне России страны Западной Европы. Миграционные перемещения в XIX в. уже сформировали фокусированные потоки движения, эмиграция после 1917 г. в основном раскатлась по уже проложенным направлениям. На территории Западной Европы отчетливо выделяется четыре наиболее значимых, важных зоны русского диаспорного сосредоточения:

- западноевропейские государства: Германия, Франция;
- славянские страны: Сербия, Болгария, Чехословакия;
- приграничные государства, некоторые из них раньше являлись частью Российской империи: Польша, Финляндия, Румыния, прибалтийские страны;
- Юго-Восточная Азия (прежде всего Китай).

Проживание русских в этих зонах было обусловлено политическими мотивами (режимами, существовавшими в этих странах), культурными (наличием и сохранением старых связей), национальными (обретение некоторыми странами независимости могло сопровождаться ростом антирусских настроений), религиозными (мусульманские регионы мало привлекали русских беженцев). Многотысячная русская военная эмиграция поначалу оседала в балканских странах, проникнув туда через «константинопольские ворота»; деятели науки стремились попасть в развитые страны: Францию, Германию, Чехословакию, где они могли применить свои знания. Культурная элита видела места своего пребывания и проживания в Берлине, Париже, Лондоне как космополитических городах; российские промышленники и предприниматели уезжали в те страны, где у них или уже имелись свои капиталы, или существовали благоприятные для развития и ведения бизнеса условия: в США, Канаду (через Европу). В начале 1920-х гг. наибольшее количество русских беженцев было зарегистрировано в Германии (на 1924 г. – от 250 тыс. до 300 тыс. человек), во Франции (в 1925–1926 гг. – примерно 400 тыс. – 450 тыс. человек). В 1923–1925 гг. вектор русского переселения поменял свое направление и переместил «столицу» русской эмиграции из Берлина в Париж.

Наиболее трудным было положение русских беженцев в приграничных государствах, где в начале 1920-х г. значительно ужесточилась внутренняя политика в отношении иностранцев; эти действия находились в одном русле с проводившимся в этих странах националистическим притеснением национальных и культурных меньшинств. Эти меры коснулись прежде всего русских эмигрантов, так как правительства стран еще помнили недавнее имперское российское прошлое и опасались возвращения имперской политики в будущем, если в России снова водворится царистский (монархический) режим. Разумеется, такая дискриминационная политика государств заставляла многих русских эмигрантов или ассимилироваться, маскироваться (или, по крайней мере, скрывать свою национальность), или переезжать в другие, более дружественные государства.

Самое теплое к себе отношение русские эмигранты встречали в Чехословакии, Болгарии, Сербии, где правительства действительно выделяли огромные (для бюджета этих стран) деньги на поддержание эмигрантов не только в обеспечении их повседневного быта, но и на культурные и учебные программы. Так, в Праге уже в 1923 году (16 октября) был официально открыт Русский народный университет, целью которого декларировалось оказание помощи русским студентам, обучавшимся в чехословацких высших учебных заведениях, а также ознакомление граждан Чехии и Словакии с русской культурой, историей, искусством в форме лекций, концертов, литературных вечеров не только в столице (Праге), но и в провинции [Косик 2000; Аксенова & Досталь 2001; Chinyueva 2001]. Социальный состав русской эмиграции в Чехии и Словакии в 1920-е годы определялся преобладанием рабочих, ремесленников, крестьян. В начале 1930-х годов произошло некоторое смещение фокуса эмигрантов: появились выпускники пражских высших учебных заведений – инженеры, агрономы, банковские работники, торговцы, специалисты со средним техническим образованием. Структура занятости русских была в принципе той же, что и в других странах: около 90 % беженцев занималось физической работой и только 7–10 % – умственной (преподавание, театр, музыка) [Harbul'ova 2001].

В Турции и на Балканах оказалось огромное количество царских военнотружеников после неудачных военных действий против Красной армии на Дону и в Крыму. Несмотря на трудные условия, генерал Врангель сумел осуществить практически невозможное: эвакуацию 75 тыс. офицеров, казаков, рядовых и 60 тыс. спасенных беженцев на 126 судах. Таким образом, в Турции оказалось около 140 тыс. русских эмигрантов; основное место расселения русских – местечко Галлиполи, ставшее не просто и не только военным лагерем, но частью российского государства. Врангель всеми силами пытался сохранить организационную структуру русской армии и ее боеспособность, полагаясь на помощь Антанты [Пивовар & al. 1994; Замятин 2002]. Однако ограниченные финансовые ресурсы, деморализация военных, необходимость кормить и содержать огромное количество мирных беженцев заставили Врангеля в 1921–1922 гг. осуществить еще одну эвакуацию: на этот раз уже в славянские страны – Болгарию и Сербию. Но не все военные покинули Турцию. Так, еще в 40-е гг. в Стамбуле жили тысячи русских эмигрантов и их потомков. Правда, уже в 20–30-е гг. началась сильная ассимиляция с турками, «отуречивание». Вот фрагмент воспоминаний одного из «русских турков»: «Бывший офицер Венямин Лишкевич переделался в Вехби Лачина, Алексей Плотников стал Асланом Демиртажем. Да и я [автор воспоминаний. – А. З.] был Попковым, а в 1937 г., когда появилась возможность принять турецкое гражданство, стал Паккером. Принуждения никакого не было, но если решил здесь остаться навсегда, лучше не слишком выделяться. Однако православие и я, и моя жена сохранили – это для нас был вопрос принципа. В общем, все по присказке, которую эмигранты в 20-е и 30-е гг. любили повторять: “Я не турок, я не грек, а я русский человек”⁶» [Смирнов А. Армия Врангеля: жизнь после смерти // Русский курьер. 2004. № 114. 4 июня].

⁶ Переиначенная пословица XIX в., распространенная в основном в южных областях Великодержии: *Папа – турок, мама – грек, а я – русский человек.*

Уже во время Гражданской войны в России 1918–1922 гг. и особенно после нее началась массовая эмиграция частей «белого» движения в Китай. Согласно китайской статистике, к концу 20-х гг. в Шанхае проживало около 25 тыс. русских эмигрантов. В Харбине их было в четыре раза больше – около 100 тыс.; в так называемой полосе отчуждения КВЖД⁷ – еще 100 тыс. [Юнхуа 2002]. Компактные поселения русских существовали в Китае и раньше. Именно поэтому Харбин, в частности, уже изначально существенно отличался от других центров русского зарубежья (Берлин, Прага, Белград, Париж), которые сконцентрировали много русских политических беженцев. Русская диаспора в Китае оказалась одним из самых крупных, устойчивых и долговременных средоточий русской эмиграции. Она просуществовала полвека – вплоть до конца Второй мировой войны, когда советские войска вступили на территорию Маньчжурии, которая с 1931 г. находилась под японской оккупацией. В силу конкретно-исторических причин основная масса русских эмигрантских изданий выходила в городах Шанхае и Харбине. Политический спектр был весьма пестрым: одна часть поддерживала белое движение, надеясь на его скорую победу, другая симпатизировала советской власти [Юнхуа 2002].

Отношение к русской диаспоре в Китае со стороны многих русских беженцев в Европе было противоречивым: с одной стороны, у «европейских русских» сложилось ошибочное мнение о якобы меньших психологических и экономических трудностях, испытываемых русскими беженцами в Китае, что порой вызывало зависть, раздражение, не разделяемые, однако, представителями восточной русской диаспоры. С другой – «европейские русские» склонны были принижать «восточных русских», относиться к ним несколько свысока. Вот как об этом вспоминает Михаил Николаев, старейший житель русского Шанхая, офицер Русского волонтерского корпуса,⁸ в своей жизни поменявший несколько стран пребывания: «Если рассматривать всю русскую эмиграцию в целом, то считается почему-то, что мы, приехавшие в Китай, ниже по положению тех, кто оказался в Европе. Нам часто говорят: вы приехали на все готовенькое, вам было хорошо, легче, чем нам. А ведь это неправда. Мы в Китае и в Австралии, а позднее – в США все начинали с нуля. Трижды! Все – с нуля. И не погибли! Вопреки всему – выжили!» [М. Николаев. Жизнь на китайской земле // Первое сентября. 2004. № 5].

1.3. Сколько их было?

1917 г. расколол российское общество на два противостоящих лагеря: сторонников коммунистов, большевиков и тех, кто или не принял социалистическую революцию вообще, или принял, но с известной осторожностью. Накал политических и военных страстей привел к массовой эмиграции не только русских, но и представителей других народов и национальностей. Сколько же подданных бывшей царской России выехало за рубеж? Точных данных до сих пор нет. Трудность заключается в квалификации самого понятия «эмигрант», «эмиграция» применительно к тому времени. Ведь помимо политической эмиграции, часть покинувших Советскую Россию составляли люди, уехавшие не по политическим мотивам, а, например, на работу в Европу, Турцию, Америку, Китай, Австралию. Кроме того, из Европы не вернулось много бывших военнопленных, попавших в немецкий или австрийский плен во время Первой мировой войны. Еще до начала Первой мировой войны из России уехало примерно 2,5 млн. человек [Тишков 2000: 56]. В 1918–1922 гг. огромный размах получила политическая («белая») эмиграция.

⁷ Полоса отчуждения – земельные угодья, находящиеся на расстоянии до 30 км по обе стороны от железнодорожной Транссибирской магистрали, по заключенному в 1896 году договору между Китаем и Россией сроком на 80 лет. По этому договору русские (с помощью местного населения) строили города, поселки, станции, оставаясь при этом подданными России; у русских были свои администрация, суды, банки, школы.

⁸ Шанхайский (Русский) волонтерский корпус (Шанхайский Русский полк) создан на базе Русской волонтерской роты (1922 г.), расширенной в 1926–1927 гг. до 270 человек. Статус корпуса рота получила 16.01.1927 г.; основная функция – служить (среди прочих рот: французской, еврейской) для охраны европейской колонии (сэттльмента) в городе.

эмиграция; ее численность, по оценкам В. А. Тишкова, составляет примерно 1,5–2 млн. человек. С. И. Карцевский полагал, что в начале 1920-х г. находилось «более... двух миллионов эмигрантов, покинувших советскую Россию, а также бывшие военнопленные, часть из которых до сих пор еще находится интернированной в концентрационных лагерях» [Карцевский 2000: 245]. Именно об этой группе вынужденных беглецов чаще всего и говорят как о собственно эмиграции.

Пожалуй, максимальную цифру первой волны эмиграции называл И. А. Бунин в речи «Миссия русской эмиграции», произнесенной в Париже 16 февраля 1924 г.; в ней он восклицал: «Нас, рассеянных по миру, около трех миллионов...» Очевидно, эта оценка Бунина могла быть гиперболическим преувеличением, его слова – скорее риторико-патетический прием, привлекающий внимание правительств зарубежных стран к судьбе русских беженцев.

Современные исследователи единодушно считают цифры в рапорте Нансена (920 тыс. человек) явно заниженными. Так, Б. Хазанов приводит цифру 1,16 миллиона, но при этом сомневается в ней и полагает, что ее нужно поднять, так как в работах Ленина есть указание на то, что скорее всего численность эмигрантов от 1,5 до 2 млн. [Хазанов 1999]. Другие исследователи: Ю. И. Емельянов, Ю. А. Поляков, С. Максудов, В. М. Кабузан – полагают, что выехало примерно (или даже чуть больше) 2,5 млн. человек [Емельянов 2003: 110; Поляков 1986: 117–119; Максудов 1989: 202; Кабузан 1996: 220], однако эту планку чуть опускает М. Г. Вандалковская: от 2 до 2,5 млн. [Вандалковская 2004]. Очевидно, точных данных нет, и они едва ли будут получены в будущем, так как надо учитывать процессы ассимиляции (растворения в массе населения страны-приюта), и реэмиграции (возвращения на родину). Учет этих данных в то время, понятно, никто не вел. Как бы то ни было, даже несмотря на значительный разброс цифр, ясно одно: количество выехавших из России огромно, это была не просто эмиграция, это был своеобразный *исход* (неслучайно сами эмигранты сравнивали свое беженство со страданиями евреев, описанных в Библии, и сами именовали свое вынужденное бегство этим библеизмом). Барон Б. Э. Нольде⁹ грустно замечал: это не «эмиграция русских», это «эмиграция России».

1.4. Политическая палитра

Политическая палитра эмиграции была весьма пестрой. Многие эмигранты или сохранили свою партийно-политическую принадлежность, выбранную еще до революции 1917 г., или поменяли политические пристрастия, или сформировали новые партийно-политические движения, блоки и группы. Политически активная часть интеллектуальной, преподавательской, военной элиты, прежде участвовавшая в обсуждении и решении государственных задач, в эмиграции в какой-то мере по инерции, в какой-то мере в надежде на скорейшее возвращение на родину, а в какой-то степени и в протестном противоборстве с большевиками продолжала живо обсуждать многие вопросы жизни прежней и современной, большевистской, России. Отличие, однако, было в том, что эти темы государственного устройства страны приобрели иные конфигурации и очертания – не реальные, а скорее виртуальные. Это чаще всего приводило не к объединению эмигрантов, а, напротив, к раздроблению на мелкие партии и группочки – у каждой из них было свое видение прошлого и перспективы будущего. Даже общая идея, которая должна была выступить цементирующим стержнем эмиграции – непримиримость к советскому строю («в этой непримиримости – вся сущность политической эмиграции», – так характеризовал духовно-политические интенции эмиграции виднейший русский и эмигрантский историк П. Н. Милюков) – не спасала от дробления эмигрантских сил, частенько

---

⁹ Кадет, активный член партии конституционных демократов, один из ведущих дореволюционных специалистов в области международных отношений. В 1920-е г. отошел от политики.

пускавшихся в выяснение отношений, приобретавших порой характер склок. Нескрываемая горечь сквозит в словах известного эмигрантского историографа М. Раева: «политическая жизнь эмиграции состояла из бесконечных пререканий, порождаемых использованием непроверенной информации, беспомощностью, озлоблением, тоской по прошлому...» [Раев 1994: 20] Это одна из реальных, пусть и не самых лучших, сторон эмигрантского политического пространства. Другой же стороной была многопартийность и плюрализм – это действительно невиданное ранее в царской России сосуществование различных политико-партийных программ, зачастую находящихся друг к другу в непримиримых позициях. Пожалуй, только в период после Февральской буржуазной революции 1917 г. в России было такое политическое многоцветье, которое, по мнению либералов и социал-демократов, и следовало бы развивать и, которое, по мнению монархистов, погубило в конце концов Россию.

Однако самым массовым в правом политическом спектре было, конечно, монархическое движение, насчитывавшее, по подсчетам П. Б. Струве, 85 % всей «белой» эмиграции. Сторонники и защитники монархического режима создали по всей Европе разветвленную сеть организационных ячеек, а уже в 1922 году образовали координационный Высший монархический совет. В движении монархистов обнаружилось два течения: русские монархисты (вдохновитель и руководитель – граф. А. Игнатъев) и монархисты немецкой ориентации¹⁰ (руководитель – полковник Б. Агапов). Последнее течение представляло скорее элитарный политический клуб, куда могли входить только представители высших сословий, в отличие от объединений русских монархистов, более разнородных по своему социальному составу: представители высшей аристократии, дипломаты, офицеры белых армий Врангеля, Юденича, Деникина, Миллера, а также так называемые «монархисты поневоле»: «поскольку крушение монархии для русских означало и крушение России, многие образованные русские, не бывшие монархистами, стали монархистами из русского патриотизма» [Струве 1921: 7 – цит. по: Емельянов 2003: 111].

Попытки монархистов объединить эмиграцию правого толка на основополагающих для себя идеях монархии, православия и сохранении прежних принципов частной собственности на землю успеха не имели. Выход из политико-идеологического тупика некоторые монархистски настроенные круги увидели в зарождавшемся фашизме как реакции на социалистические движения в Европе. Итальянская версия фашизма, несомненно, привлекала правых как одна из возможных антибольшевистских сил (Антанте свергнуть большевизм военным путем не удалось). Эмигранты смотрели на фашизм не как на идеал будущего управления Россией (они все-таки оставались убежденными монархистами), а как на инструмент борьбы против советского режима [Окороков 2002]. Молодежь, видя неспособность «старых» монархистов договориться между собой, усмотрела в этом духовную смерть старого монархизма и стала проявлять заинтересованное сочувствие к фашизму как к молодой, энергичной, волевой силе. Например, сильной и влиятельной группой в русской эмиграции на Дальнем Востоке являлась Русская фашистская партия, сформированная под началом К. В. Родзаевского в 1931 г. из двух групп: монархической группировки великого князя Николая Николаевича и так называемого Богоявленного братства [Емельянов 2003: 135]. В 1933 г., особенно после прихода к власти Гитлера, Родзаевский предпринял новые шаги по сплочению русских фашистских рядов, предложив объединиться с Всероссийской фашистской организацией в США (вдохновитель и руководитель – А. Вонсяцкий). Уже в 1934 г. в результате переговоров была создана Всероссийская фашистская партия (со штабом в Харбине). Итак, волевое начало фашизма, соединившееся с явно усилившимися в эмиграции духовными славянофильскими тенденциями (в первую очередь его модернизированной версии – евразийства) и подготовило питательную почву для появления младороссийского движения, стремившегося соединить несоединимое: «легитимного царя» (по их мнению, исторически выверенной и единственной для России

¹⁰ Организационно-политический центр последних – союз остзейских баронов «Риттер-бунд» (Ritterbund) [Меймпе 2002].

модели правления) с признанием Советов, свободных от большевиков (как необходимостью учета современных реалий). Отсюда их лозунг – «Царь и Советы», а инструмент осуществления политики – «национальная русская революция или мировая завируха» [Косик 2000; Емельянов 2003]. Впрочем, надежды на фашизм и его поддержка в конце 1930-х годов пошли явно на убыль. Поворотным пунктом для профашистски настроенных русских эмигрантов стало заключение советско-германского договора в августе 1939 г. (так называемый пакт Молотова – Риббентропа). Один из лидеров фашистского движения в эмиграции генерал Туркул покинул Берлин, откуда он вел работу по сплочению фашистских сил русской эмиграции, и переехал в Рим. С этого момента и сочувствие к фашизму, и особенно вера в него как средство свержения большевизма во многих эмигрантских кругах не просто пошатнулись, а практически рухнули. Более того, эмигрантам во Франции, Англии, США даже пришлось отмежевываться от фашизма, поскольку Германия стала не просто политическим, но – что важнее – военным (с началом Второй мировой войны, развязанной фашизмом 1 сентября 1939 г.) противником. В прессе и общественном мнении усилились антирусские настроения, которые эмигранты испытывали на себе не только в морально-психологическом, но даже в физическом смысле: в Париже были зафиксированы случаи нападения на русских эмигрантов за их поддержку Гитлера [Назаров 1992: 281]. Часть эмигрантов, уже не выказывая открыто своей поддержки фашизму, все-таки надеялась, что советско-германский пакт – это просто тактический ход Гитлера.

Социал-демократическое движение в эмиграции представлено было немногочисленными, но активными, действенными группами – в первую очередь это относится к меньшевикам. После 1921 г. – Кронштадтского восстания, жестоко подавленного большевиками и окрещенного ими контрреволюционным мятежом, – начался *исход* из России меньшевиков и эсеров, судьба которых в Советской России изменилась радикальным образом: ссылки, тюрьмы, лагеря... Парадокс меньшевистского движения в эмиграции, однако, заключался в том, что меньшевистская партия, в силу идейных соображений, решила не принимать в свои ряды новых членов, ограничив количество партийцев только старыми, вступившими в партию еще в России, революционерами. В результате такого жесткого ценза в меньшевистской группе в Берлине в 1933 г. насчитывалось, в частности, только 70 человек (причем включая супругов и даже детей).

Пусть и немногочисленным, но весьма специфическим контингентом русской эмиграции в 20–30-е гг. стали так называемые *невозвращенцы* – сотрудники советских учреждений, работавшие за границей и впоследствии отказавшиеся вернуться в СССР; к лету 1928 г. число невозвращенцев насчитывало 123 человека (из них 18 – члены ВКП(б)), к лету 1930 г. – 277 человек (из них 34 – коммунисты) [Генис 2000]. Если соотнести эти цифры с общим количеством работников внешнеторгового аппарата (2290 служащих, среди них 301 коммунист и 449 членов зарубежных компартий), то, следовательно, невозвращенцем оказывался практически каждый десятый или девятый. Первая волна невозвращенчества приходится на конец 20-х гг... Часть этих людей решила остаться за границей после свертывания нэпа, разрешавшего предпринимательскую деятельность, и начавшихся политико-экономических ограничений в СССР; другая часть представляла «идейных» перебежчиков, использовавших свое пребывание за рубежом в качестве лазейки, чтобы ускользнуть за границу. Невозвращенцы как люди активные и энергичные не сидели сложа руки и публично разоблачали советскую власть, сотрудничая, в частности, в журнале «Борьба» (существовал с 15 апреля 1930 г. по 1 марта 1932 г.; всего вышло 22 номера); в этом журнале часто публиковались статьи, воззвания и декларации бывших членов РСДРП и ВКП(б), бежавших из Советской России. Правда, белая эмиграция не принимала невозвращенцев в свои ряды, даже если критика советского сталинского режима у них бывала более целенаправленной и не менее язвительной, чем у эмиграции «белых» политических тонов; известное исключение составляли младороссы, сотрудничавшие с невозвращен-

цами в рамках своей программы по дискредитации и свержению советского режима. «Невозвращенчество принимает характер эпидемии. Почти не проходит дня, чтобы ряды “третьей эмиграции” не увеличивались новыми пришельцами. Бегут не только заподозренные в “уклонах” и “разложении”, но и... стопроцентные коммунисты!» [Генис 2000: 61].

Вторая волна притока невозвращенцев началась по второй половине 30-х гг. и была связана со сталинскими репрессиями, страх перед которыми вынуждал советских граждан, работавших в советских торговых организациях или оказавшихся в зарубежных командировках (технические работники, инженеры, моряки), искать убежища на Западе. Именно из речевой практики невозвращенцев, владевших советским «новоязом» и употреблявших его в речи и печатной продукции, другая часть эмиграции («белой») заимствовала некоторые советизмы и инкрустировала их в свой речевой обиход преимущественно с характеризующей целью и гораздо реже – в собственно номинативном значении. В частности, и сам термин *невозвращенец* – советизм,¹¹ проникший в эмигрантский язык:

Судьба *невозвращенца* Наумова [название заметки]

...покушавшийся на самоубийство в Беле Подляшской б[ывший] сотрудник парижского торгпредства Наумов продолжает находиться в Бельско-Подляшской городской больнице (Руль. 1930. 20 июня. № 2906).

Младороссы видят в [Дмитриевском. – А. З.] наиболее яркого и талантливого из «*невозвращенцев*», деятельность которого в эмиграции наносит наибольший ущерб сталинской верхушке. Мы не знаем, будем ли мы всегда единомышленны с ним, но в настоящее время мы признаем его сотрудничество весьма ценным (Младоросская искра. 1932. 20 авг. № 21).

Такой обширный историко-культурный экскурс в лингвистической по своей основной тематике и содержанию работе мы сочли необходимым и важным, поскольку социальная стратификация и политическая раздробленность эмигрантского сообщества оказывались одними из структурирующих (внеязыковых) факторов, оказывающих влияние на отбор языковых средств в газетной полемике и интерпретации событий. В дальнейшем мы также будем периодически обращаться к историческим фактам, помогающим понять и объяснить социолингвистические феномены русской эмигрантской прессы.

---

¹¹ Ср. толкование в СУ с характерным социополитическим фоном понятия: Невозвращенец, – нца, м. (нов.). Лицо, не вернувшееся на родину из-за границы и изменнически перешедшее в лагерь врагов СССР.

2. Зарождение эмигрантской прессы и ее специфика

Оказавшись за границей, русские эмигранты поразительно быстро наладили выпуск изданий: газет и журналов, которые служили важным средством духовного, религиозного, культурного объединения русских – или разобщенных в пределах одной страны, или разбросанных по всему миру. Повышенное внимание к прессе и, как следствие, быстрое основание печатных органов мотивировались острой необходимостью в оперативной доставке информации русскоязычной публике. Газеты и журналы, выполняя информационно-консолидирующую функцию, заняли практически единственно возможную нишу. Радиостанции, которые стали получать широкое распространение в Европе в 1920-е гг, были фактически недоступны эмигрантам даже при наличии достаточных денежных средств, так как требовалась государственная лицензия на их открытие [ПРЗ 1999: 7]. Эпистолярные формы поддержания контактов не отвечали потребностям массового охвата и информирования единомышленников. Личные контакты и встречи эмигрантов (особенно если они жили в разных странах) затруднялись визовым режимом, сдерживались финансовыми возможностями. Поэтому естественно, что главную роль в консолидации русских беженцев выполняла пресса. Каков же охват читающей публики был у эмигрантской печати?

Аудитория журналистики Русского зарубежья (по данным Подкомитета частных организаций по делам беженцев на 1930 г. и Службы Нансена на 1937 г.)

Голы	1922	1930	1937
Всего (тыс. чел.)	863	630	450
В том числе:			
Германия	250	90	45
Польша	175	85	80
Франция	70	175	110
Югославия	34	22	27,5
Болгария	31	22	16
Турция	35	1,5	1
Дальний Восток	145	127	94

Источник: [Жирков 2001].

Газетно-журнальные публикации уже давно, еще до революции 1917 г., стали для российского читателя более актуальным и действенным способом общественных дискуссий, чем литература. Развитая инфраструктура дореволюционной (особенно послефевральской 1917 г.) прессы, политический диапазон которой охватывал все направления общественной мысли: от крайне правого, черносотенного, до крайне левого (анархистского) – фактически была перенесена и в эмиграцию. Эмигрантские газеты и журналы сохраняли такой же разброс мнений, причем характерно, что каждая политическая группа, культурно-просветительское объединение не столько стремилась примкнуть к уже существовавшим печатным органам, сколько выпускать свою газету или журнал. Второй причиной бурного роста числа эмигрантских газет был социальный и поколенческий разрыв. Поколенческие разногласия проявлялись в том, что молодые журналисты обычно не могли пробиться в солидные газеты и журналы, которые представляли собой чаще всего корпоративную, сложившуюся еще в дореволюционный период структуру. Социальные разногласия заключались в неудовлетворенности молодых идеологическим качеством публикаций в печатных органах представителей старшего поколения. Дело

в том, что все первые годы эмигрантская публицистика по сути была занята выяснением двух коренных вопросов: «как большевикам удалось захватить власть» и «кто в этом виноват»? Второй вопрос касался будущего большевистской системы [ПРЗ 1999: 5]. Эмигранты старшего поколения явно не были склонны к покаянию и признанию своей вины, напротив – очень часто они обвиняли друг друга, сваливая всю вину за случившуюся трагедию (по крайней мере, хотя бы в этом они были едины!) на своего политического или идеологического оппонента.

3. Язык эмиграции как объект изучения

Открытие эмигрантского языкового материка (в первую очередь это касалось послереволюционной эмиграции как наиболее трагической по своей судьбе) происходило постепенно. В начале 90-х гг. первые работы по эмигрантскому языку констатировали в основном преобладание архаических черт в эмигрантском речевом узусе, к середине 90-х гг. XX в. уже отчетливо обозначилось исследовательское стремление к систематизированному описанию русского языка эмиграции на разных языковых уровнях (от фонетики до синтаксиса) и сличения его с русским языком метрополии. Начало XXI в. ознаменовалось выходом обобщающих монографий, нацеленных на выявление как частных особенностей в иноязычном окружении (прежде всего языковой интерференции, смешения языковых систем), так и общих процессов в развитии русского языка в метрополии и вне ее. К каким же результатам и выводам подошло изучение языка русской эмиграции к настоящему времени?

Несмотря на то что изучение языка русской эмиграции ведется не так давно, уже сформировались научно-исследовательские подходы и выявились спорные, дискуссионные моменты. Один из ведущих специалистов и пионеров-исследователей в данной области Е. А. Земская в описании речевых практик эмигрантов пытается «в многообразии фактов обнаружить общие закономерности, характеризующие особенности языка русской диаспоры, найти корреляции между историческими, социальными, культурными, индивидуальными особенностями и степенью сохранности/разрушения русского языка» [Земская 2004: 409–410]. Материалом такого исследования чаще всего служат «магнитофонные и ручные записи естественной неподготовленной устной речи», дополнительными – переписка, бытовые записки, объявления, реклама, отдельные выписки из эмигрантских газет [там же: 410].

В чем заключаются позитивные моменты сбора и анализа материала при помощи магнитофонных записей как основного инструмента получения языкового (речевого) материала? Интервью в социолингвистическом аспекте признается одним из методов получения той или иной релевантной для исследователя информации. Непринужденные разговоры, беседы на самые разные темы, неофициальность, порой шутливость, отсутствие натянутости в беседах, самые различные и незапланированные заранее места собеседования (кухня, церковный дворик, машина, кафе) – все эти, на первый взгляд, внешние атрибуты речевого общения первостепенны, по мнению Е. А. Земской, для получения языкового материала и адекватных суждений об эмигрантском узусе.

Однако при таком сборе материала исследователя могут подстерегать неожиданности и даже разочарования. Выразительные примеры такого рода приводит известный американский ученый Д. Эндрюс, изучавший язык эмигрантов третьей волны (приехавших туда в 1960–1970-е гг.) в США.

Во-первых, многие эмигранты относились к предложению взять у них интервью очень настороженно, подозрительно (*leery*) и никак не могли забыть о присутствии магнитофона в доме, где происходила запись непринужденной беседы;

во-вторых, интервьюеру немалого труда стоило убедить информантов в своем добром намерении использовать интервью для строго научных целей;

в-третьих, как результат этого, некоторые интервьюируемые решили, что идет проверка их русского языка и поэтому хотели доказать интервьюеру, что они говорят по-русски чисто, их русский свободен от интерференции и, напротив, другие информанты пытались «понравиться» интервьюеру весьма необычным образом – использовать в своей речи англицизмы каким-то намеренно-искусственным изошренным способом [Andrews 1999: 60–61]. Понятно, что язык эмиграции не может замыкаться только на устноречевых продуктах. Итак, критика интервью как надежного социолингвистического инструментария основывается или на

отсутствии естественности речевого поведения информанта в случае повышенных эмоционально-психических реакций индивида, или на его подсознательной, недеклалируемой и не демонстрируемой исследователю лингвоповеденческой самоцензуры, в свою очередь приводящей к осознанным и неосознанным искажениям информации. Справедливо признает такую возможность автоцензуры («Вполне допускаю, что мои информанты с родными и близкими друзьями говорили бы несколько иначе» [Земская 2004: 411]) и Е. А. Земская, делая на это некоторую скидку,¹² смягчает недостатки метода интервьюирования заменой термина *интервью* более нейтральным словом *беседа*, терминологизируя его для решения своих исследовательских целей: «[м]ои разговоры с информантами никогда не имели характера **интервью**. [...]...[Н]аши **беседы** [везде выделено мной. – А. З.] имели дружеский, откровенный характер» [она же: 411]. Нужны и другие инструменты, методы сбора эмпирического материала и методики его исследования.

Можно ли утверждать, что у эмигрантов первой волны «такой же» разговорный язык, как у русских, проживавших в СССР/России? Это спорный, дискуссионный момент исследования языка эмиграции. Так, исходной точкой отсчета и при сборе материала, и при анализе полученных данных для Е. А. Земской являлась устноразговорная речь («магнитофонные и ручные записи»). Вывод этого исследователя таков: инновации, зафиксированные в эмигрантском узусе, «типичны и для российского русского языка (РЯ), т. е. репрезентируют **различие** между **разговорным** русским языком и **книжным** [выделено мной. – А. З.] русским языком» [Земская 2004: 411]. Этот вывод Е. А. Земской оспаривается, например, О. А. Лаптевой, полагающей, что в устной эмигрантской речи явственна «ориентация на литературность. [...] Это приводит к практическому **отсутствию различий** [выделено мной. – А. З.] между устными и письменными языковыми средствами – потому что и те, и другие в речи такого типа являются общелитературными, свойственными и устной, и письменной речи одновременно» [Лаптева 1996: 141]. Причину этого О. А. Лаптева видит в слабой дифференцированности устной и письменной форм в начале XX в., строящихся на базе общелитературных черт и характеризующихся доминированием унифицирующих тенденций над дифференцирующими. Она считает, что разговорная речь как одна из коммуникативных форм русского литературного языка приобрела специфические черты позднее, уже после отъезда из страны эмигрантов первой волны, и ее обособление было обусловлено складывавшимся в 1920–1930-е гг. «партийно-производственным воляпюком» [там же: 141]. Действительно, в эмигрантском узусе отсутствуют многие лексические, грамматические, словообразовательные новшества, вошедшие и в русский литературный, и в разговорный язык после 1917 г. и представляющие, по сути, элементы партийно-политического (под)стиля. Эмигранты чутко (точнее – болезненно-иронически) реагировали на такие советские языковые новации, именно они часто и служили основной причиной именованного русского советского языка «блатным жаргоном», но не в собственно терминологическом значении, а скорее с целью обобщенно-квалифицирующей характеристики «новояза». Эмигранты скорее подразумевали под «жаргоном» проникшее в письменный и устный советский язык большое количество жаргонных лексических элементов (в первую очередь тюремных, партийно-групповых, военно-профессиональных). Эмигрантская как устная, так и письменная речь характеризовалась если не полным отсутствием таких публицистических штампов, элементов официально-делового стиля, то их гораздо меньшим «удельным весом» в языковой ткани эмигранта, в сравнении с речевой практикой среднестатистического советского человека.

Одним из важных теоретико-практических вопросов является использование в работах по эмигрантологии словосочетания *эмигрантский язык*. Очевидно, как термин он едва

¹² Е. А. Земская, признавая недостатки интервью, настаивала на том, что интервьюируемый постепенно привыкает к магнитофону и забывает о его существовании, в дальнейшем ведя себя вполне естественно и непринужденно [PPP 1973: 5–39].

ли правомерен по отношению к русскому языку вне метрополии, поскольку не имеет отличительных качеств, изолирующих его от русского языка метрополии, в отличие, например, от украинского эмигрантского языка в США и Канаде, обладающего значительными отличиями от материкового украинского. В настоящее время украинский эмигрантский (наряду с польским и английским американским языками [Press 1999]) оказывает существенное влияние в области лексических заимствований, орфографической и орфоэпической кодификации на язык в Украине. Это влияние гораздо мощнее, чем в ситуации «русский эмигрантский» – «русский материковый», хотя и высказываются предположения о влиянии первого на второй [Andrews 1999; Осипова 2001]. В случае с украинским это связано, конечно, с экстралингвистическими причинами: становлением новой украинской государственности, построением национального идентитета, попыткой «освободиться» от русизмов (и на лексическом, и на грамматическом уровнях). Справедливо утверждение Н. Б. Мечковской: «Среди языков Славии русский язык характеризуется максимальной лингвогеографической однородностью» [Мечковская 2004: 245]; говорить *о русском эмигрантском языке* можно только в известном обобщенном и нестрогом терминированном смысле. Хотя раздаются голоса, предлагающие выделять, в частности, русский американский как самостоятельный вариант русского языка на основе интонационного рисунка речи русских в Америке,¹³ однако только этот, интонологический, критерий явно не может быть необходимым и достаточным основанием для постулирования эмигрантского языка как особой разновидности, или идиомы, обособившейся от русского «стволового языка» (Stammsprache). Использование словосочетания *эмигрантский язык* в качестве термина непригодно по той причине, что нельзя утверждать гомогенность речевых практик эмигрантов: невозможно вычленить среди региональных вариантов русского языка какой-либо центральный, ведущий или сконструировать некий эмигрантский стандарт. Если же вести речь о языковом континууме, то скорее всего, по мнению Н. Б. Мечковской, следует говорить о «миллионах идиолектов» [Мечковская 2004: 248]. «Заграничного» особого русского языка просто не существует» [она же: 249]. К этим же выводам раньше пришла и Е. А. Земская [Земская 2004: 411]. Употребление словосочетания *эмигрантский язык, эмигрантский узус* в работах по эмигрантологии оправдано в узком смысле: как стремление исследователей сформулировать и поместить в известные рамки объект изучения. Хотя некоторые звенья фонетического, лексического, грамматического яруса в эмиграции могут претерпевать трансформации (это хорошо показано как на материале устных записей, так и письменных текстов), тем не менее у нас нет оснований квалифицировать появившиеся в эмигрантском узусе речевые черты, либо вызванные влиянием иностранных языков, либо законсервированные из дореволюционного речевого узуса, как некий монолит, как совокупность речевых реализаций, формирующих особую подсистему русского литературного языка в его разговорной и письменной формах. Все эти эмигрантские речевые модификации, диапазон которых варьируется от высокопарной архаичности до макаронической смеси «французского с нижегородским», все-таки не выпадают из рамок полифункционального, стилистически дифференцированного русского материкового языка. Итак, узкой трактовки терминов *эмигрантский язык, эмигрантский узус* мы придерживаемся и в нашей работе.

3.1. Оценки языковой компетенции эмигрантов

Полярность оценок языковой компетенции эмигрантов в терминах разрушения, умирания или, напротив, новаций, аккомодаций уже давно существуют в литературе по эмигрантологии. Так, один из первых исследователей жизни русских в США в книге, выпущенной еще

¹³ Действительно, интонация оказалась одной из наиболее подверженных интерференции зон в речевой практике иммигрантов [Andrews 1999: 138; см. также: Найдич 2004 – о русском языке в Израиле]; ср. также замечание Е. А. Земской: «[Б]ыстрее всего влиянию чужих языков подвергается интонация: у многих лиц, но не у всех» [Земская 2004: 417].

в 1918 г., удивленно-скептически отмечал, что русской прессе, даже самой качественной, не удастся избежать следов разрушения, не удастся сохранить чистоту русского языка, находящегося в иноязычном окружении [Вильчур 1918: 71 – цит. по: Andrews 1999: 151]. Такое признание нелингвиста основывалось на элементарной, присущей «наивному» говорящему языковой рефлексии. Однако и основательные работы лингвиста М. Полинской, выполненные на базе материала речи русских в Америке (преимущественно третьей и четвертой волн эмиграции), среди основных выводов содержат утверждение о явных признаках быстрой деградации, коррозии русского [Polinsky 1998; 2000]; против такой исследовательской интенции и намерения видеть в языковых ошибках (вызванных пиджинизацией) и затруднениях в поисках слов, трудностях построения фразы в процессе порождения спонтанных высказываний возражают, например, Е. А. Земская и Д. Эндрюс. Эти (и многие другие) исследователи предпочитают говорить о функционировании русского языка в зарубежье не в терминах «умирания, истощения, разрушения», а в категориях трансформации, аккомодации [ЯРЗ 2001] и прогнозистики, называя русскую эмигрантскую речь даже авангардом будущих изменений в русском языке метрополии [Andrews 1999: 106, 160; Гловинская 2001; Осипова 2002]. Если и можно говорить об умирании русского языка вне метрополии, то в ограниченных сферах – прежде всего в бытовом использовании письменных навыков [Земская 1999]. Напротив, в зарубежной журнально-книжной продукции (от первой до четвертой волн) упадка или даже признаков деградации русского языка не наблюдается [РЯЗ 2001; Протасова 2004]. Ошибки, вызванные смешением языков или ориентацией на инокультурные реалии, действительно встречаются в зарубежной прессе и, аккумулированные исследователем, могут создавать впечатление испорченного русского, но число языковых погрешностей, неточностей едва ли превосходит подобные случаи в публицистическом языке метрополии.

Умирание языка совсем не то же, что его консервация или замедление темпов развития, когда данными терминами чаще всего, с позиций сегодняшнего дня, характеризуют язык первой волны. С одной стороны, русский язык зарубежья находился под языковым «микроскопом» всех волн эмиграции. Эмигрантами первой волны свой язык ни в коей мере не характеризовался в терминах умирания, хотя они сами справедливо подшучивали над речевой практикой некоторых русских (ср., например, рассказы Тэффи). Первая волна (в подавляющем большинстве) сохраняла убеждение в преимуществе русского эмигрантского языка над «советским», именно последний рассматривая в категориях «порчи», сравнивая его с «блатным жаргоном», видя в нем «языковые уродства». У эмигрантов третьей и четвертой волн наблюдалось уже гораздо более позитивное отношение к языку первой волны, первоначальная ирония над старомодностью языка довольно быстро сменялась уважением и даже несколько экзальтированным преклонением. Вот два свидетельства: Г. Покрасс, покинувший СССР в 1975 г. (третья волна) и работавший в русской службе «Би-би-си», вспоминает: «Почти все старые эмигранты имели глубокие убеждения, хотя некоторые подзабыли, откуда они или их родители в свое время бежали. Мы, “молодые” эмигранты, посмеивались над их языком. Наиболее наглые из нас со страдальческим видом заменяли их старомодные фразы убогим советским канцеляритом. Что только не несло в эфир! “В силу слабости режима”, “больше лучше”, “извивающаяся политика”, “закон о запрете незаконных организаций”...» [Моск. новости. 1998. № 29. 18 авг.]. Живущая в Германии поэтесса О. Бешенковская восторгается «тютчевским» языком первой волны, противопоставляя его советскому воляпюку: «первая эмиграция в своих семьях сохранила язык именно Льва Толстого и Тургенева, т. е. их не коснулся советский новояз. [...] [Я]...познакомилась с этими удивительными, негибкими стариками, которые говорят на изумительно чистом, я бы сказала – тютчевском языке» [Рус. Германия. 2001. № 47. 23 нояб.].

3.2. Язык зарубежной прессы

Смена ведущего, приоритетного инструмента, влияющего на формирование общественных настроений на рубеже XIX–XX вв. (в XIX в. – художественная литература, с первых десятилетий XX в. – публицистика), по мнению П. Н. Денисова, сопровождалась формированием нового подстиля в уже сложившемся публицистическом стилевом регистре: «к концу XIX в. и, тем более, в первой четверти XX в. в России разыгрались такие политические бури, что политика и публицистика выдвинулись на первый план среди форм общественного сознания и словесности. Сложилась новая функциональная разновидность русского литературного языка: язык общественной мысли, публицистический стиль, “язык газеты”» [Денисов 1998: 126]. Именно язык газеты быстрее всего реагировал на динамику социально-политических, экономических, религиозных, духовных инноваций в жизни России, выступая своеобразным нейтрализующим звеном между «высокой» литературой (и языком художественной литературы) и «низким» (демократическим языком города, городским койне). Это качество газетного языка дает основание П. Н. Денисову называть формирующиеся лингвистические стандарты газеты «низовым вариантом языка общественной мысли» [Денисов 1998: 9].

Газетно-журнальный (под)стиль выполнял двоякую функцию:

- 1) служил рупором идеологий, средством передачи политико-экономических, социальных ценностей (и соответствующего лексикона) в массовую аудиторию;
- 2) являлся интеллектуально-языковым полигоном в процессе адаптации новых понятий в обществе, внедряя новые понятия в обыденное, массовое сознание.

Именно с последним обстоятельством связано то повышенное социолингвистическое и политическое внимание в Советской России в первые послереволюционные годы к изучению лексико-стилистического состава советской газеты, когда разрушались старые каноны и создавались новые экспрессивно-стилистические языковые стандарты (в этой связи см., например, одну из первых работ: [Шафир 1924, 1927; Гус & al. 1926]; критику последней работы см. в: [Винокур 1929]. Основной эмпирический базис известной работы А. М. Селищева [Селищев 1928] также основан на газетных выписках, выступающих регистраторами языковых новаций советской эпохи). Этот интерес к советскому языку (и в газетно-журнальной разновидности в том числе) определялся его прецедентным характером, закладывавшим основы нового стиля и вообще новой риторической и публицистической культуры [Романенко 2002]. Американский исследователь М. Горэм, изучавший языковую ситуацию 1920–1930-х гг. в СССР, выделяет 4 языковые модели, стихии (voice «голос», в его терминологии), которые складывались и доминировали в ту эпоху: 1) революционная (revolutionary); 2) обиходная (popular); 3) (просто)народная (national); 4) партийно-государственная (party-state) [Gorham 2003]. «Обязательным условием всякой власти является ее выражение в языке, а политика есть не что иное, как кодифицированные знаки, развертываемые при помощи акта высказывания в социально-семиотическом процессе. [...] Всякая власть создает свою речевую практику, которая стремится утвердить себя в качестве универсальной, истинной и справедливой и тем самым ставит другие речевые практики в подчиненное положение» [Лассан 1995: 16]. Действительно, в послереволюционную эпоху язык становится и объектом, и инструментом манипулирования и контроля, способным оказывать влияние на мышление, мировоззрение людей, поскольку язык позволяет и помогает переформулировать старые категории и понятия, он стереотипизирует публично-личностное поведение в соответствии с социальными, политическими, моральными нормами. Язык как средство передачи информации, с одной стороны, и как средство формирования концептуальной картины мира, с другой, является объектом пристального внимания представителей той идеологии, которая стоит у власти. Активизируя прагматическую (воздей-

ствующую) функцию, власть распространяет идеологию на все сферы общественной, культурной, частной жизни.

В отличие от публицистического стиля советских газет, к середине 30-х гг. выработавшего практически универсальный для каждого издания набор структурирующих компонентов, репертуар стилевых черт в эмигрантской прессе значительно варьировался в зависимости от многих факторов:

- ориентация на дореволюционные стилистические каноны и/или зарубежные (национально-региональные);
- поиск стилеобразующих особенностей, служащих для ведения острой полемики с другими печатными эмигрантскими органами;
- многопартийность эмигрантского политического поля;
- языковая дифференцированность газет, определяемая интеллектуально-образовательными критериями потенциального круга читателей.

Трудность исследования заключается и в том, что в современной русистике, как ни парадоксальным покажется такое утверждение на первый взгляд, отсутствуют обобщающие и систематизирующие работы по языку небольшевистской публицистики начала XX в.,¹⁴ не говоря уже об исследованиях языка эмигрантского публицистического стиля. Внимание чаще приковано к устному языку, языку художественной литературы, локальным, замкнутым социолектам (молокане, старообрядцы). Таким образом, в необходимой для полноценного описания публицистического языка триаде: **русский дореволюционный язык газет – язык газет советской поры – язык эмигрантской прессы** отсутствует два крайних члена, что существенно снижает наши знания о реальном функционировании русской языковой системы в сфере массовой коммуникации в первой половине XX в. в его основном, магистральном русле – газетно-журнальном. Хотя сопоставительный анализ русской эмигрантской с дореволюционной и советской прессой не является целью нашего исследования, но тем не менее обращение к ним составляет важный и необходимый фон для наблюдений над языковой практикой эмигрантских газет.

Отбор и хронологическое ограничение газетного материала определялись экстралингвистическими факторами: 1919 г., нижняя граница, – это начало массовой эмиграции из Советской России, организация печатных органов за рубежом с целью критики большевистского строя; 1939 г., верхняя граница, – это практически завершение первой волны эмиграции и подведение определенной черты в эмигрантской прессе. На протяжении двух десятилетий эмиграция (включая различные оттенки политической палитры) строила за рубежом Россию вне России, политически, идеологически дифференцированное сообщество, именно сообщество, объединяющим, консолидирующим компонентом которого являлась идейная, по сути, основа – осознание своей культурной миссии, роли в сохранении России и ее посильная реализация. Огромная по численности русская диаспора, озабоченная проблемами не только и не столько физического, психического выживания, но и генерирования новых идей, воспроизводства культурных ценностей, создавала и создала свой неповторимый мир. Начало Второй мировой войны оказало значительное, во многом деморализующее, влияние на эмигрантов. Особенно это отразилось на эмигрантской массе в Германии после прихода к власти Гитлера; эмигранты, ранее видевшие в этой стране своего защитника, покровителя и, главное, будущий ударный авангард для борьбы с большевизмом, после заключения сепаратного мира между Германией и СССР (пакт Молотова – Риббентропа), находились почти в шоковом состоянии. В течение 1940-х гг. в Германию сотнями тысяч стали прибывать перемещенные лица, т. е. военнопленные с Балкан, из Восточной Европы или люди, использовавшие гитлеровскую оккупацию как возможность бежать от советского режима. Эта категория иммигрантов оказалась за

---

¹⁴ Напротив, исследование большевистской дореволюционной прессы проходило достаточно активно [Рогова 1979].

границей уже совсем по другим причинам, чем эмигранты первой волны, у них уже не было прежней объединяющей идеи – воссоздания России за рубежом, они не декларировали каких-либо культурных, политических концепций; в подавляющем большинстве они искали мира, покоя, безопасности. Кроме того, молодое поколение эмигрантов, вышедшее на культурную и политическую арену, но выросшее, а также идейно, духовно, психически сформировавшееся уже за границей в значительной мере оказалось интегрированным в жизнь приютивших стран, оно уже утратило прежний заряд «стариков» – непереносимого возвращения на родину. Смена жизненных приоритетов и установок в конце 1930-х – 1940-е гг. в русской диаспоре оказалась очевидной, что серьезно подорвало если не монолитность, то духовную сплоченность, основанную на общей оппозиционности советскому режиму, старшей эмиграции; русская диаспора раскололась, стала более индивидуализированной, многополюсной, полицентричной. Вследствие этого периодом существования России за рубежом, т. е. «общества в изгнании», принято считать 1919–1939 гг. [Раев 1994: 16–17; ПРЗ 1999: 4]. Печатные органы именно в конце 1930-х гг. оказались перед трудным политическим, идейным, моральным выбором: принять сторону германского фашизма, желая поражения Советской России, или встать на сторону сталинского СССР. Некоторые предпочли первый вариант, большинство – второй. Изменение отношения к войне с СССР существенно отразилось и на языке, прагматических оценках эмигрантской прессы. Эти экстралингвистические обстоятельства и мотивировали выбор хронологических рамок газетных материалов, взятых для изучения.

3.3. Лингвокультурный шок

Тот факт, что эмиграция – это культурный, языковой шок для человека, осознавался и признавался уже самыми первыми беженцами (среди языковедов следует упомянуть С. И. Карцевского, прямо использовавшего эту дефиницию для характеристики психологического состояния эмигранта [Карцевский 2000]). В последующем изучении языка эмиграции (независимо от типа и качества «волн») языковой стресс признается одним из факторов, обуславливающих появление некоторых речевых черт как на уровне отдельной эмигрантской личности, так и эмигрантского сообщества. Так, стресс как нарушение привычного для индивида образа жизни, как выведение его из культурно заданных и/или автоматизированных норм и стереотипов поведения (включая и языковые), выступает одним из нелингвистических (точнее – психолингвистических) мотивов, объясняющих появление инноваций на более «незащищенных» речевых участках, т. е. таких сферах языка, которые подвержены изменениям в настоящем или предрасположены, потенциально готовы к трансформациям. Эту теорию речевых ошибок на «слабых» участках языка в течение ряда лет развивает М. Я. Гловинская как применительно к речевой практике метрополии, так и эмиграции. «Почему язык эмиграции имеет опережающий характер? В литературе обращалось внимание на то, что в периоды социальных потрясений в языке фиксируется большее количество инноваций и изменений, чем в спокойные консервативные годы... [...] тенденции в такие периоды как бы вырываются наружу. Эмиграция – это психологический, социальный, языковой и культурный шок. При шоке стихийное начало может брать верх над управляемым, консервативным» [Гловинская 2001: 57, сноска 10]. Этот же посыл акцентируется в [Andrews 1999], где рассматриваются языковые особенности эмигрантов третьей волны (в США): эмигранты, воспитанные при социализме и оказавшиеся там, испытали не только социокультурный шок при соприкосновении с реальностью (многие думали, например, что безработица в США – это один из элементов советской пропаганды), но и языковой.

Процессы культурно-психического приспособления, или аккультурации (acculturation), особенно активно изучаются в англоамериканской школе психологии в последние 25–30 лет, и библиография по этой теме весьма обширна [Acculturation 1980; Smither 1982; Куэва-Харамии-

льо 1985; Gans 1994; Билз 1997; Faist 2000 и др.]. Как ответвление социоэтнических штудий появились работы и по языковой аккультурации [Haarmann 1987; Пфандль 1994; Noels et al. 1996]. В настоящее время практически общепризнанными являются следующие типы поведения (аккультурации) эмигрантов:

- антиассимилятивное (нежелание, по разным причинам: культурным, религиозным, социальным, интегрироваться в новые условия проживания, поддержание на высоком уровне своей национально-этнической и культурной идентичности);
- ассимилятивное (стремление к быстрой аккультурации, быстрое внедрение индивида в культурные, производственные, научные и др. микроколлективы и целенаправленное растворение в жизни новой страны проживания);
- бикультурное (стремление сохранить старые традиции, обычаи, язык с одновременным позитивным отношением к чужой культуре, быту, социальным связям людей и т. п.; осознанием себя как «другого» или, вернее, «иного», в инокультурном пространстве).

Все эти модели аккультурации свойственны и русским эмигрантам первой волны: одни из них не хотели и не допускали возможности адаптации или тем более растворения в новом культурно-этническом окружении. Другие стремились максимально быстро освоиться в новой обстановке, закрепиться на новом месте проживания, активно обзаводились, обрастали различными связями (деловыми, культурными, социальными, семейными) в новом сообществе. Третьи пытались сохранить своеобразный паритет между своим прошлым (российским) и настоящим (зарубежным) опытом, проявляя при этом собственную психоментальную гибкость и демонстрируя толерантность к чужому образу жизни. Разумеется, эти три модели на протяжении многих лет эмиграции находились в динамическом неравновесии: если в первые годы беженства многие рассматривали свое зарубежное пребывание как кратковременный этап на пути возвращения в освобожденную от большевиков Россию («жили на чемоданах»), то с годами, отодвигавшими надежды на возвращение домой и укоренявшими эмигрантов в новой жизни, все более начинают распространяться второй и третий типы: ассимилятивный и бикультурный (в эмигрантской терминологии противников ассимиляции, или традиционалистов, — «денационализация»).

В процессе осознания индивидом своего места в окружающем инокультурном пространстве, а также в системе межличностных отношений с другими беженцами важную роль играла саморефлексия: кто я? какова моя национальная (этническая) идентичность? Кроме того, эмигранту нужно было понять причины бегства из страны (России); определить и корректировать хронологические границы своего возможного пребывания за рубежом; решить вопрос: поддерживать или прерывать родственные связи с родственниками в советской России; выработать свое отношение к новому социальному строю на своей родине и т. д. Язык в этом конгломерате вопросов занимает одну из важнейших позиций, так как самоидентификация индивида во многом строится и на языковой компетенции, на лингворецептивных особенностях (легко или трудно дается индивиду изучение другого языка/других языков), количестве языков, которыми он владеет, и др.

В эмигрантологии устойчиво выделяется два наиболее ярких конститутивных критерия, формирующих «русскость» эмигрантов: религия и язык [ЯРЗ 2001: 9]; по сути, основополагающее значение этих атрибутов подчеркивается и самими эмигрантами первой волны или их потомками. Ср. характерное признание князя Б. Голицына, родившегося уже во Франции: «Мой отец всегда говорил, что русской эмиграции нет, есть эмигранты, и у нас даже ходила такая шутка: когда в Париж попадают двое русских, они открывают три церкви и пять политических партий. Политику оставим в стороне, а вот *религия*, да еще в какой-то степени *язык* остались, пожалуй, единственными чертами «русскости» наследников первой волны эмиграции» [Сегодня. 1996. № 68. 20 апр.; курсив мой. — А. З.]. Ясно, что религиозные каноны и традиции можно без ущерба соблюдать и поддерживать и на иностранном языке (примеров

тому множество), но вот сохранение языка требует от индивида намного больше интенсивных психических, моральных, интеллектуальных усилий и затрат. К анализу собственно языковых особенностей эмигрантской прессы мы и приступаем.

Глава 1

Графика. Орфография

Общие замечания

В дополнение к идеологической конфронтации людей после октябрьской революции 1917 г. законодательно принятый большевиками «Декрет о введении новой орфографии» (от 10 октября 1918 г.) еще более углубил разрыв между советским государством и беженцами. Изменение орфографических правил лично затрагивало каждого человека. О пристрастном отношении к орфографической реформе сразу после ее официального введения, даже еще до начала массовой эмиграции, красноречиво свидетельствует фрагмент письма (написанного в 1918 г.) поэта С. Боброва, отметившего социокультурную спаянность в общественном сознании орфографии и политики: «Когда я получил от [Б. Зайцева] первое письмо, меня поразило, что оно было написано по старой орфографии (и это был еще один пример неприятия Зайцевым советских реформ ни в каком виде)» (Русская мысль. 1997. 10 июля). Субъективно-художественное восприятие орфографических знаков проявляется и в утверждении А. Блока: *слово «хлеб» без Ъ не пахнет*. Чуткие к слову поэты не считали букву Ъ опустошенным фонологическим знаком, справедливо считая его необходимым в местах скопления согласных, например на стыке слов, «нуждающихся в опоре немой полугласной буквы, коей принадлежит некая фонетическая значимость» [Вяч. Иванов. Собрание сочинений. Брюссель, 1987. С. 689 – цит. по: Грановская 2005: 39].

Миллионы эмигрировавших из советской России людей не принимали орфографических новшеств, рассматривая их в русле большевистских (коммунистических) реформ, ведущих, по мнению многих эмигрантов, к прерыванию исторической, культурной преемственности между старой и новой Россией. Орфография – один из базовых компонентов культурного пространства, дающих индивиду ощущение социальной и психологической стабильности и чувство языкового комфорта. Смена орфографического кода («орфографических одежд», по Е. А. Земской) может болезненно и напряженно восприниматься частью общества вплоть до полного отрицания новой орфографии или ее элементов. Некоторые эмигранты и эмигрантские группы и по сей день не принимают новой орфографии, продолжая использовать в личной эпистолярной практике или в печатной книжной и газетной продукции старую, дореволюционную [Григорьева 1998; ЯРЗ 2001: 154; Грановская 2005: 266–274]. Причины этого могут быть различные:

- идеологические (неприятие всего советского, в том числе и орфографии),
- культурные (сохранение вековой преемственности),
- эстетические («уродство» новой орфографии и «красота» старой),
- локально-семейные (передача письменных навыков от поколения к поколению, основанная на привычке).

Одним из важнейших мотивов, определяющих неприятие многими эмигрантами советских газет, журналов, книг, которые были доступны на Западе в 20-е гг. ввиду своей дешевизны, было орфографическое нововведение большевиков, психологически болезненное, даже оскорбительное, с точки зрения многих беженцев: в напечатанных по новой орфографии текстах слово *Бог* писалось со строчной (маленькой) буквы [Раев 1994: 104; Грановская 2005: 424, сноска 76].

В 20-е гг. в эмигрантских кругах предпринимались попытки выработать более трезвое, лишенное идеологической подоплеки отношение к новой орфографии не как к «изобретению»

и «орфографическому злодеянию» большевиков, но как к закономерной смене орфографических норм более новыми, облегченными, отвечающими современному состоянию орфографических требований, однако не покушающимися на уничтожение русского языка [Григорьева 1998; Грановская 2005: 271–272]. Наиболее легко приняли новую орфографию «левые» и демократические издания. Кроме них, писатели, сторонники сменовеховства и евразийства, также перешли на новую орфографию, рассматривая ее в качестве культурного инструмента по сближению Запада и Азии, евроазиатской России и западного мира. Однако охранительные, монархические, народно-патриотические печатные органы цепко держались за старую орфографию, во-первых, рассматривая ее в качестве связующего «мостика» между старой Россией и эмигрантской массой как хранительницей старины и вековых традиций, и, во-вторых, считая сохранение старой орфографии своим долгом перед «порабощенной большевиками» родиной. Справедливости ради надо сказать, что использование элементов новой орфографии проникло и в письменную практику высших, аристократических слоев. В письме В. Н. Буниной (жены И. Бунина), адресованной М. Цетлиной,¹⁵ есть знаменательное признание: «Иногда приходится писать и по новой орфографии, так как теперь даже сама Екатерина Дмитриевна Кускова¹⁶ написала Яну¹⁷ письмо без “ять”, твердого знака и с другими кощунствами. Теперь меня мало что утешает» (Русская мысль. 1997. 22 мая). И сам И. Бунин не принимал новую орфографию и требовал издавать свои произведения, выходившие, например, в Германии, только по старой. Стоит упомянуть и публицистический памфлет Бунина «О новой орфографии».

¹⁵ Мария Самойловна Цетлина (в девичестве Тумаркина), первая женщина, получившая в Европе степень доктора философии; в эмиграции вместе с мужем (Михаилом Осиповичем) занималась благотворительностью помогала (особенно нуждавшимся писателям), активно сотрудничала в Политическом Красном Кресте, Союзе русских писателей и журналистов, была членом Литературного фонда.

¹⁶ Кускова (Прокопович) Екатерина Дмитриевна (1869–1958), политическая и общественная деятельница, издательница публицистических журналов и газет; выслана из Советской России в 1922 г. (проживала в Праге, Женеве).

¹⁷ Ян (наст. фамилия Янчевецкий) Василий Григорьевич (1875–1954), известный писатель и журналист.

1. Влияние иноязычной фонетики на русскую графику. Заимствованные слова

Оказавшись в иноязычном окружении, особенно в европейско-американском ареале, эмигранты столкнулись со словами, которые или уже давно были заимствованы русским языком, но утратили «привкус» иноязычности, или с новыми обозначениями, которые требовали написания их кириллическими буквами. Как же иноязычная языковая материя влияла на графический облик слов? Отметим наиболее открытые, подверженные такому воздействию зоны.

Говоря об особенностях произношения заимствованных слов эмигрантами первой волны, Е. А. Земская выделяет эту проблематику в «особый раздел», поскольку характерная черта фонетики таких слов – это произношение их по фонетическим законам языка-реципиента [ЯРЗ 2001: 83]. Устные нормы произношения в эмиграции могут оказывать более сильное влияние на письменные формы фиксации текста (речи), в отличие, например, от аналогичного соотношения письменной и устной форм языка метрополии: письменные формы здесь более консервативны, охраняются обществом и подвергаются процессам кодификации. Эмигрантский узус (речевой и письменный) этого (почти) лишен. В речи эмигрантов наиболее остро проявляется противоборство фонетического и орфоэпического принципа произнесения иностранных слов, в письменной же практике часто видна победа первого над вторым. Возможно двойное понимание фонетического принципа в зависимости от точки отсчета.

1. Фонетическое произношение иностранного слова может ориентироваться на прототипическое произношение в источнике (языке-доноре), и в этом случае происходит перенос (трансплантация) иноязычных фонетических особенностей в принимающий язык (язык-реципиент).

2. С позиций языка-реципиента фонетический принцип означает ориентацию на те фонетические законы, традиции, которые уже сложились в языке и которые подчиняют, адаптируют иноязычные слова без оглядки на их письменную форму [Тимофеева 1995: 65–66].

1.1. э или е?

Одной из наиболее ярких особенностей эмигрантских газет является выбор буквы э вместо е при написании иноязычных слов: в начале, в середине и в конце слов. Мена е/э – это чаще всего отражение именно фонетического принципа письма («пишу, как слышу и говорю») в письменной практике двуязычных индивидов, постоянно вынужденных переходить с одной системы записи на другую (письма, записки, дневники, сообщения по интернету); многочисленные примеры этого у лиц, живущих в Финляндии, см. в: [Протасова 2004: 223]. Примечательно, однако, что Е. А. Земская, характеризуя процессы, протекающие в письменной форме языка эмиграции (от первой до последней волн), не отмечает данного феномена [ЯРЗ 2001: 159–163].

Как известно, буква э вошла в русскую гражданскую азбуку в XVIII в. для обозначения «действительно существующего в языке чистого звука Е» [Грот 1912: 77; см. также: Максимова 1964: 33], однако «различение произношения согласного звука при помощи последующих букв е и э не является последовательным» [Орфография 1980: 28]. В принципе, Я. К. Грот предлагал оставить э только в собственных именах, в нарицательных же, по его мнению, «употребление э вместо е неуместно» [Грот 1912: 78].

В начальной позиции слова в нашем материале встретилось три слова с э: *Эврипид*, *Эстония* = *Естония*, *Эйрлайнс*. Очевидна, с одной стороны, ориентация на произнесение начального письменного е в иноязычных словах как э (написание *Естония* – это смешение двух систем письма, латинской и кириллической), с другой – верная передача английского графического

буквосочетания *ai* как *эй* в слове *Эйрлайнс*. Отсутствие четкой, кодифицированной системы передачи имен видно, в частности, в двух следующих примерах: написание имени английского короля (*Едуард*), но в то же время и привычное *Эдгар Коль*.

...король (Англии) *Едуард* 8¹⁸ (Рус. газета. 1937. № 1).

В середине слова написание буквы *э* в основном определялось попыткой передать английскую фонетику. Письменные эмигрантские тексты отразили следующие варианты.

а) Английский звук [*æ*] чаще всего передавался русским *э* и (в единичных случаях) как *а*; эти случаи таковы: *Мангамтан* < *Manhattan*, *Кливланд* < *Cliveland* (т. е. в основном при транслитерации топонимов).

В середине слова зафиксированы следующие случаи написания *э*:

тв. согл. + Э + тв. согл.	мягк. согл. + Э + тв. согл.	тв. согл. + Э + мягк. согл.	гласн. + Э + согл.
спортсмэн*	чэмпион	лэди***	спроэцированный
кэпка	рэкеттер и ракитир	Лайбрэри (но ср. Бродвей)	законопроэкт
скэтч**		бэби	проэкт
уик-энд			
киднэппер			
тэп (степ)			
констэбль			
мэр			
гэнгстер и гангстер			
рекордсмэн			

* В СУ: спортсмен.

** В СУ: скетч (кэ).

*** В СУ: *леди* и *лэди*.

Как можно видеть, написание *э* между твердыми согласными было самой сильной позицией для отражения иноязычной фонетики на письме. Написание слов *спроэцированный*, *проэкт*, *законопроэкт* можно объяснить еще их дореволюционной орфографией. Вариативность *рэкеттер* и *ракитир*, *гэнгстер* и *гангстер* показывает разные способы освоения иноязычного слова (ориентация на фонетику и/или письменную форму). Однако особенно выразительна средняя часть таблицы: она показывает действие закона аналогии: *э* пишется даже перед мягким согласным, причем в том случае, когда такое произношение по нормам русской литературной фонетики и орфографии невозможно – после мягкого непарного звука [*ч*']. Сюда же относится написание *бреэкфест* (< *breakfast*), где встречается невозможное для русской фонетики и графики скопление букв *е* и *э*: пишущий произвольно расчленил английский дифтонг *ea* на две буквы и пытается их передать кириллицей: *е* ← англ. *e*, *э* ← англ. *a* (попытка фонетической передачи, но по законам английской фонетики комбинацию *ea* надо читать как монофтонг [*e*]). Таким образом, фонетический (фонематический, согласно ленинградскопетербургской фонологической школе) принцип письма в орфографической практике эмигрантов оказывается предпочтительнее орфографического, слогового. Эмигрантская орфографическая прак-

¹⁸ Обратим внимание на употребление арабской, но не римской цифры. Русской традиции порядковый номер при числовом порядке монарха, монархического наследования, обозначенный арабскими цифрами, был несвойствен.

тика идет вразрез с орфографической практикой языка метрополии, для которого расхождение между написанием *e*, но произношением *э* (*дельта* [дэ], *пенсне* [нэ], *фонема* [нэ]) признается «временным нарушением слогового принципа русской графики» [Моисеев 1980: 225]. А. И. Моисеев метафорически характеризует написание с *e* «авансом» [там же: 226] будущему, русифицированному, прогрессивному произношению. Как мы видим, эмигрантская практика такого «аванса» фонетике слова не дает.

б) Английское дифтонгическое сочетание *ai* в середине слова передается русскими *э/е/эй*: *Дэйли Мэйл* и *Дэли Мэль/Мель*.

Написание *э* в конце иностранных слов вызвано прежде всего влиянием французского языка, причем часто происходила субституция прежней буквы *e* «новой» буквой *э* даже в некоторых «старых» словах, заимствованных еще в конце XIX – начале XX вв. В нашем корпусе достаточно много примеров слов с буквой *э*, которая передает следующие французские звукобуквенные комбинации: *атташэ* (*attaché*), *кафэ* (*café*), *турнэ* (*tournée*), *кабарэ* (*cabaret*), *кашнэ* (*cachenez*), *ламэ* (*lamé*), *сунэ* (*souper*); *купэ* (*coupé*), *декольтэ* (*décolleté*), *коммюникэ* (*communiqué*), *тэдансан* (*thé dansant* – «вечеринка с танцами»), *экспозэ* (*exposé* – «отчет, доклад»).¹⁹ Единичное заимствование (из английского через французский), кончающееся на *eu*: *жерзэ* (*jersey* – «джерси, трикотаж»); в языке метрополии – *жерсе*.

В углу *купэ*, у окна, он [матрос] вытянул ноги, с облегчением вздохнул и впервые, как свободный человек, закурил папиросу (Возрождение. 1937. 3 апр. № 4072).

Выйдя из больницы, она [речь идет об авантюристке Анно. – А. З.] отправилась в ближайшее *кафэ* и вызвала по телефону своего адвоката (Руль. 1930. 25 марта. № 2836).

Черное пальто, отделанное барашком, теперь не выглядит мрачно и даже несколько траурно, как это было раньше, потому что вокруг шеи всегда повязан хотя бы маленький шарф из простроченного *ламэ* или из шелка самых неожиданных ярких тонов, например, фиолетового с красным, зеленого с оранжевым (Возрождение. 1935. 1 янв. № 3499).

Золото на черном – очень красивое и эффектное сочетание, и иногда вся отделка заключается в золотых ювелирных украшениях: булавка на шляпе, крупных «клипс» у *декольтэ* (Возрождение. 1935. 1 янв. № 3499).

Совещание исполнительного комитета углекопов [Англии] не опубликовало никакого официального [sic] *коммюникэ* (Дни. 1926. 19 нояб. № 1163).

...решено обождать окончания прений в сейме по поводу *экспозе* Падеревского (Призыв. 1919. 4 (21.12) дек. № 135).

Несомненно, эти примеры свидетельствуют о стремлении эмигрантов сблизить иноязычную фонетику и русскую орфографию, ориентируясь на фонематический принцип передачи иностранных слов.

1.2. Вариативность *г/х*

Отражение на письме европейского гортанного звука [h] представляет трудность в русской орфографии: передавать этот звук буквой *г*, *х* или изобрести для этих целей специальную графему, поскольку в русской графике нет соответствующих графемных средств? Проблема, конечно, остается и сейчас, и вариантов ее решения в русской орфографической истории было

¹⁹ В СУ: *Экспозе* [оэз].

предложено достаточно. Например, у русскоязычных, живущих в Финляндии, отражение на письме этого согласного вызывает значительные затруднения [Протасова 2004: 222–223]. В нашем корпусе встретилось несколько слов, показывающих языковые колебания пишущего при выборе русской графемы *г* или *х* для передачи этого звука. В начале слова гортанный [h] обычно передается русскими буквами *х* и *г* с крайне незначительным перевесом в сторону традиционной передачи гортанного [h] буквой *г*, чаще в именах собственных и их производных: *Хитлер* – *Гитлер*, *хитлеровский* – *гитлеровский*, *холливудский* (< англ. Hollywood). В русской орфографической традиции XIX в. более распространенной моделью было написание с буквой *г* [Грот 1912: 79–80]. Ср.:

Х	Г
<i>Хитлеровское движение</i> (Младоросская искра. 1932. 20 авг. № 21).	<i>Законопроект Гутенберга — Гитлера</i> (Руль. 1930. 1 янв. № 2766).
<i>Хитлеровский «расизм»</i> (Младоросская искра. 1932. 20 авг. № 21).	<i>Гитлеровская угроза</i> (Рус. газета. 1937. № 1).
<i>Муссолини и Хитлер. Разница только в оттенках</i> (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191).	<i>Гитлер, с циничным презрением к идеологии «борьбы с большевизмом», пошел на соглашение с СССР</i> (Последн. новости. 1940. 1 янв. № 6853).
<i>Творец новой Германии и ее вождь Хитлер</i> (Рус. голос. 1939. 19 марта. № 415).	<i>Гитлер должен оказывать содействие советской операции против Финляндии</i> (Последн. новости. 1940. 1 янв. № 6853).
	<i>Гитлеровские «Hakenkreuzer»</i> (черная сотня) (Анархич. вестник. 1923. № 5–6).
	<i>Гитлеровское правительство</i> (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35).

Ср., однако, непоследовательную передачу звука [h] русской буквой *х* в *Охайо* (< Ohio; штат в США), но того же звука [h] – буквой *г* в *Мангаттан* (амер. Manhattan).

...в западной части *Мангаттана* (Руль. 1930. 25 марта. № 2836).

Итак, письменная передача гортанного звука [h] в эмигрантской прессе показывает противоборство двух сил: с одной стороны, традиции, уходящей в XIX в. (буква *г*), с другой – влияния на орфографию фонетического критерия (написания с буквой *х*).

1.3. Другие случаи

Попытки отражения фонетики языка-донора в русской графической (орфографической) системе немногочисленны: немецкое понятие *LumpenProletariat* передается то как *лумпен-пролетариат* (следование немецкому графическому прототипу; транслитерационный принцип орфографии), то так *люмпен-пролетариат* (передача мягким [л'] «среднеевропейского» звука [l]; комбинация транслитерационного принципа с транскрипционным); французское *intérieur* – рус. *энтерьер* (попытка передачи буквосочетанием *эн* носового звука), немецкое понятие *Schlüpfen* («плащ, длинное мужское пальто») передается то как *иллюпфер*, то как *илипфер*.

Эмигрантская публицистика отразила проникновение в орфографию таких написаний, которые были вызваны непосредственным контактированием русского языка с другими. В процессе языкового контактирования усилилось влияние языков-доноров на русский, и, как следствие, обнаружились очевидные тенденции отражения иноязычной фонетики на русской

орфографии иностранных слов. Заметен отход от традиционного принципа орфографии иноязычных слов и стремление к более точной передаче фонетики на письме. Наибольшие трансформации затронули две зоны написаний: с буквой *э* и *г/х*. В сфере написаний с *э* сильное влияние оказывали английская (начало и середина слова) и французская (конец слова) фонетика. В сфере написаний *г/х* вариативность проявлялась прежде всего в передаче нового заимствования из немецкого языка (имя собственное *Гитлер* и его однокоренные производные).

2. Влияние иноязычной графики на русскую графику

2.1. Магия двойных согласных

Правописание двойных согласных (в лингвистике их еще называют геминатами) в заимствованных словах подчиняется в основном традиции, стихийно сложившимся правилам. Строгих рекомендаций нет, поэтому неудивительно постоянное внимание к этой проблеме в русской орфографической науке. Предлагались самые разные решения, радикальные и компромиссные:

- 1) отказаться от двойных согласных вообще;
- 2) следовать иноязычному графическому прототипу;
- 3) сохранить двойные согласные только в именах собственных [Грот 1912: 85–97; Гловинская 1964; Коляда 1964; Тимофеева 1995].

В написании иноязычных слов с двойными согласными сталкиваются фонетический и традиционный принципы русской орфографии. В целом же орфография таких слов кодифицируется в орфографических словарях.

Вариативность написания иноязычных слов с двойными согласными в эмигрантской прессе была велика, что обуславливалось прежде всего иноязычным окружением, контактным сосуществованием кириллического и латинского алфавитов и влиянием орфографии прототипов на уже (относительно) давно заимствованные слова. Традиционный принцип написания слов с двойными согласными в иностранных словах явно отошел на второй план, в сравнении с фонетическим и орфографическим критериями прототипических слов в языкахреципиентах. Приведем довольно обширный список иноязычных слов с двойными согласными, содержащихся в нашем корпусе примеров, и сопоставим его с написаниями, представленными в [Ромашкевич 1898] и в СУ.

Эмигрантская пресса	Ромашкевич	СУ	прототип (этимон)
<i>аггрегат</i>	—	<i>аг(г)регат</i>	нем. <i>Aggregat</i> , фр. <i>agrégat</i>
<i>аплодисмент</i>	<i>аплодисмент</i>	<i>аплодисмент</i>	фр. <i>applaudissements*</i>
<i>арранжировка</i>		<i>аранжировка</i>	фр. <i>arrangement</i>
<i>аттака</i>	<i>аттака</i>	<i>аттака</i>	нем. <i>Attacke</i> , фр. <i>attaque</i>
<i>блефф</i>	—	<i>блѐф</i>	англ. <i>bluff</i>
<i>бонна</i>	<i>бонна</i>	<i>бонна</i>	фр. <i>bonne</i>
<i>буттерброд</i>	<i>буттерброд</i>	<i>бутерброд</i>	нем. <i>Butterbrot</i>
<i>деликатесс</i>	<i>деликатес</i>	<i>деликатес</i>	фр. <i>délicatesse</i>
<i>жирафф</i>	<i>жирафф</i>	<i>жираф</i>	фр. <i>girafe</i> , нем. <i>Giraffe</i>
<i>импрессарио</i>		<i>импресарио</i> [<i>импрессарио</i> неправ.]	
<i>карикатура</i>	<i>карикатура</i>	<i>карикатура</i>	ит. <i>caricatura</i> , нем. <i>Karikatur</i>
<i>комерция — коммерческий — коммерсант</i>	<i>коммерция</i>	<i>ком(м)ерция — ком(м)ерческий</i>	фр. <i>commerce**</i>
<i>коммиссар</i>	<i>коммиссар</i>	<i>комиссар</i>	фр. <i>commissaire</i> , нем. <i>Kommissar</i>
<i>конкуренция</i>	<i>конкуренция</i>	<i>конкуренция</i>	нем. <i>Konkurrenz</i>
<i>куррьерский</i>	<i>курьерский</i>	<i>курьерский</i>	фр. <i>courrier</i>
<i>лотерея</i>	<i>лотерея</i>	<i>лотерея</i>	фр. <i>loterie</i> , нем. <i>Lotterie</i>
<i>оффис — офис</i>	—	—	англ. <i>office</i>
<i>оффициаль- ный — официальный</i>	<i>оффициальный</i>	<i>официальный</i>	фр. <i>officiel</i> , нем. <i>offiziell</i>
<i>пано</i>	—	<i>панно</i>	фр. <i>panneau</i>
<i>пуловер</i>	—	<i>пуловер</i>	англ. <i>pull-over</i>
<i>рассовый</i>	<i>раса</i>	<i>раса</i>	фр. <i>race</i> , нем. <i>Rasse</i>
<i>ресурс</i>	<i>ресурс</i>	<i>рес(с)урс</i>	фр. <i>ressource***</i>
<i>тиранн</i>	<i>тиран</i>	<i>тиран</i>	фр. <i>tyran</i> , нем. <i>Tyrann</i>
<i>филлиал</i>	—	<i>филиал</i>	фр. <i>filial</i> , нем. <i>Filiale</i>
<i>элемент</i>	<i>элемент</i>	<i>элемент</i>	фр. <i>élément</i> , нем. <i>Element</i>
<i>эммиграция</i>	<i>эмиграция</i>	<i>эмиграция</i>	фр. <i>émigration</i> , нем. <i>Emigration</i> (ср. фр. <i>immigration</i> , нем. <i>Immigration</i>)

* Обратим внимание, что во французском это слово выступает в форме множественного числа, но в русский было заимствовано в единственном.

** В русском языке *коммерция* – европейское (французское) заимствование через польский, где оно, как и в русском, – женского рода; во французском же слово – мужского рода.

*** Во французском языке, как и в заимствовавшем это слово немецком, оно – женского рода.

Таблица явственно свидетельствует об отходе от написаний иностранных слов с двойными согласными, рекомендуемых в русских орфографических словарях, например, конца XIX – начала XX в. Графическая форма слов, принятая в орфографической практике той или иной страны проживания русских эмигрантов, несомненно, влияла как на адаптацию новых заимствований, так и на трансформацию написания старых. Особенно сильным было немецкое влияние, в результате побеждавшее графический облик слов, ранее заимствованных из французского (*агрегат*, *жираф*, *комиссар*, *лотерея*, *раса*, *тиран*); французское влияние, судя по нашему корпусу, несколько уступало немецкому: *аплодисмент* → *апплодисмент*, *аранжировка* → *арранжировка*, *ресурс* → *рессурс*, *курьерский* → *куррьерский*, *конкуренция* → *конкурренция*. Возможны были и альтернативные варианты написания как ориентация на фонетический и графический критерии:

а) новое заимствование может писаться то в соответствии с графическим принципом – *оффис* (англ. office), то в соответствии с фонетическим – *офис* (следование английской фонетике [Ofis]);

б) в зарубежье написание старого заимствования *комерция* по фонетическому критерию (в XIX в.) оказалось под угрозой прототипической графической формы: фр. *commerce*, нем. *Kommerz*, что привело к возникновению непоследовательности: *комерция*, но *коммерческий*.

Такой разброс написаний иностранных слов с двойными согласными – это несомненное наличие «слабого звена» в орфографической практике русскоязычной прессы. Обратной стороной, но в этом смысле и лучшим косвенным подтверждением «слабости» является гиперкорректная орфография иностранных слов, т. е. появление двойных согласных в тех случаях, когда для этого не было никаких оснований даже в прототипе; именно этим мотивом можно объяснить орфографию таких написаний, как *карикатура*, *филлиал*, *элемент*. Итак, магия двойных согласных в иностранных словах зачастую превращалась в манию двойных согласных. Нам встретилось только одно иноязычное слово, написанное с отклонением от прототипического: *пано* < фр. *panneau*, вследствие, очевидно, особенностей индивидуальной фонетики (орфографии).

2.2. Другие случаи

Кроме этого самого яркого примера (влияние прототипов с двойными согласными), в нашем корпусе есть редкие случаи выравнивания (подравнивания) прежних форм написания к иноязычным графическим формам: *шпек* – «свиное сало» (нем. *Speck*) вместо давно освоенного *шпик* (< польск. *szpik*), *рахат-локум* (тур. *rahat-lokum*, франц. *rahat-lo(u)koum*) вместо традиционного в русской орфографии *рахат-лукум*.

Яков Иванович, запивая бессахарным кофе вязкий бутерброд со *шпеком* и не без труда преодолевая произношение и обороты языколомной немецкой речи, говорил своей жене... (Руль. 1930. 1 янв. № 2766).

3. Кавычки

Писатель, критик, театровед С. М. Волконский, находясь в эмиграции и живо реагируя на проблемы сохранения чистоты русского языка в изгнании, писал о роли кавычек: «Кавычки являются свидетельством, что говорящий [...] сохраняет свое критическое отношение к явлению речевому или умственному, которому не дарит своего полного сочувствия. Кавычки, как бы подчеркивающие неодинаковость умственных уровней, несомненно, одно из проявлений **культурности** [выделено автором цитаты. – А. З.]. Это признак неугасшего в человеке чутья критики и самокритики» [Волконский С. М. Вопросы языка // Звено. Париж, 1927. № 6. С. 323 – цит. по: Грановская 1995: 13]. По сути, здесь Волконский сформулировал одну из функций этого знака – прагматическую, которая действительно являлась, пожалуй, одной из важнейших (среди прочих) в письменном языке эмигрантов. Важнейшей, но не единственной. Публицистические эмигрантские тексты демонстрируют умелое и разнообразное использование этого «орфографического джокера» (по образному выражению Б. А. Успенского) как возможности пишущему продемонстрировать свою оценку, свое лингвистическое «его» по поводу приятия/отвержения реалии или явления.

Б. С. Шварцкопф, характеризуя этот знак, называет его «многофункциональным»: в синтаксисе он служит для выделения прямой речи, цитат, условных наименований (эти правила предписаны пишущему как нормативные); в лингвопрагматике – как личная сфера оценки письменного слова и стоящего за ним понятия [Шварцкопф 1997: 374]. Мы вкратце коснемся синтаксических правил использования этого знака (*выделительная* и *предупредительная* функция [Макарова 1969]), но в основном сосредоточимся на семантических аспектах его применения, а именно *модальном* [Ильиш 1968; Макарова 1969] и *метаязыковом* [Шварцкопф 1970].

1. Синтаксическая (пунктуационная) функция кавычек. В эмигрантских газетах последовательно закавычиваются названия печатных органов, будь то русскоязычные (все без исключения, поэтому мы не приводим примеров) или иностранные, а также названия мест досуга, обществ (ср.: общество вспомоществования «*Юхасаби*»), заводов, предприятий (ср.: «*Эспорт-хлеб*», контора «*Интуриста*»), кораблей (ср.: ледокол «*Семерка*») и т. д. Это касается слов как транслитерированных, так и сохраняющих свой латинский графический облик. Примечательно, что существует очевидная и доминирующая тенденция транслитерировать иностранные названия, а не использовать их исходную графическую форму. Сравните несколько примеров:

а) транслитерированные: «*Дер Нойе Вег*», «*Пти Эрмитаж*», «*Чикаго Дейли Ньюс*», «*Дансинг-Палас*», «*Карлейль*», «*Референц*», «*Иннодром*» и др.

б) нетранслитерированные: «*Tanass*», «*Kunststelle*», «*Hakenkreuz*».

Если используется нетранслитерированное название газеты, журнала, то иногда оно сопровождается переводом понятия на русский язык: «*Рестлер*» (*Борец*), «*Рестлинг*» (*Борьба*), но такие случаи единичны:

...мы получили от К. А. Пожелло из Кливленда (штат Охайо) ворох программ, афиш и номеров журнала «*Рестлинг*» (*Борьба*) и «*Рестлер*» (*Борец*), свидетельствующих о кипучей и успешной деятельности б[ывшего] чемпиона России в роли борца и организатора матчей вольной борьбы (Возрождение. 1935. 2 янв. № 3500).

Введение в текст новых иностранных реалий в транслитерированном виде также в подавляющем большинстве случаев сопровождается кавычками: «*клипса*», «*ави фаворабль*», «*доммаж энтерэ*», «*катчмен*», «*ютилиитэ публик*», «*вочман*», «*бреэкфест*», «*бодигар*», «*уик-энд*», «*промотер*», «*канотье*», «*герл*», «*union sacrée*», «*status quo*» и др. Бескавычные напи-

сания немногочисленны и обычно представляют интернационализмы (чаще всего латинского, французского происхождения): *à la russe*, *à l'a*, *quasi*, *W.-C.* и др. Интересен единичный случай использования закавыченной транслитерированной формы иноязычного слова с русским суффиксом, наряду с русифицированной, давно заимствованной: «*gentleman*» *ство* – *джентльментство*. Использование комбинированной формы явно свидетельствует о стремлении вернуть понятию его национальную (культурно-этническую) окраску и на стыке латинской графики и русской морфологии привлечь внимание читателя. В этом случае кавычки для выделения латинской графической формы выполняют кульминативную (акцентирующую) функцию:

Не каждый англичанин, в зависимости от степени развития вышеуказанных факторов умственного и нравственного значения, мог достигнуть того положения в окружающей его среде, чтобы быть названным «*gentleman*» *ом* и приобрести, как таковой, уважение, доверие и влияние среди окружающих его людей. Так, чисто английским идеалом «*gentleman*» *ства* внесен был в народ дух в высшей степени полезного и почетного соревнования, в котором, в умеренных рамках понимаемое честолюбие, и самолюбие, и сознание приобретения прав соответственно заслугам – получали широкое удовлетворение (Призыв. 1919. 7 (23.9) окт. № 77).

Однако в других, тривиальных, случаях при введении нового понятия, не наделенного особой прагматической функцией, но называющего конкретную бытовую реалию, кавычки могут отсутствовать: *pull-over'ы*. Варваризм на пути проникновения в русскую морфологическую систему и его освоения (в форме множественного числа) – единичный пример в нашем корпусе.

...дамские и детские *pull-over'ы* [реклама](Дни. 1926. 21 нояб. № 1165).

Любопытно сравнить использование кавычек в эмигрантских изданиях первой волны эмиграции с современными русскоязычными изданиями ближнего и дальнего зарубежья. Сопоставление использования синтаксической функции кавычек в нашем корпусе с подборкой графических, орфографических и других особенностей русскоязычной прессы Финляндии, выполненной Е. Ю. Протасовой, явственно демонстрирует ослабление (коррозию) этой функции в современных русскоязычных печатных органах, кавычки используются скорее как факультативный пунктуационный знак, нежели как предписывающий. Аналогичные тенденции происходят и в современной русской прессе метрополии. Эмигранты, судя по материалам прессы 20–30-х гг. XX в., более строго следовали пунктуационным правилам постановки кавычек.

2. Семантические функции кавычек в эмигрантских текстах разнообразны и связаны с тем или иным прагматическим выделением лексемы, фразы, синтагмы в письменном тексте.

а) Наиболее нейтральной в прагматическом отношении является **кульминативная** функция кавычек, ориентированная на выделение в тексте какого-либо акцентированного понятия. Таких случаев в нашем корпусе немного, и они обычно связаны с авторской интенцией усилить какое-либо понятие, а также показать его особое употребление, не свойственное русскому языковому узусу: «*каникулы*» (парламентские), «*волонтер*», «*возвращенец*», «*активист*», «*денационализироваться*» и др.:

Конгресс [США. – А. З.] распущен на «*каникулы*» до января 1934 года (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32).

Ведь если не будет готова наша «смена», если наша молодежь распылится, «*денационализируется*», окончательно уйдя от России в свою личную заграничную жизнь, то эмиграция как политическая сила через

некоторое время перестанет существовать (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192).

...некоторые «волонтеры» внешней политики [Коммунистической партии Англии. – А. З.] наивно надеются цивилизовать диких большевиков (Дни. 1925. 28 янв. № 676).

б) **Тропеистическая** функция кавычек акцентирует внимание читателя на метафорическом употреблении какого-либо слова: «медвежонок», «тянуть», «засыпаться», «дно», «витязь» (член детско-юношеской эмигрантской организации «Витязь»), «кровообращение», «зеленый» (молодой, неопытный), «желтые» (азиаты), «парламентские» (выражения), «смена», «отец», «дети» и мн. др.

Многие «отцы» встревожены растущей денационализацией зарубежной молодежи. Но не нелепо ли сокрушаться о денационализации «детей» и одновременно совать младороссам палки в колеса (Младоросская искра. 1932. 12 июля. № 20).

Без России, вернувшейся в мир, России целостной, державной, свободной нельзя восстановить нужного хозяйственного и политического «кровообращения» мира (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191).

Если, влекомый жаждой вкусовых ощущений, будешь поочередно пробовать все сорта [алкоголя], то получится так называемый «медвежонок», и ты не только не попадешь к другим знакомым, но доберешься домой, уподобляясь именно этому зверю, т. е. «на четвереньках» (Меч. 1937. 2 мая. № 17).

в) **Модальнооценочная** функция кавычек основана на авторском (индивидуальном или групповом) отношении к тому или иному понятию или реалии. Именно здесь особенно к месту метафора Успенского («орфографический джокер») и приведенное выше высказывание Волконского. Цель использования кавычек в этой функции – показать иное понимание явления (от легкой иронии до полного отрицания) и обособиться, отстраниться при помощи кавычек от того содержания понятия, которое вкладывает в эту же словесную (графическую) оболочку политический противник или оппонент. Разумеется, в эмигрантской прессе наиболее частым «противником», присвоившим себе право смысловой подтасовки, является весь советский строй, хотя, впрочем, и внутри эмигрантских кругов модальнооценочная функция кавычек использовалась очень активно. Могут закавычиваться практически все реалии советского обихода:

- аббревиатуры и сложносокращенные слова («чека», «комсомол», «совдеп», «колхоз», «СССР»);
- новые понятия советского быта («пионер», «октябрины», «звездины», «безбожник» (активист, пропагандирующий атеизм), «кулак», «бедняк», «алименты», «троцкист», «сталинец», «стукач» (доносчик), «стучать» (доносить), «советский», «ленинизм»);
- «присвоенные» (референциально трансформированные) большевиками старые понятия («культурный», «хозяин», «руководитель», «вождь», «конференция», «победа», «подвиг», «верность», «справедливость», «честь», «долг», «дисциплина», «успех», «амнистия», «ученый», «манифест»). Приведем несколько примеров:

Безумная затея лишения православного населения колоколов, которая сейчас осуществляется во многих местах «безбожниками» при содействии советской власти, вызывает озлобление и вражду даже в кругах, близких к советам (Сегодня. 1930. 14 янв. № 14).

...в середине апреля начнется в Одессе процесс шести чиновников Управления Черноморского пароходства, виновников гибели «Семерки». Так

как процесс будет «показательным», а «показать» он должен «высокую справедливость советской власти», окончится процесс вынесением шести смертных приговоров (Меч. 1937. 11 апр. № 14).

...во Францию едучи, там в попутчиков «ленинизма» предполагает г[осподин] Луначарский превратить последователей... «неомонархизма» [sic] (Дни. 1925. 27 янв. № 675).

Пусть подумает Н. С. Тимашев, что, если он прав, попрекая Дмитриевского его прежним «сталинизмом», то тогда правы были бы и те младороссы, попрекая академика Струве его бывшим «ленинизмом» (Младоросская искра. 1932. 20 авг. № 21).

г) **Метаязыковая** функция кавычек – это проявление авторского сомнения, колебания в семантической точности, верности, уместности использованного автором слова или фразы, это проявление «самокритики» (по Волконскому). Данная функция кавычек в эмигрантских газетах явно подавлена предыдущей, несущей читателю мощный прагматический (почти всегда пейоративный) заряд.

Существует слой населения – как бы «конгломерата» из всех других слоев, т. е. из интеллигентов и из рабочих, и колхозников, и военной среды – это «активисты» (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192).

Итак, в эмигрантской прессе кавычки выполняют важную роль: с одной стороны, они свидетельствуют о хорошем знании эмигрантами правил их использования в синтаксических функциях; с другой – показывают возросшее значение их применения как графического знака, фиксирующего внимание читателя на модально-оценочных аспектах наименования.

4. Оценка советских орфографических (графических) новшеств

Изменения, предлагаемые в советской языковедческой науке и окололингвистических кругах, пропагандировавших и проводивших партийно-советскую языковую политику, зачастую становились объектом и критики, и злого подшучивания эмигрантских авторов. В следующей цитате²⁰ моделируется разговор Сталина с народным комиссаром просвещения А. В. Луначарским (эмигранты иронично-насмешливо часто именовали его *народным комиссаром затемнения*):

Главнаука настаивала не писать мягкого знака после шипящих и писать Ы после Ж, Ш и Ц, наприм.: социализм, шырь и т. д.
[Из советских газет]

Луначарский (Сталину):

С тех пор как я лишился власти,
На Вас свалились все напасти:
Партийный тягостный разброд,
И «кулаки», и недород...
Кричат газеты белой масти
Про Вашу слабость, косность, мрак...
Чтобы доказать им твердость власти,
Восстановите твердый знак.

Сталин (про себя):

Ишак!

Луначарский:

Пускай царит он в алфавите,
В своей веселой, пестрой свите.
Затем – примите мой совет:
О воскрешении старой яти
В коммунистической печати.

Сталин:

Болтун, непризнанный эстет,
Режима старого невольник.

Луначарский (не слушая):

Мне говорил советский школьник:
– «Еду писали через “ять” —
И не случалось голодать».

Сталин:

Крамольник!

---

²⁰ Приводим стихотворение в современной орфографии.

Луначарский (продолжает):
«С тех пор, как пишется “еда”,
Еды не видно никогда».

Сталин (гневно):
В тюрьму, в застенки – без суда,

Луначарский (струсив):
Простите... Вам и книги в руки...

Сталин:
Вчера велел я Главнауке —
Не только твердый знак и ять,
Но даже мягкий знак изъять.

Луначарский (робко):
А как же с Горьким?

Сталин:
Будет «Горкий»!
Я вашим школьникам задам:
За мягкий знак дождутся порки
По мягким и другим частям.
(Луначарский стыдливо поворачивается спиной).
Согласно моему декрету
«Социализма» больше нету:
Социализм – анахронизм:
«У нас теперь – “соцыализм”»!...

Автор Lolo (Ницца) (Сегодня. 1930. 9 янв.)

В 1930 г. эмигранты были взбудоражены началом работы над проектами, витавшими в партийно-государственном аппарате СССР и некоторой части научно-гуманитарной интеллигенции и нацеленными на замену кириллического алфавита латинским. Многие эмигрантские газеты не могли не откликнуться на это судьбоносное для русского языка и культуры событие. Вот такое сообщение было опубликовано в одной из самых осведомленных о советских делах рижской газете «Сегодня»:

В коммунистической академии состоялось совещание, посвященное вопросу о латинизации русского алфавита. Председатель комиссии по латинизации при Главнауке какой-то Яковлев,²¹ отстаивая необходимость этой реформы, подчеркивал, что она должна быть осуществлена не внезапно, а в течение ряда лет. В качестве довода против старого русского алфавита Яковлев выдвинул то положение, что алфавит этот служил самодержавию оружием насильственной русификации [sic]. Яковлев даже указал, что в СССР имеется

---

²¹ Речь идет, конечно, об известном лингвисте Н. Ф. Яковлеве, выступавшем ярким сторонником алфавитной реформы и аргументировавшим ее такими доводами: «Русский алфавит представляет собою безусловный анахронизм – род графического барьера, разобщающий наиболее численную группу народов Союза как от революционного Востока, так и от трудовых масс и пролетариата Запада» (Яковлев Н. Ф. О необходимости латинизации русского алфавита: Тезисы, принятые в начале работ подкомиссии по латинизации русского алфавита при Главнауке // Культура и письменность Востока. Кн. 6. Баку, 1930. С. 27–43).

25 народов, численностью в 25 мил[лионов] человек, которые уже пользуются латинским шрифтом. Ко всему латинизация русской письменности сделает книгу очень убористой и даст огромную экономию на бумаге. По подсчетам советских прожектеров, за короткий срок экономия эта даст около 30 мил. [лионов] рублей. Никаких конкретных решений по вопросу об осуществлении этого проекта пока принято не было (Сегодня. 1930. 11 янв. № 11).

Возможная латинизация русского алфавита взволновала эмигрантские газеты, поэтому информационные сообщения из Москвы поместили многие печатные органы:

Латинизация русской азбуки [заглавие]. Из Москвы пишут, что латинизация русского алфавита будет применена в ближайшем будущем [подзаголовок]. Представитель комиссариата народного просвещения Костенко следующим образом изложил план латинизации. Алфавит будет подвергнут дальнейшему упрощению, хотя бы ценой игнорирования более мелких звуковых различий. Широко будут применяться апострофы и особые значки под буквами. Буква «щ» будет заменена латинским «эс» с апострофом; буква «ч» – латинским «сэ». «Х» сохранит свой нынешний вид и не будет читаться как «икс». Костенко следующим образом мотивировал переход на латинский шрифт: «Эта мера облегчит для русских изучение иностранных языков и позволит иностранцам, посещающим Россию, читать названия улиц, магазинов и т. д. Когда же настанет мировая революция, в наступлении которой мы, марксисты, не сомневаемся, будет большим удобством иметь повсюду единый алфавит. Кроме того, с переходом на новый шрифт мы сможем произвести отбор в книжном материале и перепечатывать только те книги, которые мы считаем полезными» (Руль. 1930. 16 февр.).

Разумеется, речь идет не только и не столько о сотнях и тысячах сэкономленных тонн типографской краски и бумаги или якобы об удобстве чтения названий иностранных учреждений, газет, магазинов, или способе освоения иностранного языка, что должно мотивировать переход с кириллицы на латиницу. Причины здесь, конечно, гораздо глубже и уходят корнями в культурно-историческую перспективу, опорными точками которой для эмигрантов выступают *Русь, православие, Кирилл и Мефодий* (первоучители славян). Кириллический алфавит базируется на истории и символизирует преемственность развития Руси – России как единого государства. Революция 1917 г. знаменовала для многих эмигрантов если не социально-экономическую смерть страны, то ее предсмертные судороги. Введение же латиницы – это, по мнению эмигрантов, окончательная смерть России, а именно духовно-религиозная смерть, полная победа католицизма над православием. Именно в таком эмоционально-напряженном клубке культурно-религиозных сплетений эмигранты рассматривали обсуждение вопросов перехода в СССР с кириллицы на латиницу. И тем не менее эмигранты находили в себе еще силы шутить над советскими реформаторскими затеями. Приведем обширное стихотворение известного эмигрантского писателя В. В. Клопотовского (1883–1944), выступавшего под псевдонимом Лери:

Московская латынь
В СССР предстоит введение латинского шрифта.
«Латынь из моды вышла ныне», —
Так некогда сказал поэт,
Но в этом больше смысла нет,
Раз, по прошествии ста лет,
В России пишут по-латыни,

По предписанию чеки,
Середняки и кулаки.
Согласно воле Главнауки,
В России умерли «аз» – «буки».
А также «веди» и «глагол».
Чтоб не трудился комсомол,
Да при наличии комсомола
Теперь уже не до глагола
Тому, кто, как известно всем,
Уже давно и глух и нем.
И всем на свете недоволен,
И недвижим, и безглаголен.
Но что за ширь, но что за взлет!
И кто осмыслит, кто поймет
Рисунок этот прихотливый
И сказочные перспективы
Тех государственных забот,
Что власть советов наполняет,
И от которых весь народ
Действительно обалдевает,
Но все же движется вперед,
И, становясь в хвост за селедкой
Иль за восьмушкой макарон,
Вполне признательно и кротко
Язык Тацита учит он,
Как признанный первоисточник
Всех умных и серьезных книг,
Либо, вперяя глаз в подстрочник,
Он по-латыни славит ЦИК.
И, рассудив в огне и в буре,
Всех откровений весь венец
Кричит совдепу: «Моритури
Тебе салютант» и конец!
И в самом деле, что творится!..
Обалдевает голова,
И это ясно, что едва
Другая сыщется столица,
Как эта красная Москва! —
Где были снежные сугробы,
Где были мрачные леса,
Там нынче всюду небоскребы
Вонзают крыши в небеса,
И государство взором метким
Спешит культуру насадить
И всех, в порядке пятилетки,
И обогреть, и накормить!..
Грохочет жизнь, взлетают лифты,
Вздымая хлебные мешки,
И правильным латинским шрифтом

Послания пишут мужики.
И даже будучи в подвале,
И, несмотря на свой удел,
«В конце письма поставят “вале”»
Пред тем, как выйти на расстрел!..
И даже в глубине деревни
Белогвардеец и кулак,
Презрев старорежимный мрак,
Как римлянин какой-то древний,
Выводит вместо трех крестов
Латинских звонких пару строф!..
И не при тлеющей лучине,
Подруге темных царских дней,
А при «Филлипсе»²² в сто свечей
Мужик с мужичкой по-латыни
Благонадежности своей,
Сопя, вдвоем строчат анкету,
Но с тяжелой думой на челе,
Чтобы узнали там, в Кремле,
Что хлеба все-таки ведь нету
И что не народится хлеб,
Пока не пропадет Совдеп!..
И изречением крылатым
Латинский завершив язык,
Они вполне российским матом
В душе обложат красный ЦИК...
И слов игры их не измерить,
И можно лишь одно сказать,
Что Русь аршином не измерить,
И по-латыни не понять!..

(Сегодня. 1930. 12 янв.)

Такая ироническо-скептическая оценка возможной латинизации русского языка в стихотворении сопровождается апелляцией и к историческим фактам, и к традиционным образам русской крестьянской Руси-России, и к просторечным и даже бранным формам (ученая *латынь* ↔ русский *мат* как антипод латинского – языка учености), и к литературным ассоциациям, реминисценциям (ср. тютчевское «Умом Россию не понять...»), и к текущей ситуации в большевистской стране (*пятилетки* как новый способ планового хозяйственно-политического управления страной). Орфографические новшества, активно обсуждаемые в советской России, казались эмигрантам всё более и более абсурдными, вздорными и нелепыми и все более отдаляли эмигрантов от советской культуры, интеллектуального поля и складывавшейся, формировавшейся языковой практики.

---

²² Лампочки фирмы «Филлипс» (Phillips).

Выводы

1. Эмигрантские газеты в целом характеризует достаточно высокое качество орфографии и пунктуации. Журналисты, издатели, писатели, участвовавшие в издании газет, старательно придерживались орфографических правил и следили за их соблюдением.

2. Орфография представляет собой не просто застывшую, закостеневшую систему, но динамический компромисс. Это свод правил, установленных в социуме на данный момент времени и представляющих симбиоз стихийного и рационального, естественного и искусственного [Голев 2004: 46–62]. Именно поэтому рассмотрение некоторых «стихийных» и «рациональных» начал в орфографическо-пунктуационной системе публицистических текстов, реагировавших на социальную динамику и языковые инновации и отражавших это на страницах газет, позволяет сделать некоторые выводы о процессах, протекающих вне систематичной нормализаторско-дификационной деятельности в советской прессе.

3. Нахождение эмигрантов в иноязычном окружении не прошло бесследно для написания гласных букв в заимствованных словах: их орфография, несомненно, ориентируется чаще на фонетический (фонематический) принцип, чем на орфоэпический.

4. Значительно усилилась ориентация на исконные (прототипические) написания иноязычных слов с двойными согласными, причем произошла субституция даже в старых заимствованиях, давно освоенных и усвоенных русским языком и нормативной орфографией. Наиболее мощное влияние оказывал немецкий язык.

5. В сфере пунктуационных особенностей эмигрантских газет отметим значительное возрастание роли кавычек в модально-прагматической функции, что связано в первую очередь с большим количеством понятий (в основном – советских), активно используемых во всех без исключения изданиях русскоязычной прессы и пейоративно оцениваемых в большинстве из них.

6. Использование графических средств в эмигрантской прессе значительно варьируется: большинство «левых» и демократических изданий практически не используют выделение слов при помощи заглавных букв, напротив – монархические, народно-патриотические газеты охотно прибегают к такому выделению ключевых понятий (с их идейно-политических позиций).

7. Графико-орфографические новации, предлагавшиеся в СССР (изменение алфавита, возможный переход на латиницу), живо обсуждались на страницах эмигрантских газет. Разумеется, обывателю-эмигранту не было дела до научных тонкостей реформирования русского правописания, гораздо больше эмигрантов интересовала идеологическая и политическая подоплека нововведений: эмигранты усматривали в них злой умысел большевиков – сломать, разрушить стройное (в обыденном сознании эмигрантской массы) и фундированное в истории здание русской графики и орфографии. В предлагавшейся в СССР смене графики (переход с кириллицы на латиницу) эмигранты ясно видели не столько практические вопросы создания алфавитов для неписьменных языков СССР или унификации алфавитов, сколько единственный идеологический смысл: намерение большевиков приблизить свершение мировой революции путем интернационализации алфавитов всех стран («алфавиты всех стран, соединяйтесь!»).

Глава 2

Грамматические процессы в языке эмигрантской публицистики

Общие замечания

Языковая компетенция эмигрантов старшего поколения сформировалась еще в дореволюционное время, поэтому и в лексическом строе эмигрантской публицистики, и в грамматическом можно наблюдать относительную «чистоту» языкового материала: практически на протяжении двух десятилетий (1920–1930-е гг.) основным костяком сотрудников газет и журналов оставались «отцы», а не «дети». Именно это обстоятельство заставляет внимательно рассмотреть те грамматические черты в языковом строе эмигрантских газет, которые могут свидетельствовать о динамике, трансформациях русского языка среднего и старшего поколения, оказавшегося в изгнании. Какие изменения происходили в языковой компетенции людей с уже сформированной языковой базой? Ясно, что грамматический строй в меньшей степени, чем, например, лексический ярус подвержен влиянию социальных факторов, хотя и в грамматических моделях могут происходить изменения, обусловленные сменой идеологическо-политических приоритетов в обществе, стилистическими причинами. В устном (некодифицированном языке) и словарь, и грамматика нацелены на передачу смысла высказываний, которые – помимо своего языкового значения – требуют от пользователей языка знаний так называемой «коммуникативно-ситуативной грамматики», т. е. использования языка в зависимости от характера отношений между говорящим и адресатом (официальные – нейтральные – дружеские), от социальных ролей, от соблюдения говорящим коммуникативных тактик в разных условиях речевого общения, от способов общения (контактный / дистантный, устный / письменный) и др., что в совокупности с собственно языковыми (лексическими, грамматическими) знаниями составляет коммуникативную компетенцию носителя языка.

Длительное пребывание вне сферы основного (материкового) языка может сказываться на коммуникативных навыках говорящих: консервируются одни языковые черты, появляются новые. Насколько интенсивно протекают процессы языковых трансформаций в устной и письменной формах языка эмиграции? Устная разговорная речь уже неоднократно становилась предметом описания лингвистов. Речевые трансформации (языковая коррозия) могут быть осознаваемыми или неосознаваемыми говорящим. В отличие от спонтанной речи, в литературно-письменной форме у говорящего (пишущего) более ограниченный репертуар языковых средств, ориентация на ситуативные параметры существенно ниже (в данном случае речь не идет о фоновых знаниях или общей апперцепционной базе социума). При порождении письменных текстов, написанных с целью их публикации, степень языкового самоконтроля индивида обычно выше, чем в его устноречевой практике. Поэтому интересно рассмотреть, насколько широко представлены в письменной практике эмигрантов первой волны «старые» языковые особенности, принятые еще в дореволюционной публицистике, и «новые», инспирированные пребыванием за рубежом? Какова степень языковой «консервации» (и даже консервативности), корреспондируют ли грамматические процессы в языке эмигрантской публицистики с аналогичными процессами, протекающими в языке метрополии, каковы языковые инновации, проникающие на страницы эмигрантской прессы?

1. Аналитические тенденции

В типологическом отношении русский язык относится к числу синтетических (преимущественно) по своему строю. В структуре одного слова объединяются несколько морфем: собственно лексические, несущие основное значение слова, и аффиксальные форманты, указывающие на грамматическую категорию (часть речи, падеж, род, спряжение, лицо и т. п.). Основным синтетическим средством выражения грамматического значения в большинстве синтетических языков мира служит аффиксация. В аналитических языках (классическими примерами служат английский, французский) грамматические категории выражаются отдельно от лексических: либо самостоятельными словами (артиклями, предлогами), либо достаточно жестким порядком слов и синтаксической структурой предложения, интонацией. В русском языке есть и аналитические элементы: служебные слова (союзы, предлоги, частицы), крайне важную роль играет также интонация, но все же русский считается синтетическим (по преимуществу) языком. Учеными уже давно подмечено, что аналитические способы выражения в исторической перспективе составляют один из ведущих процессов развития многих языков. Вопрос о преобладании аналитических средств и уменьшении роли синтетических средств интересовал уже основоположников компаративистики в начале XIX в. В современной контактологической лингвистике этапы такой трансформации языков в направлении от синтетизма к аналитизму называют аналитическими стадиями развития языков, иными словами – изменения в морфосинтаксической структуре оценивают как движение от одной стадии аналитизма к следующей, от одного типа синтетизма – к другому, включающему, в свою очередь, больше аналитических элементов, чем прежний тип. Уже более 150 лет назад И. И. Срезневский писал, что в процессе культурного взаимодействия народов, приводящем к широкому распространению двуязычия или многоязычия, в синтетических языках сохраняются или развиваются только те черты, которые облегчают перевод с одного языка на другой, и это также может усиливать уровень аналитичности языкового строя и приводит к развитию аналитизма. Аналитические конструкции легко проникают в синтетические языки; в обратном же направлении такое движение не происходит [Мельников 2000].

Со второй половины XX в. в русистике развернулась довольно острая дискуссия о заметно увеличившихся аналитических чертах в русском языке; делаются выводы пусть о медленном («микроскопическом», по М. В. Панову), но движении русского языка в сторону английского,²³ аналитического в своей основе [РЯСОМ 1968: 15; РЯК 1996: 326–344; Акимова 1998; Гловинская 2000 и мн. др.]. Правда, часть исследователей сомневается в справедливости и обоснованности данного утверждения, мотивируя свою критику «аналитиков» (ученых, отстаивающих идею движения русского языка в аналитическом направлении) тем, что во внимание принимается чаще всего хронологический период последних 100 лет и игнорируются аналитические черты еще в древнерусском, напр., в сфере использования местоимений, функционировании вспомогательного глагола *быть* при формировании аналитических времен – не только будущего, но и прошедшего [Dunn 1988; Тираспольский 1991]. Впрочем, даже на синхронном срезе аналитические новшества некоторыми лингвистами могут расцениваться как периферийные, не затрагивающие глубинную структуру морфологии и синтаксиса и часто фокусирующиеся в разговорном языке, в котором, как известно, степень аналитизма заметно выше, чем в письменных формах; в данном случае оговорки, описки квалифицируются как недостаточные языковые навыки индивида, но не экстраполируются на языковую систему в целом [Горбачевич 1990]. Напротив, другая часть лингвистов возникновение аномалий в речи рассматривает как убедительные и симптоматичные факты, свидетельствующие о росте анали-

²³ Понятно, что английский в данном случае выступает только как образчик, модель аналитических языков.

тических элементов в грамматическом строе русского языка; расширение аналитизма трактуется исследователями как доказательство подвижности языковой системы на ее динамичных, «универсально слабых» (в терминологии М. Я. Гловинской), наиболее подверженных языковой коррозии участках. Ср.: «Одна из наиболее определенных [тенденций в русском языке после-революционной эпохи. – А. З.] – стремление к аналитизму. Основной признак аналитических единиц – то, что у них грамматическое значение передается вне пределов данного слова, т. е. средствами контекста (в широком смысле слова)» [РЯСОМ 1968: 11].

Исследователи языка русского зарубежья уже неоднократно обращали внимание на более активный характер проявления аналитических черт в речевой практике эмигрантов [Benson 1957; Kouzmin 1982; ЯРЗ 2001; РЯЗ 2001] в сравнении с языком метрополии. Основной областью распространения аналитизма является рост несклоняемых имен существительных, довольно обильно заимствуемых из языка-источника (прежде всего обозначения бытового характера, названия официальных учреждений, обозначения документов, термины делопроизводственной сферы), и имен прилагательных. В отличие от них глагол «с заимствованной основой не может быть “голым”, он должен иметь формальные показатели своей глагольности» [ЯРЗ 2001: 205], поэтому лексические и грамматические глагольные новообразования в языке эмигрантов оформляются согласно русским словоизменительным классам глаголов. В устном языке аналитизм в глагольных формах может проявляться в расширении сферы использования формы *буду* при образовании будущего времени: *Я буду иметь лопы* (англ. loan – «ссуда, заем»); *Я буду назад в четыре часа* (ср. английское глагольное соответствие I will be back – «я вернусь») [Andrews 1999: 98, 102], однако авторы [ЯРЗ 2001] не фиксируют подобных образований в собранном ими материале. Скорее всего, подобные грамматические конструкции присущи речевой практике индивидов, языковая компетенция которых в раннем (подростковом) возрасте подверглась мощному влиянию иностранных языков (где есть формально выраженные показатели будущего времени); в этом случае можно говорить о языковой коррозии, когда на языковую систему индивида, находящуюся в стадии формирования, накладывается другая языковая система, в которой та или иная грамматическая категория оказывается более употребительной или единственно возможной. Однако с точки зрения нормативной русской грамматики такие конструкции ошибочны, они не возникают в речевой практике носителей русского языка в метрополии. Можно ли рассматривать недостаточное знание русского языка и проникновение в речевую ткань индивида аналитических черт как тенденцию к аналитизму речи (языка) всех русских, живущих в зарубежье? По-видимому, нет. Таким образом, при изучении языка русской эмиграции встает важный теоретический и практический вопрос – о каком типе аналитизма следует говорить: появившемся в устной речи отдельных индивидов в результате языковой коррозии или на уровне русской языковой системы, находящейся вне метрополии. Письменная форма использования русского языка отражает аналитические процессы в меньшей степени, чем устная. Тем интереснее рассмотреть, в каких же зонах языка, на каких языковых ярусах (лексика, морфология, синтаксис) аналитические черты проявляются больше всего?

1.1. Аналитические процессы в области имен существительных

Аналитические формы имен существительных проникали в эмигрантский речевой узус и письменные сферы первой волны эмиграции довольно активно, среди них можно выделить тематические сферы, в которых аналитические модели используются чаще всего:

- наименования кинофирм, заводов, увеселительных и развлекательных заведений: *Парамаунт-фильм, Жокей-клуб, Лаун-теннис клуб, Бетховен-зал, Дансинг-Палас, Джэнерал Моторс*:

Луиза Брукс, Ричард Арман в новейшем *Парамаунт-фильме* «Братья-соперники» [реклама] (Сегодня. 1930. 6 янв. № 6).

Дейтч указал также, что в настоящее время в венском *Жокей-клубе* происходят совещания между венгерскими австрийскими легитимистами (Дни. 1925. 13 февр. № 690).

6 ноября первая команда русского *Лаун-Теннис Клуба* играет реваншный матч на площадках Аньерского клуба (Возрождение. 1927. 6 нояб. № 887).

...в 8 часов 40 минут [Прокофьев] подъехал к *Бетховен-залу*, но из автомобиля не вышел (Дни. 1925. 1 февр. № 680).

Очередной симфонический радио-концерт [sic] *Джэнеарал Моторс...* будет посвящён величайшему русскому поэту А. С. Пушкину (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35).

Это достаточно многочисленная группа в нашем корпусе. Сохранение структуры наименований тех или иных заведений, принятых в языке-источнике, – практически повсеместное явление в эмигрантской публицистике, не знающее исключений. Несомненно, это свидетельствует о стремлении эмигрантов не нарушать номинативно-структурную целостность иноязычной лексической единицы, даже если ее грамматическая структура не соответствует русской; можно утверждать, что грамматическая корректность и соблюдение русских морфологических законов согласования отступают на задний план. С точки зрения русской грамматики, нормативными являются определительные словосочетания с существительным (в функции главного компонента) и зависимым прилагательным, согласующимся с определяемым словом в роде, числе, падеже. В наших примерах первая часть составного наименования не склоняется, изменяется только второй компонент, подчиняясь законам согласования с другими членами предложения. Тем самым грамматическая связь между компонентами оказывается формальной, не координированной, формируются «аграмматичные формы», или своеобразный синтаксический «изафет» (по образному выражению В. Г. Костомарова). В современном русском языке масс-медиа эта тенденция стала проявляться особенно активно с конца 80-х гг. XX в. [РЯК 1996; Костомаров 1996; Ryazanova-Clarke & Wade 1999; Валгина 2001]. Итак, «изафетные» формы в эмигрантском варианте русского языка появились значительно раньше, чем в языке метрополии.

- наименования должностей, профессий: *полицей-президент, министр-президент, министр-маршал, юстиц-рат, штаб-офицер, штаб-ротмистр, такси-шофер, генерал-директор*:

Следственная комиссия Ландтага по делу Барматов дважды допрашивала берлинского *полицей-президента* Рихтера... (Дни. 1925. 14 февр. № 691).

Опытный *такси-шофер* немедленно требуется... (Сегодня. 1930. 4 янв. № 4).

Уже несколько дней пребывает в Берлине именитый советский гость – тов. Жуков, председатель объединенных электротехнических концернов СССР. Тов. Жуков играет руководящую роль в советской радиоиндустрии. [...] «*Генерал-директор*» Жуков собирается посетить ряд германских радиостанций (Руль. 1930. 25 марта. № 2836).

Элементы аналитизма в терминах со значением профессий встречались задолго до революции. Это касается в первую очередь наименований военных должностей (многие из них в дореволюционном языке были заимствованы из немецкого: *генерал-капитан, генерал-адмирал, генерал-аншеф, генерал-майор* и мн. др.), профессиональных обозначений (*обер-мастер, обер-кондуктор, обер-секретарь, обер-аудитор, обер-камергер, штаб-офицер, штаб-лекарь*,

штаб-ротмистр и др. [Ромашкевич 1889]). Многие составные термины, в которых первый компонент не склонялся, оставаясь в неизменяемой форме, сохранились в языке эмиграции, прежде всего это относится к военным обозначениям: *штаб-офицер*, *генерал-лейтенант*, *штаб-ротмистр*. В русском дореволюционном языке некоторые элементы составных терминов приобрели деривационную самостоятельность, послужив словообразовательными морфемами (в частности, префиксоидами) для производства новых слов. В эмигрантском публицистическом дискурсе сохранилось и продолжилось словопроизводство таких публицистически заостренных номинаций разговорного характера:

обер-аграрник Милютин (Сегодня. 1930. 3 янв. № 3).

обер-палач Дзержинский (Дни. 1925. 3 февр. № 681).

Однако не только сохранением старых наименований характеризуется эмигрантский узус, в него вошли и новые обозначения, связанные с жизнью за рубежом и отсутствовавшие в дореволюционном речевом обиходе: *такси-шофер* (очевидно, прямое заимствование из нем. *Taxichauffeur*; ср. англ. *taxi driver*, франц. *chauffeur de taxi*), *полицей-президент* (нем. *Polizeipräsident* – «начальник полиции (в крупном городе)»), *генерал-директор* (нем. *Generaldirektor* – «генеральный директор»; ср. франц. *directeur général*), министр-маршал, юстиц-рат (нем. *Justizrat* – «советник юстиции»). Расчленение в русском языковом сознании сложного иноязычного слова на два компонента, формирующих, в свою очередь, составной термин, ярко проявляется в написании иноязычного слова с помощью дефиса, который в русской орфографии, как известно, выполняет дифференцирующую функцию – разделения составной лексемы на самостоятельные в семантическом отношении элементы. Итак, существовавшая в русском языке традиция профессиональных обозначений (имевших в структуре аналитические компоненты) вполне органично вобрала в себя новые номинации, заимствованные эмигрантами из иностранных языков. Новые профессиональные обозначения легко приспособлялись к русской морфологии, будучи частотными в эмигрантском узусе, однако сохраняли свой неизменяемый (аналитический) характер в составе фраз-вкраплений, целью которых являлась коммуникативная точность при передаче значимых для эмигрантов понятий.

- обозначения политических реалий: *дуче*, *гетто*, *наци*, *шупо* (немецкая разговорная аббревиатура *Schupo* < *Schutzpolizist* – «охранник-полицейский»).

Под водительством *Дуче* [sic] Италия преодолевает, достигает, добивается, – одним словом, работает для своего лучшего национального будущего (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38).

Тибор Самули – чахоточный садист и грабитель из подонков венгерского *гетто*... (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39).

...по бокам этой шумной и хулиганящей толпы шли чинно, в ногу, в такт звукам «Интернационала» данцигские... «*шупо*» (полицейские) (Дни. 1925. 11 февр. № 688).

Следует аналитическому иноязычному прототипу (Hitler-Ludendorf-Putsch) и производное прилагательное *Гитлер-Людендорфский* (вместо русского нормативного *гитлеровско-людендорфский*):

...один из подсудимых немцев стоит во главе реакционной политической организации в Баварии и участвовал в пресловутом *Гитлер-Людендорфском* [sic] путче, другой печатал в своей типографии немецкие черносотенные брошюры и пр. (Сегодня. 1930. 9 янв. № 9).

- производственные, технические наименования: *тон-фильм* (= *тон-фильма*), *конвеер-система* [sic]. Ограниченность технических лексем в данной группе, в принципе, не вызы-

ваит удивления, так как эмигрантская пресса намного меньше, чем советские газеты, уделяла внимания обсуждению технических, производственных проблем, технологических процессов и операций. Соответственно, потребность и необходимость в использовании технической, специальной терминологии на страницах эмигрантских газет была значительно ниже, чем в советской периодике, активно освещавшей процессы технического перевооружения народного хозяйства (ср. советские планы электрификации, индустриализации, коллективизации). Аналитические составные термины (типа *крекинг-система*) встречались в русском советском дискурсе не только в специальных справочниках, но зачастую попадали и в газетно-публицистический стиль, тем самым расширяя сферу своей употребительности: даже если слова не входили в речевое употребление, то, по крайней мере, попадали в состав пассивной лексики, знакомой значительному числу людей. Широкое проникновение технической терминологии в после-революционный советский узус неоднократно комментировалось исследователями [Крысин 1965, 1968; РЯСОЛ 1968; Obermann 1969; Лексика 1981; Lehtikoinen 1990]. Приведем примеры аналитических составных терминов из нашего материала.

Победа *тон-фильмы*! Лучшее, что до сих пор дала американская говорящая, поющая тонфильма «Омоложенный»... в которой сочетаются захватывающий драматический сюжет и последнее слово в технике передачи изображения и звука (Сегодня. 1930. 4 янв. № 4).

Например: сшить одну скроенную штанину, считая приклад, нужно полчаса. Другую тоже полчаса. Прикроенную жилетку сшить на машине – полчаса. [...] Считая на закройку, сборку и утюжку еще два, два с половиной часа – вся работа, значит, будет готова в три часа. Это вот и есть *конвейер-система* (Руль. 1930. 1 янв. № 2766).

Эти аналитические формы стали чрезвычайно популярны в русском языке метрополии в конце XX – первом десятилетии XXI в. Таких новаций «традиционно образцовый русский язык избегал (правда, допускались массово в профессиональной речи, особенно в технической и научной, разнообразные сложения: *альфа-частицы*, *блуминг-стан*)» [Костомаров 1999: 270], однако сейчас они не ограничиваются рамками профессионально-технических сфер, а довольно быстро входят в узуальное использование.

• наименования официальных актов, документов, организаций, а также городских топонимов. В русскую прессу, издаваемую, в частности, в США и Франции, широко проникли грамматически некоординируемые сочетания. Связь компонентов (с позиций русской морфологии) таких сочетаний чисто формальная, аналитическая. Ср.:

В состоявшемся 26 марта заседании Эмигрантского Комитета заслушаны сообщения В. А. Маклакова... 2) о представлении министерством внутренних дел представителю Нансеновского офиса [sic] во Франции права выдавать беженцам свидетельства о бедности, освобождающие от уплаты гербового сбора с карт *д-идантистэ* (Возрождение. 1937. 3 апр. № 4072).

Пастор Ф. Дэйк, из *Зайон*, Илл[инойс]... приговорен федеральным судьей к шестимесячному тюремному заключению за нарушение *Мэнн акта*. Пастор увез с собой из Кеноши, *Вис*[консин], в *Ист Луис*, Илл[инойс], шестнадцатилетнюю девушку, с которой был зарегистрирован в нескольких отелях, как «муж и жена» (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35).

Общее собрание членов Земско-Городского Комитета состоится 18 ноября в 3 часа 30 мин. в помещении Комитета (33, *рю де Прони*) (Дни. 1926. 16 нояб. № 1160).

Это явление (отсутствие грамматической координации, постпозитивные элементы), ранее несвойственное русскому языку метрополии, начинает широко распространяться в

книжных сферах русского языка в последнее десятилетие XX в. [Костомаров 1994: 204–205; Дуличенко 1994; Граудина 1998; Ryazanova-Clarke & Wade 1999]: *рекламный проспект прислала Оксана Букатина, Москва; проживающий в США, штат Вермонт... Александр Солженицын...; Норткот Паркинсон... скончался в Кентербери, юго-восток Англии, в возрасте 83 лет*; и др. Приведенные выше примеры показывают, что влияние иноязычных аналитических моделей грамматической некоординируемости лексем, распространенных в топографических, ономастических обозначениях, в эмигрантской публицистике обнаруживается значительно раньше письменной практики в метрополии.

• бытовые, спортивные наименования. Они делятся на три подгруппы. Первая подгруппа: слова, состоящие из изменяемой первой части и неизменяемой второй: *юбка-принцесс, оперетка-ревю*.

Юбки-принцесс [реклама] (Дни. 1925. 1 февр. № 680).

...Губерт Маришка, даже американцев изумляющий умопомрачительными тратами, и теперь, для своей новой оперетки-ревю, ухлопал... около двухсот тысяч шиллингов! У него хватает на целые армии всяких «герлс», которых он выписывает из Парижа и Лондона... (Сегодня. 1930. 11 янв. № 11).

Вторая подгруппа: слова, формируемые из неизменяемой первой части и изменяемой второй: *вулкан-фабр, мюзик-холль* [sic], *танц-бар* [sic].

Танц-бар «3 Musketeers» [реклама] (Руль. 1930. 4 янв. № 2768).

На пароход я [Я. Скалкин. – А. З.] сажился, у меня багажу было всего одна иголка в лацкане, а в городе Константинополе носильщик снес за мной на берег чемодан *вулкан-фабр* и плед с подушкой (Руль. 1930. 1 янв. № 2766).

Третья подгруппа: собственно неизменяемые слова: *матинэ* (франц. *matinée* «утренний или дневной спектакль»), *ватер-поло, брио* (франц. *brio* «живость (в игре)»), *кино, синема* (франц. *cinéma*), *супэ* (франц. *souper* «ужин»), *карт д-идандитэ* = *карт д-идантитэ* (фр. *carte d'identité* «удостоверение личности») и др. Затруднительным является квалификация иноязычных слов на согласный: *пентюр люминез, тэ-дансан* (франц. *thé dansant* «вечеринка с танцами (букв.: вечерний чай в 5 часов)»), *герл* = *гэрл (герлс)*; их можно отнести и к полностью неизменяемым, и к склоняемым, очевидно, всё зависело от речевой практики конкретного индивида. В нашем корпусе, однако, все эти слова неизменяемые.

9 июля... состоится *тэ-дансан* с 17 до 24 ч. для отправки на летние каникулы русских девочек. В концертном отделении примут участие известная пианистка Маргарита Саальберг, певица Ирина Кедрова, К. Балашев и др. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191).

27-го января в 11 часов утра... состоится *матинэ* арий и романса артистки Мариинской оперы Зинаиды Юрьевской (Огни. 1924. 21 янв. № 3).

Этот маленький деспот, светловолосая хищница, вампир с невинным лицом, в теле «*гэрл*» мюзик-холля [sic], желающий пробить дорогу на подмостках... (Возрождение. 1935. 15 марта. № 3572).

Техника прикладн. [ого] искусства: раскраска материй, *пешуар, батик, пентюр люминез*, выжигание [объявление] (Возрождение. 1927. 6 нояб. № 887).

Модель, повторяющая английскую структуру типа *A group, B group* и т. п., распространенная в специальных сферах (наука, техника, спорт), проникла и в письменную практику эмигрантских газет:

Победитель прошлого турнира Ошин проиграл в мужском сингле [игры в пинг-понг. – А. З.] *А-группы* Розенталю П. в двух сетах 15:21, 18:21... (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12).

Увеличение в русском языке числа неизменяемых (несклоняемых) имен существительных большинством лингвистов считается очевидным показателем роста аналитических тенденций в русском языке, синтетическом по своему характеру.

Подведем итог. Группа аналитических (по структуре) слов является одной из самых представительных в нашем корпусе, так как понятия называют предметы и явления повседневной жизни и, как правило, частотны в языках-источниках. Как можно видеть, аналитизм в этой группе проявляется или на морфологическом уровне (неизменяемые заимствования-варваризмы типа *ватер-поло, брио, матинэ*), или на структурном (напр., препозитивный термин *А-группа* вместо ожидаемого русского *группа «А»*, где конкретизатор обычно стоит в постпозиции к главному, определяющему, слову), или на синтаксическом (нескоординированное согласование: *чемодан вулкан-фабр, (вампир) в теле герл*). Подобные конструкции стали лавинообразно нарастать в русском языке метрополии конца XX в., эмигрантский узус столкнулся с ними гораздо раньше. Несклоняемые заимствованные существительные вместе с другими аналитическими элементами если не ослабляли русскую падежно-словоизменительную парадигму, то все-таки свидетельствовали о довольно массированном проникновении аналитических по своей природе языковых элементов как в устноречевую практику, так и в письменные формы русского языка.

Аналитические тенденции в эмигрантской прессе, возникшие под влиянием западноевропейских языков, отчетливо проявились сразу же в первые годы эмиграции. Имена существительные – та область морфологии, где накапливание аналитических черт происходило сильнее всего. В первую очередь обращает на себя внимание значительное количество составных терминов, бытовых обозначений, в которых один из элементов является грамматически ущербным (с позиций нормативной морфологии), неизменяемым, аграмматичным. Синтаксически аналитические формы могут находиться в постпозиции, особенно это касается топонимических (топографических) обозначений, принятых в стране проживания русской колонии/диаспоры. Все эти модели стали широко распространяться в русском языке метрополии только в последние два десятилетия XX в., когда стало сказываться интенсивное воздействие иностранных языков (в первую очередь английского).

1.2. Черты аналитизма в области падежной системы

Рост аналитических тенденций в сфере антропонимики уже неоднократно комментировался исследователями. Здесь мы хотим обратить внимание на случаи нарушения грамматического согласования имен (в сочетании с иноязычными этикетными знаками) и фамилий. В следующих двух примерах показательны, во-первых, использование графической комбинации кириллического (*фрау*) и латинского алфавитов (*Scalkin*) с иронически-игровой, стилизованной целью (не случайно эта комбинация присутствует в нарративном (фельетонном) повествовании). Во-вторых, возникает трудность и непоследовательность в применении иноязычных этикетных моделей к русской морфологии (ср. отсутствие согласования в сочетании *фрау Амалия Скалкин* вместо закономерного *фрау Амалии Скалкин* и верное согласование в синтагме *обжег щеку фрау Амалии*). Очевидно, можно говорить о расшатывании правил падежного согласования не только в устном речевом обиходе эмигрантов, но и о проникновении этой языковой неуверенности (а именно – комбинации синтетических и аналитических компонентов в некоторых затруднительных, сомнительных случаях) в письменную практику, прежде всего в нарративные тексты, базирующиеся на устной речевой стихии и/или отражающие ее. Ср. примеры из нашего корпуса:

В маленькой комнатухе при портновском магазине «Jacob Scalkin», сам герр Scalkin, он же Яков Иванович, запивая безсахарным [sic] кофе вязкий бутерброд со шпеком [шпиком. – А. З.] и не без труда преодолевая произношение и обороты языколомной немецкой речи, говорил своей жене, *фрау Амалия* [sic] *Скалкин*... (Руль. 1930. 1 янв. № 2766).

Фрау Scalkin приняла заказчика, предложила ему стул и вернулась в коморку. «Знаешь, кто пришел? Тот самый заказчик, который тогда в сентябре по американской...». Яков Иванович чуть не подавился куском. Он вскочил, натянул пиджак и обжег щеку *фрау Амалии* горячим шепотом. «Поняла? На даровщинку потянуло!» (Руль. 1930. 2 января. № 2767).

Русским пришлось иметь дело со многими иностранными антропонимами, которые в русской нормативной грамматике проявляют причудливые грамматические капризы: то склоняются, то нет. Понятно, что в эмигрантском узусе использование таких имен собственных было несравнимо выше, чем, например, в речевой практике тех же людей до революции, но еще живших тогда в России. Пребывание за рубежом и вырабатывающаяся языковая привычка избегать склонения многих иноязычных антропонимов влияла и на фамилии, существовавшие в перечне российских фамилий, но сохранявшие свой иностранный характер. Очевидно, несклоняемость фамилии *Дитерихс* в одной эмигрантской газете можно объяснить именно давлением иноязычных моделей употребления фамилий (геср. аналитизма):

Фонд спасения Родины имени Великого Князя Николая Николаевича.
[...] Вклады и пожертвования могут вноситься или непосредственно в банк или через генерала *Дитерихс* (Голос России. 1931. 2 авг. № 1).

В этом предложении нормативной формой должна быть: *через генерала Дитерихса* (так как *Дитерихс* – лицо мужского пола), неверное употребление может указывать на размывание категории склонения в сложных и неясных для «наивного» носителя языка случаях. И напротив, иногда наблюдается склонение фамилий (при обозначении лиц женского пола), что естественнее всего можно объяснять при помощи механизма морфологической аналогии (как известно, в языке XIX в. склоняемость иноязычных фамилий была намного выше, чем в языке XX в. [Калауцкая 1984: 50–53; 1994; Валгина 2001: 158]).

В официозе «Московских Известиях» [sic] и в других газетах публикуются специальные телеграммы об «Октябринах» из разных мест. Это обряд, заменяющий в настоящее время «крестины». Собираются в «Рабочем доме» или другом общественном месте, приносят туда новорожденных младенцев, дают им имя «Клары», в память *Клары Цеткиной* [sic], или «Карла», в память Карла Маркса, дают и русские имена. Подносят новорожденным по облигации одного из займов и устраивают торжество (Огни. 1924. 21 янв. № 3).

Впрочем, склонение еврейских фамилий представляет известную грамматическую трудность в русской грамматике. Они образовывались как на базе идиша и иврита, так и русского и отчасти украинского языков, и вычленение в них тех или иных словообразовательных элементов не так легко для лингвосознания говорящего, например, в фамилии *Цеткин/Цеткина* формант – *ин(а)* – это притяжательный суффикс или корневая часть? Затруднения или неуверенность в образовании корректных грамматических форм антропонимов весьма часты и в речевой практике индивидов метрополии. Приведенные выше примеры из эмигрантской прессы, по нашему мнению, находятся в пределах колебаний нормы в основном русском языке и не могут квалифицироваться как эмигрантские новации.

В эмигрантской прессе есть и более тонкие, изощренные случаи, когда происходит переkreщивание русских грамматических форм слов под влиянием иностранных языковых параллелей; все это в совокупности и может вызывать коррозию морфологических форм и образовывать новые модели предложно-падежного управления. Это касается субституции глаголов или отглагольных существительных в морфолого-синтаксических конструкциях, близких по семантике, но с разными предложными связями, напр.: *пропаганда за советскую правду* (вместо нормативного управления *агитировать, агитация за кого-, что-либо*). В этом примере контаминацию можно объяснить совместным действием следующих механизмов: во-первых, возможностью синонимизации слов *пропаганда, агитация* или глагольных лексем *пропагандировать кого-, что-либо, агитировать* в русской разговорной некодифицированной речи; во-вторых, влиянием немецкой предложно-падежной модели *propagieren für* – «пропагандировать за что-либо, кого-либо», *agitieren für* – «агитировать за кого-, что-либо». В результате сформировалась контаминированная предложно-падежная группа (попутно отметим: приводимая цитата – из газеты «Руль», выходившей в Берлине):

Сов[етская] власть была представлена молчаливым наблюдателем, неким Ромом, который, однако, в кулуарных беседах с делегатами съезда и иностранными корреспондентами развивал *пропаганду за советскую «правду»* в разыгрывавшемся кровавом конфликте по поводу Восточно-Китайской железной дороги (Руль. 1930. 25 марта. № 2836).

1.3. Черты аналитизма в сфере глагольного управления

Это те случаи, когда в прессе встречается глагольно-падежное управление, вызванное не нарушением словосочетаний или их контаминацией на почве русского языка, а в результате калькирования грамматических конструкций из контактирующего с русским языком иноязычного материала. Морфолого-синтаксический облик таких калькированных грамматических конструкций явно выпадает из системы русского языка и обнаруживает неудачность, ошибочность калек:

...губернатор Морфи заявил, что обе стороны – Дженерал Моторс и юниона – склонны к уступкам и находятся на пути к достижению соглашения. [...] Компания... обязалась не *преследовать к юниону* рабочих и признала юнион в качестве представителя юнионизированных рабочих (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35). возможная калька с англ. *make a claim to, prosecute to* – «предъявлять иск (к) кому-л.».

В жизни нет еще (да и будет ли когда-либо, неизвестно) такое положение, при котором международная армия пролетариата, подчиненная единому руководству, *маневрирует против* общего врага (Дни. 1925. 28 янв. № 676). ср. нем. *manövrieren gegen* – «маневрировать против», англ. *manoeuvre against*, фр. *manoeuvrer contre*.

«Daily News» пишет в передовой статье, что необходимо немедленно *предложить к Лиге Народов* Германии и России (Призыв. 1920. 13 марта (29.2). № 62). ср. англ. *appeal to smb., smth.* – «обратиться к кому-, чему-л.», нем. *einen Appell an jemanden richten* – «обратиться к кому-л. с воззванием».

Интересным случаем глагольного аналитизма является употребление сочетания *сделать скандал для имени русского артиста*, которое грамматически неприемлемо в русском языке. Очевидно, использование такой неудачной и неловкой комбинации слов *скандал для имени* объясняется калькированием фр. *faire un scandale (pour)* – «устроить, затеять скандал», но в русской грамматике группа *устроить скандал* требует дательного падежа: *устроить скандал*

кому-либо (с беспредложным управлением). В данном же случае французский предлог *pour* просто калькируется, в результате чего и возникает аналитическая (предложно-падежная) конструкция. Ср.:

В 8 часов 15 минут вечера г. Прокофьев на тревожный телефонный звонок заявил, что он приедет, но не войдет в зал, пока ему на улице, в автомобиле, не будет уплачен гонорар. [...] Наконец, вышли 2 лица из публики, пытавшиеся доказать ему, что он сделал перед лицом многочисленных музыкальных критиков *скандал для имени русского артиста* (Дни. 1925. 1 февр. № 680).

Эта модель оказалась в русском эмигрантском узусе актуализированной и/или заимствованной во второй раз: в первый раз это калькирование произошло в русском речевом обиходе высшего света в XIX в. (*сделать скандал*; фр. *faire un scandale*²⁴), во второй раз – уже в эмигрантской речевой практике как чистая калька французской предложно-падежной конструкции (*сделать скандал для*).

Таким образом, эти примеры, свидетельствующие о проникновении калькированных аналитических конструкций, также находятся в общем русле роста аналитических тенденций в языковой практике эмигрантов. Показательно, что данные языковые факты встречаются в кодифицированных формах языка (публицистической речи). Это можно объяснить как влиянием устной речи эмигрантов, где калькирование меньше замечается говорящими и/или больше «прощается» собеседником/собеседниками, так и активным обращением эмигрантов к иноязычной печатной продукции (особенно если беженцы знали данный язык/данные языки), грамматические модели которой сначала размывали, а затем трансформировали грамматические валентные отношения компонентов.

2.0. Именительный множественного на – а́

Распространение ударного окончания – а́ в формах множественного числа имен существительных справедливо относят к одной из активных морфологических тенденций в сфере имен в языке XX в. Если Ломоносов в «Российской грамматике» называл всего лишь несколько слов с окончанием – а́ (*облака, острова, луга, леса, берега, колокола, бока, рога, глаза*), то с XIX в. рост этого окончания и в устном языке, и в художественной литературе несомненен. Источником форм на – а́ в именительном падеже множественного числа считаются профессиональные языки и жаргоны [Иванова 1967; о структурно-фонологических факторах см.: Worth 1983]. Многие формы имен существительных мужского рода во множественном числе в современном языке находятся в стилистическом движении: одни из них уже стали нейтральными, другие сохраняют разговорный характер. В современном русском узусе формы на – а́/-я распространены среди рабочих, инженерно-технических работников и служащих [Comrie et al. 1996: 129]. Однако самым весомым, значимым для проникновения форм на – а́/-я в узус и укрепления их является поддержка этих окончаний журналистами и писателями [РЯМО 1974: 186, 251]. Чрезвычайно активно формы на – а́/-я рождаются в современном русском узусе: в устной речи, в печатных жанрах, телевизионном языке [РЯК 1996: 313–316; Ryazanova-Clarke & Wade 1999: 318–319; Лаптева 2003: 108–110].

Встречаются ли такие формы множественного числа на – а́/-я в эмигрантской прессе? Таких форм немного, тем не менее они свидетельствуют о тех же тенденциях, что и в русском

²⁴ Данная калька из французского часто использовалась в русской литературе XIX в.: [Кириллин:] «Я повторяю, сударыня, что если вы не дадите мне сегодня свидания, то сегодня же я *сделаю скандал*» (Чехов. Дуэль). [Лбов:] «В М-ском полку был случай. Подпрапорщик Краузе в Благородном собрании *сделал скандал*» (Куприн. Поединок).

языке метрополии. Прежде всего обращает на себя внимание использование форм на –а́, имеющих источник своего происхождения в профессиональной речи: *года́, промысла́*.

Горят нефтяные *промысла́* (Дни. 1925. 4 февр. № 682).

...советский вывоз последние *года́* составляет 37 проц[ентов] довоенного вывоза, а ввоз 28 проц[ентов] довоенного ввоза (Дни. 1926. 19 нояб. № 1163).

Если эти две формы с окончанием –а́ использовались еще, видимо, и в дореволюционном речевом обиходе,²⁵ то к эмигрантскому узусу стоит относить появление формы *кельнера́*, возникшей по модели *инспектора́, профессора́, инспектора́*. Примечательно наименование советских официантов иноязычным словом *кельнер*;²⁶ СУ не приводит формы множественного именительного на –а́, что свидетельствует о единственном и нормативном окончании –ы.

Особенно бросается в глаза назойливое и настойчивое ухаживание за иностранцами прислуживающих им кельнеров. Все *кельнера*, конечно, являются агентами ГПУ (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1).

Заимствования форм на –а́ из языкового узуса метрополии редки, в нашем корпусе мы зафиксировали только один пример. Ср. цитату из советской газеты, где встречается разговорный вариант *санинструктора́*:²⁷

Санинструктора обычно не знают задач определенного тактического учения [изложение статьи из советской газеты «Тревога», выходившей на Дальнем Востоке] (Гол. России. 1931. 1 окт. № 3).

Однако чаще представлена вариативность форм: *редактора́* и *редакторы*, *пуловера́* и *пуловеры*, *шлюпфера́* и *шлюпферы*. Все эти слова тематически входят в сферу специальной или полутерминологической лексики, и, таким образом, наличие двух вариантов свидетельствует о сосуществовании в эмигрантском речевом обиходе как разговорно-профессионального употребления (ударное окончание –а́), так и нормативного, стилистически нейтрального окончания –ы:

(1) Среди арестованных – *редактора́* всех одесских газет... (Голос Родины. 1919. 1–14 мая. № 264).

(2) В Париже выходит газета «Ля Рюсси Опримэ». Ее русские *редакторы* ведут противобольшевицкую пропаганду, пользуясь исключительно фактами и сведениями из большевицкой [sic] печати (Дни. 1926. 20 нояб. № 1164).

(1) [Распродажа:] кофты, *пулловера́*, костюмы, *шлюпфера́* (шерст[яные], шелк[овые]) (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12).

(2) ...дамские и детские *pul-over'ы*... [реклама] (Дни. 1926. 21 нояб. № 1165).

Шлюпферы (дамское белье) [реклама] (Дни. 1925. 1 февр. № 680).

Стилистическая вариативность была свойственна уже дореволюционному узусу, поэтому использование двух форм при образовании тех или иных профессионально-технических номинаций совершалось в эмигрантском узусе так же естественно, как и в языке метрополии. Ограничения касаются в первую очередь тематики и диапазона таких варьирующихся форм. Как

²⁵ Ср. в СУ: Год, мн. *года* и *годы*, годов, м.; Промысел, мн. *промыслы*, *промыслов* и (простореч.) *промысла*, *промыслов*, м.

²⁶ Ср. в СУ: Кельнер, кельнера, м. (нем. Kellner) (загр.). Слуга в ресторане.

²⁷ Примечательно, что оно не отмечено в СУ. Активизация слова во время Великой Отечественной войны послужила причиной его первой лексикографической фиксации в МАС-1 (Т. 4), но только с одним, не варьируемым, окончанием –ы. В ОС (1983) отмечаются равноправные варианты (без стилистических или ограничительных помет): *санинструктора* и *санинструкторы*.

правило, в эмигрантском узусе форм на – *а́/-я* при образовании множественного числа имен существительных мужского рода меньше ввиду ограниченного состава словаря, более медленных темпов пополнения его новыми лексемами.

3. Трансформации предложно-падежных конструкций

Смысловое сближение и смешение предлогов в нашем корпусе – любопытное языковое явление, свидетельствующее о пересечении, наложении двух тенденций: а) смешении русских предлогов с близким значением в речевой практике эмигрантов и б) влиянии иностранных предложно-падежных моделей.

Рассмотрим подробнее языковые механизмы, вызывающие смешение предлогов. В качестве иллюстрации начнем с анализа использования предлогов *из-за*, *благодаря*, *ради* в непривычных для нас контекстах. Каковы же лингвистические причины подобного смешения или неразграничения? Эти предлоги объединяет общая сема каузальности какого-либо события, однако их стилистико-прагматические интенции различны: в предлоге *из-за*, наряду с каузальным значением, существен коннотативный компонент негативности; предлог *благодаря*, напротив, содержит позитивный коннотативный компонент; предлог *ради* выражает повышенную степень волюнтаристичности, способности, желания совершить какое-либо действие. Таким образом, смешение данных предлогов в эмигрантской публицистике может получить следующие интерпретации:

во-первых, может свидетельствовать о преобладании семантической унификации над семантико-прагматической дифференциацией;

во-вторых, демонстрировать сохранение в речевой и письменной практике старых стилистических канонов, т. е. влияние книжно-литературной традиции XIX в.;

в-третьих, указывать на возможное воздействие франц. *pour* – «ради, вследствие, из-за». Ср. примеры:

Дальлес [Дальневосточный лес. – А. З.] работал наемным трудом, но, *благодаря* аресту крестьян, лишился рабочей силы, лошадей и опытных руководителей (Голос России. 1932. июль. № 12). В современном нормативно-узуальном употреблении требуется предлог *из-за*.

Здесь [на горе Афон. – А. З.] находится и наша обитель Благовещения Пресвятой Богородицы, которая устроена заботами и усердием покойного настоятеля старца Парфения с помощью добрых людей, имевшая до войны 40 человек братии. [...] Прежде монастыри получали из России, но все это прекратилось *ради* современной страшной неурядицы. И живем мы ныне весьма бедствуя, распродавая последние церковные облачения и утварь для существования (Младоросская искра. 1932. № 20. 12 июля). Предлог *ради* вместо ожидаемого (согласно современным нормам) *из-за*.

Подавив огнем и мечом крестьянские восстания в России и на Украине, коммунистическая власть окончательно разорила крестьянское хозяйство. Карательные экспедиции действовали в деревне, подобно опричникам Ивана Грозного. [...] *Благодаря* варварской системе заложничества и круговой поруке, были пролиты потоки невинной крови (Анархич. вестник. 1924. № 7). Предлог *благодаря* вместо современных *из-за*, *вследствие*.

Очевидно, смешение можно интерпретировать как наложение двух процессов: старого недифференцированного употребления предлогов *из-за*, *ради*, *благодаря*, идущего из литературно-книжной практики XIX в. [Очерки 1964b: 234–235], и унифицирующего влияния французской предложной модели. Данное явление не следует рассматривать как специфически эмигрантское, так как смешение предлогов *из* и *из-за*, *благодаря* и *из-за* вследствие лексико-грамматического пересечения их в общей (грамматической) семе каузальности нередко и в современной речи [ТСВН 1973].

Иногда с позиций современного узуса употребление некоторых предлогов в эмигрантских газетах кажется необычным; приведем в качестве примера цитату:

Первый гейм прошел с большим напряжением и закончился в пользу «Руси» со счетом *15 на 9* (Возрождение. 1932. 2 янв. № 2405).

В современном языке доминирует аналитическое сочетание «со счетом 15: 9» с так называемым кратным именительным, «господствующим в области спорта» [РЯСОМ 1968: 265]. Ясно, что устный язык следует за письменной формой и в речевом узусе метрополии распространилась модель синтаксически несоординированных компонентов. Конечно, в языке использование этого типа синтаксически ограничено: практически только существительные *счет* и *результат* участвуют в его формировании, именно поэтому такие конструкции справедливо квалифицируют как «синтаксический фразеологизм» [там же]. Данная синтаксическая структура является довольно новой в русском языке, хотя в [РЯСОМ 1968: 265] и приводятся две цитаты, в которых при обозначении спортивного результата используются предложно-падежные конструкции:

Первая половина игры кончилась со счетом «*один на ноль*» в пользу германской команды (Ю. Олеша. Зависть).

Счет здесь пока *полтора на пол-очка* (Комментарий к шахматному матчу, телепередача. 1965 г.).

В монографии [РЯСОМ 1968] отмечался факт активизации именительного кратного в области спорта, но без функционально-стилевой детализации: как функционирует данная модель при обозначении количества очков в разных видах спорта? какова частотность использования именительного кратного или предложно-падежной конструкции в газетно-публицистическом и устном языке? Очевидно, после 60-х гг. в тех видах спорта, где для исчисления очков используются целые числа, рост именительного кратного несомненен, в тех же видах спорта (например, шахматы), где применяются более мелкие числа (очко, пол-очка), до сих пор сосуществуют обе модели. Итак, можно с известной осторожностью высказать предположение, что конструкция *15 на 9* в эмигрантской прессе – это традиционная речевая модель обозначения количества очков, принятая в русском узусе в дореволюционные годы и сохраненная в речи диаспоры.

Использование предлогов *в – на* (при обозначении участия кого-л. в мероприятии) зависит от глагольного управления: *участвовать в собрании*, но *присутствовать на собрании*. Неузальную для современного употребления форму *произнести речь в пленуме* можно рассматривать как смешение, неуверенность говорящего/пишущего в нормативной русской глагольной валентности.

Его [Сталина] последняя речь, произнесенная 3-го марта *в пленуме* какого-то из высших советских учреждений... (Возрождение. 1937. 3 апр. № 4072).

На закрывшемся 10 ноября *пленуме* ЦК комсомола принято, как сообщают «Известия» (11.XI), единогласное постановление об исключении из числа членов ЦК комсомола бывшего командующего флотом зиновьевца Зофа (Дни. 1926. 18 нояб. № 1162).

Интересным случаем является использование предлога *между*, сочетающегося с абстрактно-собирательным существительным (это идет из языка XIX в.):

Дружба, товарищество *между молодежью* [в Советской России. – А. З.] отсутствует (Голос России. 1932. июль. № 12).

В современной нормативной грамматике предлог *между* не может сочетаться с подобными собирательными именами существительными (*крестьянство, учительство, профессура*), имеющими формы только единственного числа. В нормативном языке возможны только модели, в которых участвует наряду с *между* также сочинительный союз *и*, т. е. в восполняющих (комплетивных) конструкциях, напр.: *между молодежью и старшим поколением, между крестьянством и властью* и т. п. Однако в языке XIX в., не только разговорном, но и книжно-литературном, использование предлога *между* с собирательными существительными не воспринималось как отклонение от нормы. Ср.:

Когда после холостого ужина [Пьер Безухов], с доброй и сладкой улыбкой, сдаваясь на просьбы веселой компании, поднимался, чтобы ехать с ними, *между молодежью* раздавались радостные, торжественные крики (Л. Толстой. Война и мир).

Очевидно, к концу XIX – началу XX в. произошла дифференциация предлогов в дистрибутивном значении: *между* стал использоваться со счетными именами, *среди* – с абстрактными именами, которые в семантическом отношении состояли из отдельных, самостоятельных компонентов, но в грамматическом отношении оставались невыраженными, поглощенными морфологической категорией собирательности.

Но он знал цену популярности *среди молодежи* и потому не решался круто разорвать с прежним кружком (Куприн. Яма).

Кавальканти шел, весь отданный своим черным думам, и, только случайно подняв глаза, заметил Лоренцо, старого нищего, хитрость которого была хорошо известна *среди молодежи* (Н. Гумилев. Радости земной любви).

Произошло также и стилистическое размежевание предлогов, используемых в данных конструкциях: предлог *среди* все более тяготел к нейтральному регистру, предлог *между* стал разговорно-просторечным. В некодифицированных сферах русского языка смешение данных предлогов было вполне возможно: причиной этого был дисбаланс между грамматикой (собирательность) и семантикой (раздельная множественность). В этой связи приведем любопытный языковой документ, написанный в СССР в первые революционные годы. Это заявление (от 5 февраля 1929 г.) В. Бухарева в Томский губернский избирком (орфография и пунктуация источника сохранены):

...нас губила не сплоченность не связанность *между молодежью* не сознательность, неужели я бы торговал зная, нет, когда узнал гадость торговли я бросил, нас погубила религиозная обстановка, теперь я уже себя считал *среди молодежи* и считал себя учеником советского союза (Дружба народов. 2000. № 11).

Использование предлогов *между* и *среди* со словом *молодежь*, по нашему мнению, едва ли можно однозначно квалифицировать как ошибку неграмотного человека (отвлеченная лексика противоречит этому) или нарушение грамматических правил. Кажется, в приведенной цитате очевидно стремление пишущего грамматически и семантически различить, дифференцировать использование данных предлогов: сочетание *между молодыми людьми* (с локативно-квалификативным значением), сочетание *среди молодежи* подчеркивает активную (инклюзивную) роль субъекта в некоторой группе (*молодежь*). Аналогичную грамматическую конструкцию находим и в тексте И. Солоневича, в 1934 г. вместе с братом Борисом и сыном Юрием, бежавшим в Финляндию (затем – в Центральную Европу) из ГУЛага в Карелии. Можно ли объяснять ее появление в письменном тексте теми же языковыми мотивами (неустойчивым, динамическим состоянием предлогов *между* и *среди* в узусе), что и в предыдущем полуграмотном заявлении, или же отнести к

особенностям эмигрантском языке? На наш взгляд, больше оснований видеть те же языковые процессы семантико-стилистической и грамматической дифференциации, подвижного и еще неустойчивого положения в конкуренции предлогов *между* и *среди*, но не коррозию, не ошибку, как это можно было бы квалифицировать, исходя из современных грамматических норм.

Должен сказать, что *среди этой молодежи* напрасно было бы искать какой-нибудь хотя бы начерно выработанной программы, во всяком случае положительной программы. Их... не устраивает никакая партийная диктатура, и поэтому *между той молодежью* (в лагере ее немало), которая хочет изменить нынешнее положение путем, так сказать, «усовершенствования» компартии, и той, которая предпочитает эту партию просто перевешать, существует основной решающий перелом: две стороны баррикады (И. Солоневич. Россия в концлагере).

По-видимому, и приведенную в начале нашего рассуждения цитату из эмигрантской газеты следует рассматривать как сохранение старой грамматической модели, не имеющей для эмигрантов стилистической окраски просторечности/разговорности.

Рассмотрим вторую тенденцию – возможного влияния иноязычных предлогов, вызывающего смешение русских. Начнем с предлога *через* в значении «посредством, вследствие, с помощью». Употребление данной конструкции с предлогом *через* было свойственно не только дворянскому речевому обиходу в XIX в., но и просторечию. Грамматической особенностью предлога было его использование с абстрактными существительными:

[Кузнец:] «Зачем тут лежат эти мешки? их давно бы пора убрать отсюда. *Через* эту глупую *любовь* я одурел совсем. Завтра праздник, а в хате до сих пор лежит всякая дрянь. Отнести их в кузницу!» (Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки).

Постигнув *через* эту *любовь* смысл жизни, он верно постигает и смысл смерти – и чем глубже он постигает этот смысл, тем меньше трепещет перед нею (Л. Толстой. Путь жизни).

Применительно к современному узусу БАС-1 предлог *через* в значении «из-за чего-н., по какой-н. причине» снабжает пометой *устар*[елое] и *простореч*[ное] [БАС Т. 17: 866]. В эмигрантской речевой практике старые синтаксические модели активизировались под давлением иностранных языков: франц. *par* («посредством»), *par suite de* («вследствие»), нем. *durch* («посредством»). Употребительность предлога *через* зафиксирована и в устной эмигрантской речи [ЯРЗ 2001: 96]. Ср. также пример из нашего газетного корпуса:

На днях в Париже гильотинировали Жоржа Гошэ – юношу из хорошего, богатого дома, который долго катился по наклонной плоскости и дошел, *через кутежи, игру и кокаин*, до жестокого убийства с целью грабежа (Возрождение. 1932. 2 янв. № 2405).

Использование данной модели не редкость и в эмигрантской художественной литературе, что можно рассматривать либо как перенос (трансфер) из старого узуса, либо как кальку. Ср. также в прозе Набокова:

У меня ничего не вышло из беспечной идеи завладеть ее волей *через* ее *любовь* (В. Набоков. Лолита).

Интересно употребление предлога *от* в значении «изготовленный, заказанный». Очевидно, такое значение в эмигрантском узусе – непосредственное влияние иностранных языков; ср. франц. *de*, передающее грамматико-семантические отношения «автор, изготовитель»:

Я видела на княгине Ильинской необычайно элегантный черный шерстяной костюм *от Ланвене*, отделанный пышным бантом из белой тафты; маленькая шапочка и муфта *от Ребу* были сделаны из гладких белых перьев (Возрождение. 1935. 1 янв. № 3499).

В русском языке метрополии активность данной предположно-падежной группы фиксируется 80–90-ми гг. XX в. и объясняется обычно как результат иноязычного влияния в постперестроечные годы; неслучайно в конце 80-х гг. оно использовалось как языковой маркер зарубежной жизни, сейчас же – применительно и к российским реалиям. Ср.:

Хотя для мафиози [Кашляев] слишком малоинтеллигентен, такие разминают почву для настоящих боссов, а те держат дома видеокассеты с роками и порнографией, закусывают импортным миндалем в соли, носят шелковые слипы, носки *от Кардена* и рубашечки японского шелка... (Ю. Семенов. Репортер).

Конечно, «Тати» – не место для снобов, в глазах которых элегантность – это обязательно платье *от «Шанель»* или костюм *от «Версаче»* (Итоги. 1 июня. 1999).

...новомодный костюм *от Зайцева* или *от Юдашкина*... (Дружба народов. 2004. № 5).

Смешение предлогов *из – с* в эмигрантской публицистике вызвано, скорее всего, влиянием немецких синтаксических моделей; так, русское нормативное *выбить с какой-либо позиции* испытало воздействие нем. (den Feind) aus seiner Stellung vertreiben – «выбить (противника) с его позиций», в результате чего и происходит замена предлога *с* калькированным *из*:

На Гвадалахарском фронте националисты коротким ударом выбили красных *из* передовых позиций (Возрождение. 1937. 3 апр. № 4072).

Функционирование предлогов *в – на* в русском языке может являться строго закрепленным, идиоматизированным: *в пользу кого-либо*, но *на пользу кому-либо*. В эмигрантской прессе встречаются как случаи правильного употребления, так и модифицированного (влияние французского синтаксиса). Ср. нормативные модели:

Для Комиссаров важна любая свара на любой почве *из-за* надежды потом как-нибудь повернуть свару *в свою пользу* (Рус. правда. 1925. июль – авг.).

В кругах венгерских легитимистов большое недовольство вызвали заявления эрцгерцога Оттона в парижской печати, в которых претендент на венгерский престол высказывался против парламентской демократии и *в пользу* фашизма и корпоративного государства (Возрождение. 1935. 2 января. № 3500).

Но рядом с ними – трансформированные, возникшие в результате калькирования франц. *au bénéfice de; au profit de* – «в пользу (кого-либо)»:

Нынешняя власть залила потоками крови Родину Нашу, довела Ее до небывалого обнищания и продолжает *предавать* интересы страны *на пользу* III Интернационала (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418).

Ср. также смешение русских предлогов *в – на* в результате калькирования, где французский предлог *en* указывает направление движения, отсюда появляется винительный падеж. В русском языке после существительного *представительство* требуется предложный падеж.

Лиц, интересующихся младоросским движением... просят обращаться письменно к генеральному секретарю представительства Р. Ц.С. М. *на*

Францию (Младоросская искра. 1933. 10 июля. № 31); буквальная калька с франц. la présentation en France, букв.: «представительство на Францию», ср. рус. нормативное *представительство во Франции*.

Происходит смешение предложно-падежных групп, калькированных уже в XIX в.: *под управлением* (нем. unter der Leitung), *под руководством* (нем. unter der Führung, unter der Leitung). В эмигрантском узусе может происходить семантическая нейтрализация, хотя в дореволюционном языке их дистрибуция была достаточно отчетлива: группа *под управлением* сочеталась с существительными, обозначающими лиц музыкальных профессий; группа *под руководством* обладала более широкой сочетаемостью (и музыкальные, и общественные сферы). Эмигрантский узус дает непривычное сочетание: *под управлением шефа-повара* [sic], что можно объяснить унифицирующим влиянием немецкой предложно-падежной группы unter der Leitung или франц. sous la conduite de – «под управлением»:

Первоклассная русско-французская кухня *под управлением* шефа-повара [sic] (Дни. 1925. 8 февр. № 686).

Ср. нормативно-узуальное *под управлением дирижера, композитора*:

Сегодня, в четверг, 18 ноября, первое представление «Медеи» Эврипида [sic] в переводе Д. С. Мережковского и постановке М. Н. Германовой, играющей Медею. Усиленный оркестр и хор *под управлением* специально приехавшего из Праги композитора А. Подашевского (Дни. 1926. 17 нояб. № 1161).

Таким образом, смешение предлогов в нашем корпусе – явление, проявляющееся как в сохранении старых, архаических моделей, так и в контаминации с иноязычными грамматическими конструкциями. В последнем случае иноязычные модели могут легко проникать в русское речевое употребление, когда уже на почве русской грамматики есть предпосылки (семантическая ослабленность близких по смыслу и выражаемым отношениям предлогов) для такого унифицирующего влияния. Вообще, иностранный языковой материал в области грамматики выполняет именно унифицирующую функцию, погашающую вариативность, семантическую дистрибуцию русских предлогов и предлагающую взамен альтернативы один предлог с четко выраженной грамматической семантикой. Итак, семантика в процессе унификации оказывается «страдающей» стороной, уступая первенство грамматике, более формализованной и четкой в функциональном отношении.

4. Трансформация грамматической сочетаемости

Изменение моделей грамматического управления, точнее сказать, трансформация грамматической сочетаемости (нарушение норм управления) – тема, активно изучаемая специалистами на материале как языка метрополии, так и русского языка эмиграции [Kouzmin 1982; ЯРЗ 2001; РЯЗ 2001; Протасова 2000, 2004; Зеленин 2004 и др.]. Очень часто изменение грамматической сочетаемости вызвано:

а) смещением синонимов, близкозначных слов и появляющейся на этой основе подменой одного слова другим;

б) нечетким знанием индивида сочетаемостных (валентных) свойств лексемы (в [ЯРЗ 2001: 420] отмечается, что «грубые ошибки, связанные с управлением, встречаются скорее у людей, покинувших родину в детском возрасте»);

в) влиянием иностранных языков и трансфером из второго (третьего) языка в русский валентных связей слова (особенно это касается глагольных лексем) и др. Все эти процессы хорошо описаны, и в литературе приведено большое количество примеров, преимущественно из эпистолярных жанров и записей устной речи. Эмигрантская пресса первой волны содержит не так много отклонений от нормативных грамматических конструкций, как устная речь или эпистолярные тексты, однако и на страницах газет можно видеть аналогичные языковые процессы, описанные на материале некодифицированных сфер языка эмиграции.

Градация контаминированных форм может располагаться в известных границах: от таких, которые находятся в пределах нормы (*играть значение*; ср. нормативное *играть роль* и *иметь значение*), до таких, которые расцениваются как «режущая слух ошибка» [Лаптева 2000: 87]. Примером последнего типа является, напр., неоправданный перенос глагольного управления (валентности) на отглагольное существительное: *под угрозой револьверами* (нормативное глагольное управление *угрожать* чем? но невозможно сказать *под угрозой* чем? отглагольное существительное требует другого предложно-падежного управления: *под угрозой* чего?):

[В Фучжоу] вчера шайка коммунистов ворвалась в зал официального банкета и *под угрозой револьверами* связала руки участников банкета... после чего последних увезли с собой (Сегодня. 1930. 9 янв. № 9).

В случае *убит поездом* теоретически можно усматривать возможность использования грамматической русской инструментальной модели (*убить ножом, топором, кулаком*), но на деле данная фраза является скорее всего английской синтаксической калькой *X was killed by train* (результативный пассив нормативен для романо-германских языков):

Поездом убит Джон Василевский, 48 лет, 5530 Лэйк Парк аве [sic] (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35).

Однако в нашем корпусе модели нерезкого нарушения грамматических норм в процессе контаминации, допустимые в разговорной некодифицированной речи, несомненно преобладают и едва ли могут вызвать резкую негативную языковую реакцию со стороны говорящих и пишущих: *воспитанный, выросший под большевиками* (контаминация *воспитать под страхом* и *вырасти при большевиках*, быть *под большевиками*), «*стучать*» *среди эмигрантов* (контаминация *шпионить, следить среди кого-либо* и *стучать на кого-либо* – «доносить»), *тянуть за коммунистов* (контаминация *тянуть за кем-либо* – «следовать за кем-либо, ориентироваться на кого-либо», и *быть за коммунистов*), *допустить до военной оккупации* (контаминация *допустить до чего-либо* (разг.) и *довести до чего-либо*). Скорее можно говорить о допустимой (в пределах узуса) вариативности. См. некоторые примеры из нашего корпуса:

Нынешнее православное духовенство в СССР почти полностью состоит из людей, *выросших и воспитанных под большевиками*, получивших духовное образование и посвящение в катакомбах, несмотря на скорпионы Чеки и ГПУ (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107).

Иногда «стукачей» посылают за китайскую границу, чтобы *«стучать» среди эмигрантов* (Возрождение. 1927. 5 окт. № 855).

Разочарование в коммунистах [название заметки]. Небольшая часть рабочих двинских жел[езно]-дорожных мастерских под влиянием бешеной агитации и посулов *«тянула» за коммунистов*. Теперь настало отрезвление и разочарование. [...] – Ныне, – уверяют они, – у нас в мастерских нет ни одного сочувствующего коммунистам (Сегодня. 1930. 6 янв. № 6).

...представители немецкой тяжелой индустрии сговорились бы с самим чертом относительно т[ак] н[азываемых] «национальных интересов Германии», коль скоро они могли бы при этом нагреть руки. Но так как со стороны английской угольной промышленности... им были предложены большие барыши, то в них вдруг заговорило их национальное сердце, и они *допустили до военной оккупации* [Рурской области Францией. – А. З.] (Анархич. вестник. 1923. № 5–6).

Итак, в эмигрантской прессе процессы грамматической аналогии, вызывающие коррозию предложно-падежных позиций и появление контаминированных форм, встречаются преимущественно в области глагольной лексики. Но в большинстве случаев трудно однозначно квалифицировать, являются ли эти языковые сбои особенностью эмигрантского узуса или они проникли из русского советского языка (не следует забывать о существовавших связях, пусть и ограниченных, между частью эмиграции с СССР). В частности, следующий пример определенно можно идентифицировать как «советскую» грамматическую конструкцию. Новое глагольное управление стало широко распространяться в русском советском языке уже в 20-е гг. XX в. (многочисленные примеры и комментарии см., напр., в: [Селищев 1928; РЯСОМ 1968]); на страницах эмигрантских газет оно проявляется главным образом в результате заимствования фраз, словосочетаний из советского языка, напр. *вычистить, вычищенный из партии*. Появление в глаголе *вычистить* нового значения следует связывать с советской реальностью (массовыми чистками) и проникновением в смысловую структуру глагола семантического элемента «уволить со службы или исключить из какой-нибудь организации по чистке (нов.)» [СУ Т. 1: 523]. Активность употребления лексического (и синтаксического) советизма *вычистить из партии* в эмигрантской прессе резко возрастает в 30-е гг., когда чистки стали повсеместны в СССР, и практически затмевает стилистически нейтральное выражение *исключить* (из рядов какой-либо организации).

В среде большевистских главарей вспыхивают ежедневно скандалы. [...] Лукьянов и Семенов *исключены из партии* за кражу кассы миноносной флотилии (Голос Родины. 1919. 1–14 мая. № 264).

Один из старых большевицких лидеров, А. П. Смирнов, бывший комиссар земледелия, *исключен из партии*... Это исключение мотивируется тем, что Смирнов упорно отказывался принести публичное покаяние в своих «антисталинских» заблуждениях (Возрождение. 1935. 2 янв. № 3500).

Из управления ГПУ Бурято-Монгольской республики вычищены за контрреволюционное направление 48 ответственных работников ГПУ (Голос России. 1931. 1 сент. № 2).

Грамматические модели, бытовавшие в первые годы революции, смещенные затем на языковую периферию и признанные уже в 30-е гг. устаревшими, в эмигрантской прессе используются без таких стилистических ограничений: *прикрепить к колхозам, обратить в колхоз*.²⁸

Через пять лет весь Русский народ, все сто с лишним миллионов будут обращены окончательно в крепостных кабальных рабов. Крестьяне будут *прикреплены к своим колхозам*, где будут отбывать коммунистическую барщину, такую жестокую, какой не знали и в самые древние, стародавние времена подлинного крепостного права (Рус. правда. 1930. июль – авг.).

В ночь на 25 марта Братская пятерка спалила *обращенную в колхоз* дер. Козлянцы. Жители ее, в числе 32 домохозяев, добровольно *перешли на коллективизацию* и забрали все имущество прочих 15 домохозяев, отказавшихся войти в колхоз и за это высланных в Сибирь после конфискации всего имущества (Голос России. 1931. 2 авг. № 1).

---

²⁸ В СУ обе фразы даны с пометой «устар[елое]», фиксирующей изменение прагматического потенциала глаголов *прикрепить* «ввести к состав кого-, чего-либо (обычно насильно, административным решением)», *обратить* с идиоматическим управлением: *обратить в новую веру, обратить в рабство*. Усиление в официальном дискурсе идеологически выверенных языковых форм вызвало необходимость удаления на лексико-прагматическую периферию глагольных конструкций с целью избежать негативного коннотативного компонента «сделать что-либо насильственно, вопреки желаниям кого-, чего-либо», явственно присутствующего в обоих глаголах.

5. Категория числа имен существительных

Числовые формы имен существительных также требуют небольшого комментария, поскольку в эмигрантской прессе содержатся или, напротив, отсутствуют такие языковые факты, которые отличают ее от советских газет.

5.1. Специфика употребления множественного числа существительных на – а/-ы

Формы множественного числа имен существительных обычно обозначают или количество (*снега*), или множество лиц (*студенты*), предметов (*столы*). В этом случае в оппозиции к единственному числу формы множественного выступают как маркированный член, напротив, единственное число – как немаркированный. С одной стороны, категория числа в русском языке является облигаторной (обязательной) для имен существительных, с другой – категория числа вместе с тем зависит от намерений языковой личности, т. е. может выступать и в качестве интенциональных (намеренных) или неинтенциональных (ненамеренных) языковых феноменов [Бондарко 1994].

Многие формы слов *singularia* и *pluralia tantum* лексикализованы в языках, что обусловлено скорее языковой традицией, нежели реальными денотативными отношениями. В языке эмиграции формы множественного числа имен существительных могут быть или реликтами старого узуса (типа *жары*, *знои*), или лексико-грамматическими кальками, прототипы которых в языках-источниках выступают как в форме множественного, так и единственного числа, в то время как в русской нормативной грамматике они используются только в одной числовой форме (напр., *багажи* – ср. франц. *bagages*; *крахи* – ср. англ. *collapses, failures, crashes*; *спорты* – ср. англ. *sports*, «занятия спортом, соревнования; виды спорта») [ЯРЗ 2001: 401–402]. В узусе третьей волны эмиграции в США этот грамматический процесс протекает весьма активно [Andrews 1999: 10, 15, 64, 67 и др.].

Иноязычные грамматические формы множественного числа могут оказывать прямое воздействие на грамматическое оформление существительных в газетном тексте. Особенно это касается реалий иного быта, другой культуры. Грамматика оказывается тесно связанной с предметным миром, сферой практики. Можно предположить, что, не оказавшись эти люди за границей, едва ли в их речевой практике появились бы, например, такие формы во множественном числе: *недвижимые имущества*, *сорочки-трикотаж*, *рабочие классы*, *реальности* и др. Но именно широкое использование данных слов как в единственном, так и во множественном числах в иностранных языках ослабляет языковое внимание индивидов и способствует проникновению в их речь «неправильных» (с точки зрения русской нормативной грамматики), но закономерных (с точки зрения иностранных языков) форм: *земельные имущества* – франц. *fonds agraires, bien-fonds*, «недвижимое имущество, земельный фонд»; *сорочки-трикотаж* – франц. *chemises tricotées*; *рабочие классы* – франц. *les classes ouvrières*; *реальности* – франц. *réalités*.

Но соглашаясь уплатить эту сумму в качестве компенсаций, венгерское правительство в то же время категорически отказывается связать вопрос о вознаграждении венгерских оптантов за конфискованные у них Румынией земельные *имущества* с вопросом о репарациях, настаивая на том, чтобы Румыния вознаградила венгерских оптантов сама (Сегодня. 1930. 9 января. № 9).

[Распродажа:] мужские чулки; фротировочные материи; джемперы; дамские шлупфера; верхние *сорочки-трикотажки*; галстухи;²⁹ кашнэ (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12).

Дело представляли так: те, кто, утверждая, что вот-вот начнется разоружение и будет обеспечен вечный мир, – те человеколюбы и хотят мира; а те, кто не верил в эту словесность и предупреждал о тысяче противодействующих *реальностях*³⁰ [sic], – те милитаристы, империалисты и вообще злодеи человечества (Руль. 1930. 25 марта. № 2836).

Интернационал может пока лишь согласовывать интересы *рабочих классов* Европы и вырабатывать общую политическую линию в важнейших вопросах (Дни. 1925. 28 янв. № 676).

Эти случаи нарушения русской категории числа в некоторых словах (экономических, технических терминах) легко объясняются влиянием языков-субстратов, так как специализированная лексика действительно быстрее всего реагирует на иноязычное воздействие. Однако примеры с русскими формами лишь подтверждают наметившуюся тенденцию к выработке коррелированных форм, для языкового сознания индивида грамматически более «прозрачных» и «логичных».

Часто использование форм множественного числа выполняет немаркированную функцию, если их употребление связано с экспрессивностью высказывания. В этом случае форма множественного числа (*терроры*) обусловлена контекстом. Так, в следующем примере множественное число, с позиций русского словоупотребления, может получать интерпретацию через механизм «давления» контекста, иначе – наличия в структуре предложения других слов во множественном числе: *успехи, жертвы, разрушения*, – которые морфологически провоцируют продолжение ряда в том же числе; так, слово *террор* (*singularia tantum*) «заражается» семантикой раздельной множественности и выступает в конкретно-дискретном значении «террористические действия, акты, операции», вполне возможно эту неузуальную форму рассматривать как публицистический эллипсис словосочетания *случаи террора*.

Также и в случае со словом *тундры* мы встречаем множественное немаркированное, выполняющее экспрессивно-выразительную функцию. Слово *тундра* предстает не как географический термин, а в обобщенном (генерализованном), семантически и прагматически модифицированном значении «полярные, крайне холодные края, области» с важной коннотацией «место ссылки политических оппонентов»:

...телеграф каждый день приносит нам известия... о новых подвигах народных партизанских армий [Нанкинского правительства. – А. З.], о новых успехах их, жертвах и, конечно, о новых разрушениях, *террорах* и истреблении японских и белых русских аборигенов (Голос России. 1932. сент. – окт. № 13–14).

Пусть голос вашего пламенного протеста послужит предостережением для нынешних правителей России и пусть он в то же время придаст силы и энергию борцам, несущим крест революции в бесчисленных тюрьмах и холодных *тундрах* нашей страны (Анархич. вестник. 1923. № 1).

²⁹ В этом можно усматривать явное регрессивное влияние немецкого языка (*Halstuch*), так как форма *галстух* в начале XX в. уже вышла из употребления. Написание *галстух* свидетельствует о подравнивании графической формы слова под прототип с одновременным отказом от устоявшейся русифицированной формы *галстук*.

³⁰ Подобная ошибка (описка) – явный случай ослабления русских падежных оппозиций. Этот аспект аналитических тенденций в языке эмиграции с приведением большого количества примеров в языковом материале как метрополии, так и зарубежья детально описан в: [ЯРЗ 2001]. И в эмигрантском узусе, и в русском некодифицированном языке (и даже, например, в правильной, нормативной речи дикторов телевидения) наблюдаются аналогичные тенденции.

Многочисленные факты немаркированного множественного приведены в [РЯСОМ 1968: 156] как одна из характерных особенностей русского языка советского периода. Эти формы стали характерным лингвостилистическим элементом публицистического стиля, преимущественно в нарративном повествовании или в текстах, отражающих разговорно-речевую стилистику. В нашем материале такие морфолого-стилистические явления единичны, что позволяет высказать следующее предположение: в эмигрантском публицистическом стиле немаркированное множественное как факт экспрессивной речи, свойственный русскому советскому публицистическому языку, осталось на периферии, не став лингвостилистическим средством эмигрантских газет.

Архаические формы множественного, уже вышедшие из употребления в русском советском языке, в нашем корпусе единичны. Ср. в следующей цитате использование слова *клевета* во множественном числе, которое можно рассмотреть либо как контекстуальное множественное, появившееся под влиянием другого существительного во множественном числе (*слухи*), так и сохранением старых грамматических форм:³¹

Клеветы, распространяемые большевиками против демократии, провокационные слухи и т. п. заставили исполнительный комитет центрального Совета профес[сиональных] союзов Грузии обратиться к международному бюро профес[сиональных] союзов... о положении и роли рабочего класса Грузии при демократическом строе (Воля России. 1920. 14 сент. № 2).

Таким образом, множественное число имен существительных в особых, выполняющих семантико-прагматическую функцию позициях встречается в эмигрантской публицистике первой волны в основном в двух ситуациях:

во-первых, при обозначении каких-либо технических, экономических, одним словом – специальных понятий (что является заимствованием соответствующих форм из других языков);

во-вторых, в контекстах с однородными членами, когда происходит морфологическое «заражение» слова формой множественного в результате «давления» синонимического ряда; такое экспрессивно-стилистическое явление используется спорадически, нерегулярно.

5.2. Стилистическая функция единственного числа

Как известно, единственное число имен существительных – категория в большинстве случаев немаркированная, что означает возможность широкого использования форм единственного числа как для номинации предмета в количестве одного, так и для номинации множественности предметов (лиц). В последнем случае в русском языке имена существительные в единственном числе имеют обобщенно-собирательное значение, располагаясь на морфологическом перекрестье между категориями: 1) собирательности объектов (лиц) и 2) обобщенности признаков, присущих этим объектам (лицам). А. А. Потебня называл такое использование форм единственного числа существительных «образом сплошного множества» [Потебня 1968: 25], понятием «как единица или как множество» [там же: 26]. На рубеже XX в. эта группа тематически была представлена именами существительными, обозначающими «лиц по профессии, общественной, политической деятельности, классовой, территориальной принадлежности и т. д.». Другую обширную группу «составляют имена существительные, обозначающие животных, рыб, птиц, [растения], машины и прочие предметы, связанные с производственной деятельностью и другими видами деятельности человека» [РЯСОМ 1968: 166].

³¹ В СУ слово *клевета* сопровождается стилистической пометой: *клевета*, – ы, мн. *устар*[елое].

Рост количества форм существительных единственного числа в собирательном значении в сфере общественно-политической лексики начался в русском языке примерно в первое десятилетие XX в., прежде всего в таком специфическом жанре публицистического стиля, как листовки (распространяемые социал-демократическими группами). В дальнейшем, по мере распространения в массах агитационно-пропагандистской литературы, существительные в собирательно-обобщенном значении становятся одним из элементов данного типа текстов и их стилевой приметой. Яркая стилистическая окраска обуславливается семантико-прагматической функцией: «собирательно обозначая ту или иную общественную группу, такие формы одновременно указывают и на всякого отдельного представителя этой группы. [...] Это делает их особенно выразительными: они действенны, активны» [РЯСОМ 1968: 166]. Таким образом, активизация таких форм в пролетарско-большевистской и – шире – социал-демократической печати мотивирована языковой прагматикой – мощным стилистическим потенциалом категории единственного числа группы существительных, относящихся к актуальным общественно-политическим понятиям; такие формы отличает лозунговость, повышенная риторичность, патетичность и целеполагающая лаконичность: «прочел – и действуй!» [Винокур 1929: 150].

Эмигрантская публицистика использует такие стилистически маркированные формы единственного числа (значение «сплошного множества») крайне ограниченно. Пожалуй, безусловным «героем» данной категории является существительное *деревня*, используемое в собирательно-обобщенном значении. Семантика и прагматика субстантива в эмигрантских газетах мотивирована только советской действительностью, но не связана с зарубежными реалиями, что позволяет квалифицировать эту морфолого-стилистическую модель как несомненное заимствование из советской печати:

Деревня... не может развить своих производительных сил без усовершенствования торгового аппарата (Огни. 1924. 28 янв. № 4).

...*деревня* очутилась без той интеллигенции, отзывчивость и безграничное самопожертвование которой всегда были к услугам страдающей деревни (Голос Родины. 1919. 11 мая. № 262.).

Партийный и советские «руководители»... никуда не годятся, а у *деревни* отняты всякие стимулы для работы на полях «плантатора» – советской власти (Меч. 1937. 11 апр. № 14).

Некоторые все нарастающие деревенские действия «из-за угла» убедительно свидетельствуют большевикам, что им пора для своих политических прогулок подальше от *деревни* выбрать закоулок (Дни. 1925. 27 янв. № 675).

Подавив огнем и мечом крестьянские восстания в России и на Украине, коммунистическая власть окончательно разорила *крестьянское хозяйство*. Карательные экспедиции действовали в *деревне*, подобно опричникам Ивана Грозного (Анархич. вестник. 1924. № 7).

Ср. также отсылку к советской речевой практике, когда в цитатах из высказываний известных большевистских деятелей сохраняется принятая в советском официальном дискурсе форма единственного числа в собирательно-обобщенном значении:

Не цитировали ли мы из речей Зиновьева и К-о о том, что не надо огульно сваливать все на «*кулака*», что очень легко ныне любой «*середняк*» принимается за *кулака*, а что о «*середняке*» нужно заботиться и т. п. Потом, когда у «*середняка*» оказался тоже свой «*кулак*», которым он начал громить селькоры, т. е. местных агентов сов. [етской] власти, его вновь произвели в кулаки (За свободу. 1925. 4 янв. № 3 (1407)).

Единичным случаем в нашем корпусе представлено словосочетание *красный солдат*, имеющее обобщенно-собирательное значение и являющееся заимствованием из советского языкового багажа:

Ненависть *красного солдата* к режиму, приведшему к голоду, ссылкам и кровавому террору, которым является ныне СССР, только усилилась после учреждения Колхозов [sic], так как русские деревни лишены теперь всего и приведены к рабству (Голос России. 1932. сент. – окт. № 13–14).

Таким образом, чрезвычайно бурная активность таких морфологических форм имен существительных в единственном числе, несущих интенсифицирующую функцию в советском публицистическом стиле, в эмигрантской прессе отсутствует. Немногочисленные случаи такой модели, зафиксированные в нашем корпусе, свидетельствуют об их инородности для эмигрантской публицистики, выступая как лингвохарактеризующие знаки советской реальности.

Выводы

1. Одна из наиболее ярких грамматических особенностей эмигрантской прессы – рост грамматических аналитических форм.

1.1. Аналитизм в номинативной сфере. Семантическая классификация позволяет представить наиболее открытые зоны, в которых происходило усвоение аналитических моделей: а) наименования производств, предприятий, кинофирм; б) наименования профессий; в) политические реалии; г) технические номинации (очень немногочисленны); д) названия официальных документов, актов; топонимы; е) бытовые, спортивные номинации. Практически в тех же лексико-семантических группах происходит влияние аналитического английского в языке метрополии в 80–90-е гг. XX в. Итак, массированное проникновение аналитических существительных в русский эмигрантский узус началось уже в первые годы эмиграции. Наблюдается известный изоморфизм между эмигрантским вариантом и материковым русским языком в усвоении и освоении лексических аналитов. Аналитические по своей структуре наименования быстро входили в русскую грамматическую систему.

1.2. Аналитизм в падежной системе. Прежде всего он затронул область антропонимических моделей (особенно при склонении иностранных имен, фамилий), глагольное управление (контаминация сочетаемости русских или русифицированных глаголов с иноязычными моделями-прототипами).

1.3. Аналитизм в глагольном управлении. Он связан с процессами калькирования иноязычных структур, в которых уже содержатся аналитические компоненты.

2. Именительный падеж множественного числа на –а́. Тенденции примерно те же, что и в языке метрополии, где рост образований на –а́ составляет особенность развития русского послереволюционного языка. В эмигрантском разговорном языке форма на –а́ имеет стилистическую маркировку: это обычно профессионально-речевые модели, имевшие в качестве нейтральных корреляций формы на –ы.

3. Смысловое смешение предлогов – любопытный процесс, затронувший эмигрантскую прессу меньше, чем устный язык, но тем не менее показывающий комбинацию двух тенденций в данном процессе: а) сохранение старых (дореволюционных, книжных) предложно-падежных форм; б) ослабление смысловразличительной функции, семантической нюансировки предлогов и возможность их нейтрализации в одном, более общем по грамматическому значению; в) влияние иностранных языков, которые, как ни парадоксально, могут активизировать устаревшие или архаические (для русского советского узуса 20–30-х гг.) предлоги; в последнем случае использование таких предлогов с позиций современного речевого обихода метрополии может интерпретироваться как архаика эмигрантской прессы, но, по нашему мнению, нужно говорить о псевдоархаике, актуализированной архаике.

4. Трансформация предложно-падежных групп. Это один из заметных на страницах эмигрантских газет процессов. Могла происходить синонимизация близких по смыслу фраз, перенос предлогов от одного глагола к другому, в результате чего формировались новые, неустоявшиеся предложно-падежные конструкции.

5. Формы множественного числа существительных. Характерны две тенденции: а) калькирование форм множественного числа таких слов, которые в русском языке обычно употребляются в форме единственного (*реальность, трикотаж*); б) стилистическое использование ненормативных форм с экспрессивно-выразительной целью (*тундра, террор*). В отличие от русского советского языка, формы множественного немаркированного (*сахара́, масла́*) нетипичны для эмигрантской прессы.

6. Имена существительные единственного числа в собирательном значении, получившие заметное развитие сначала в подпольной и пропагандистской большевистской литературе, а

затем ставшие типичным лингвостилистическим элементом советской публицистики, для эмигрантского узуса нехарактерны. Их редкое использование на страницах эмигрантских газет – трансплантация советских стилистических средств, осознаваемых эмигрантами как инородное стилевое вкрапление, несущее отсылочно-характеризующую функцию.

Глава 3

Словообразовательные особенности языка эмигрантской прессы

Общие замечания

Словообразование сопровождает наше речеговорение ежедневно: мы или воспроизводим готовые слова, или создаем свои, когда нам кажется, что имеющихся в нашем языковом багаже слов недостаточно или они не такие выразительные. В периоды бурных социальных потрясений и конфликтов словообразование быстро реагирует на социальную ситуацию, поэтому неудивительно постоянное внимание ученых к словообразовательным новшествам, особенно после революции 1917 г. Исследование словообразовательных процессов, рассмотренных в связи с неязыковыми (социальными) событиями 1917 г., было свойственно уже работам А. Мазона, С. И. Карцевского, А. М. Селищева, Л. П. Якубинского, Г. О. Винокура, Е. Д. Поливанова. В послемарристский период (особенно после смерти Сталина) одной из центральных работ, обобщающих словообразовательные тенденции советской эпохи, стала монография [РЯСОС 1968], рассматривавшая словообразовательные (деривационные) процессы в совокупности собственно лингвистических и нелингвистических (социальных, экономических, политических) факторов. Функциональное направление в лингвистике, пришедшее в 80-е гг. XX в. на смену структурализму, в первую очередь стало развиваться в области изучения грамматики и лексики. В словообразовании (дериватологии) функциональный подход был реализован, в частности, в [РГ 1980]. По мнению Е. А. Земской, словообразование в зависимости от выполняемой функции может быть дифференцировано как: 1) номинативное; 2) конструктивное; 3) компрессивное; 4) экспрессивное; 5) стилистическое [Земская 1992]. По сути, уже в революционную эпоху А. М. Селищев рассматривал суффиксацию имен существительных в функциональном аспекте, выделяя эмоциональные, коммуникативные и номинативные суффиксы [Селищев 1928].

Исследователи языка русской эмиграции неоднократно подчеркивали актуальность изучения словообразовательных процессов в речевой практике русскоговорящих за границей: «вопрос о том, **как** [выделено автором цитаты. – А. З.] функционирует словообразовательный механизм русского языка в иноязычном окружении, представляет значительный интерес» [Земская 2004: 418]. Больше повезло эмигрантам третьей и четвертой волн, записи речи которых выявили активность/пассивность некоторых словообразовательных моделей в устном (некодифицированном) языке как взрослых, так и детей [ЯРЗ 2001; Осипова 1999, 2002]. Рассматривались словообразовательные процессы и в языке современной русскоязычной прессы ближнего и дальнего зарубежья [Комарова 2000; Протасова 2000, 2002; Авина 2000, 2003, 2004; Витцлак-Макаревич 2004]. Применительно к русскому языку зарубежья, по мнению Е. А. Земской, также нужно говорить о двух основных функциях словообразования, участвующих в производстве слов: *номинативной* и *экспрессивной* [Земская 2000]. Однако даже и здесь нет согласия в интерпретации словообразовательных процессов: то, что одни считают «разрушением» (дезинтеграцией, пиджинизацией) или по крайней мере ослаблением словообразовательных моделей (в частности, в речи последней волны эмиграции) [Осипова 1999, 2002; Polinsky 1996, 1998], другие оценивают противоположным образом – как подтверждение силы русского словообразования, подчиняющего себе иноязычные лексемы и включающего в русские словообразовательные сети [ЯРЗ 2001; Земская 2001, 2002b].

Следует все-таки согласиться с Е. А. Земской, считающей, что «исследователи языка русских эмигрантов, как правило, не обращают специального внимания на словообразование, рассматривая отдельные производные слова при изучении заимствованной лексики – так называемых слов-гибридов (заимствованная основа + русские аффиксы)» [ЯРЗ 2001: 128]. Исследование же словообразовательных механизмов публицистической сферы эмигрантского языка в 20–30-е гг. XX в. еще, по сути, не начато. Словообразование эмигрантской прессы той поры предстает перед нами как *terra incognita*, о которой мы имеем случайные, фрагментарные сведения. А. Мазон и А. М. Селищев снабдили нас материалами, показывающими активизацию той или иной словообразовательной модели³² в первые советские годы. На основании этих данных исследователи могут судить о динамике словообразования в первые революционные и после-революционные годы. Но какие словообразовательные процессы происходили в эмигрантской публицистике после того, как сотни тысяч беженцев покинули Россию и начали новую жизнь вдали от Родины? Значит ли это, что словообразовательные процессы в эмигрантской публицистике остановились, «замерли», законсервировались? Признать «консервацию» словообразовательных процессов – значит отказаться от функциональной точки зрения на словообразование как на живой процесс, служащий для реализации языковых интенций, и признать словообразования неким застывшим монолитом, а не динамической системой. Если рассматривать словообразование не просто пассивной системой, то сразу рождается ряд исследовательских гипотез: какие словообразовательные типы и модели представлены в языке эмигрантских газет? как они коррелируют с аналогичными в советской публицистике? какие модели активизируются, а какие – напротив – не получают развития? можно ли говорить о связи словообразовательных механизмов с экстралингвистическими факторами?

Одной из отправных точек исследования словообразования в данной главе является следующий тезис: активность тех или иных способов, моделей, конкретных словообразующих формантов обусловлена потребностями называния тех или иных актуальных для общества (или более узких социальных структур: партии, движения, группы) реалий и явлений.³³ Окружающий эмигрантов вещный и невещный мир был разнообразен: он требовал как лексической, так и словообразовательной номинации. Поэтому в дальнейшем рассуждении словообразовательный анализ будет тесно сопряжен с семантическим (тематическим) разбиением производных с целью продемонстрировать актуальность/неактуальность тех или иных реалий, отраженную в эмигрантской прессе. «Выделение тематических групп основано на внеязыковых критериях. Однако вряд ли было бы целесообразно заранее отказаться на этом основании от лингвистического анализа соответствующих объединений слов, от попытки найти в них общие семантические элементы» [Шмелев 1973: 13]. Хотя Д. Н. Шмелев имел в виду в первую очередь семантические классификации, тем не менее, словообразование не может остаться безразличной и безучастной сферой к семантическим изменениям. Поэтому в данной главе словообразовательные механизмы нами рассмотрены в тесной связи с социальными, семантическими (и прагматическими) факторами. Итак, насколько и как словообразование «отражает» мир и жизнь эмигранта?

³² С. И. Карцевский составляет известное исключение, так как появление новых производных по уже существующим моделям (то есть количественный рост) он не считал принципиальным моментом для признания «качественного скачка» в русском языке.

³³ «Процессы реальной действительности, требуя новых наименований, активизируют определенные звенья словообразовательной системы языка» [РЯК 1996: 138].

1. Суффиксация

Уже неоднократно отмечалось, что в механизмах суффиксации доминируют по своей активности словообразовательные типы и модели имен существительных [Винокур 1929; Мучник 1971; Земская 1992; Панов 1999]. Этот вывод подтверждает и исследуемый нами материал эмигрантской прессы, поэтому основное внимание будет уделено именно образованию имен существительных. Рассматриваются также некоторые словообразовательные типы и модели в образовании имен прилагательных, глаголов, наречий, но в гораздо меньшем объеме, чем суффиксальное образование существительных. Изложение суффиксальных особенностей разных частей речи не преследует цели полного и исчерпывающего описания всех производных в эмигрантской прессе, но осуществляется как контрастивное сопоставление слов, встретившихся нам в эмигрантской публицистике, на фоне предшествующего языкового состояния (XIX – начало XX в.), а также изменений, произошедших в революционную эпоху и отраженных по свежим следам в исследованиях того времени. Такой сопоставительный анализ позволяет, на наш взгляд, получить достаточно объемное представление о словообразовательных механизмах, типах и моделях в области суффиксации, представленных в одной из разновидностей эмигрантского узуса – газетно-журнальной сфере.

1.1. Номинативные функции суффиксации

1.1.1. Суффиксация абстрактных существительных

Суффикс *-изм.* Среди имен существительных мужского рода с отвлеченным значением В. В. Виноградов называл суффикс *-изм* самым продуктивным [Виноградов 1986: 100]. Действительно, придя в русский язык в XVIII в. и заметно активизировавшись в XIX в. [Сорокин 1965], данный суффикс служит для обозначения «отвлеченных понятий, названий учений, общественных, политических, научных взглядов и направлений, названий действий, состояний, качеств, склонности к чему-нибудь» (такую широкую семантическую характеристику субстантивов на *-изм* в русском языке давал В. В. Виноградов). К концу XIX в. суффикс *-изм* настолько освоился в русской словообразовательной системе, что создавал производные с русскими основами, не только нейтральными в стилистическом отношении, но и разговорными.³⁴ Наиболее жизненными словами на *-изм* оказываются обозначения философских, религиозных течений, направлений мысли или эпох правления того или иного политического деятеля; напротив – обозначения каких-либо политических, идеологических быстро возникающих и также быстро исчезающих явлений (особенно от имен политических лидеров) представляют собой чаще всего сиюминутные речевые образования.³⁵

Эмигрантская публицистика дает довольно разветвленную сеть существительных на *-изм.*

1. Названия политических, идеологических, экономических, философских, общественных систем, направлений, течений, учений, мотивированных:

а) неодушевленными нарицательными существительными (апеллятивами).

Конец XIX – начало XX вв. принесли в русский язык много общественно-политической терминологии из западноевропейских языков, маркером принадлежности лексемы к специальной или публицистической сфере и служил суффикс *-изм.* В первые советские годы

³⁴ Ср. один из ранних примеров *глутицизм* еще у Белинского [Виноградов 1986: 100].

³⁵ Много таких окказиональных образований приведено в [Селищев 1928: 182]. См. также [Lehikoinen 1990: 122, сноска 8].

образование слов на – *изм* со значением какого-либо политического, идеологического направления, течения, судя по материалам Мазона, Карцевского, Селищева, не было активным, словообразовательного всплеска не наблюдалось; обычно используются уже знакомые *большевизм*, *меньшевизм* или относительно новые (*юк-скаутизм*³⁶, *боевизм* < *боевик*³⁷), или окказиональные (*классизм*, *декабризм*). На этом фоне лексическая активность существительных на – *изм* в эмигрантской прессе очень велика. Для эмигрантов потребность наименования различных оттенков, ответвлений какой-либо политической, идеологической доктрины была чрезвычайно важна, отсюда и множество производных на – *изм*.

Некоторые актуальные для того или иного политического движения понятия легко образовывали гнезда производных. Ср., например, активность данного суффикса в анархических изданиях, изобилующих именами существительными с префиксоидом *анархо*– и суффиксом – *изм*: *анархизм*, *анархо-большевизм* (орфографический вариант: *анархобольшевизм*), *анархо-кадетизм*, *анархо-индивидуализм*, *анархо-коммунизм*, *анархо-либерализм*, *анархо-меньшевизм*, *анархо-синдикализм*, *псевдо-большевизм*. Данный словообразовательный элемент использовался для именования политических отпочкований внутри анархического движения, чем и вызывается высокая словообразовательная активность суффикса – *изм*.

В результате этого уклона могли быть различные сочетания ренегатов анархизма с демократическими элементами, начиная от *анархо-большевизма* и кончая *анархо-либерализмом*. И если бы вместо диктатуры большевизма, представляющего левое крыло демократии, в России укрепился меньшевистский или даже кадетский режим, ренегатствующая часть анархистов, несомненно, докатилась бы до него и пошла бы ему в услужение, создав вместо *анархо-большевизма*, *анархо-меньшевизм* или *анархо-кадетизм* (Анархич. вестник. 1923. № 1).

Большевизм или *псевдо-большевизм* – вот что грозит несчастной Риге и всей Латвии (Призыв. 1919. 4 (21.12) дек. № 135).

Очень рано в эмигрантской прессе появились упоминания *фашизма*, что связано было, конечно, с чаяниями и надеждами одних эмигрантских групп (монархически настроенных) и опасениями других (анархисты, либералы, демократы, социалисты, троцкисты и др.). Отсюда и полярная оценочность понятия:

Испугались коммунисты, испугались большевики, но средний обыватель не испугался, а согласился с *фашизмом*. [...] Муссолини и фашизм взялись подтянуть их (Руль. 1926. 14 апр. № 1630).

Как бы ни относиться к *фашизму*, одной его заслуги никто отрицать не может: фашизм раздавил в Италии подготовляющуюся большевистскую революцию (Руль. 1926. 14 апр. № 1630).

О популярности этой семантической словообразовательной модели в эмигрантском языке могут свидетельствовать слова, возникшие как наименования новых, актуальных для эмигрантов понятий: *активизм*, *демо-капитализм* (*демократический капитализм*), *иудо-коммунизм*, *иудо-большевизм*, *солидаризм*, *социал-демократизм*, *ультрамонархизм*. Ср.:

...белая борьба... должна продолжаться – в формах эмигрантского активизма, который взят «в кавычки» и под подозрение известными политическими течениями, хотя, по существу, и они ему не чужды, ибо этот

³⁶ Юк-скаутизм – движение, поддержанное на первых порах большевиками и существовавшее до создания организации юных пионеров (1922 г.); производное от существительного *юк-скауты*: *юные коммунисты-скауты*, или в разговорном употреблении *юки*.

³⁷ Группа террористов-революционеров, созданная еще в начале XX в.

активизм составляет природу эмигранта, смысл и оправдание эмиграции [из речи генерала А. Деникина 22 февраля 1931 года] (Голос России. 1931. 2 авг. № 1).

...наша интеллигенция была действительно лишена эгоизма, которым до сих пор держится *демо-капитализм* (Сигнал. 1939. 15 мая. № 55).

Ваши [И. Солоневича] доклады в Германии реабилитируют Российскую Нацию от обвинений в пассивности, в покорности *цудо-большевизму* и могут привести к надлежащей постановке русского вопроса национал-социалистической Германией (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38).

Два пути лежат перед людьми: прогресс или регресс, гибель или спасение – *солидаризм* или обе его противоположности, имеющие тем не менее одинаковую основу: капитализм или коммунизм (Младоросская искра. 1933. 10 июля. № 31).

Таким образом, в эмигрантской прессе наименования политических, идеологических реалий представляют одну из самых больших в количественном отношении групп: этот словообразовательный механизм уже давно сложился в русском языке, и эмигранты его активно использовали.

б) именами собственными, в частности антропонимами.

Специфику суффикса –*изм* в революционную эпоху отмечал А. М. Селищев: «И в начале 1900-х гг. и после 1917 г. появилось очень много образований на –*изм*. Многие из таких образований вскоре вышли из употребления, так как быстро утрачивали свое значение явления, обозначавшиеся этими именами на –*изм*» [Селищев 1928: 182]. Особенно это касается отантропонимических производных, относящихся к политической сфере наименований: такие слова легко создаются по модели, однако в узусе остаются очень немногие, напр.: *ленинизм*, *марксизм*. Характерно, что слово *сталинизм* – это несомненный словообразовательный продукт эмиграции, независимый от советского речевого обихода. Это производное заимствовал у эмигрантов, очевидно, и Троцкий, который впервые использовал его в очерке «Иосиф Сталин» (1939 г.): «В религии *сталинизма* Сталин занимает место бога со всеми его атрибутами». Ср. цитаты из эмигрантских газет:

...в СССР [...] социализм – это кровавая практика «*сталинизма*» (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38).

Пусть подумает Н. С. Тимашев, что, если он прав, попрекая Дмитриевского его прежним «*сталинизмом*», то тогда правы были бы и те младороссы, попрекая академика Струве его бывшим «*ленинизмом*» (Младоросская искра. 1932. 20 авг. № 21).

Хозяйственная доктрина младороссов... обусловлена исторической данностью: поздним капитализмом и *сталинизмом* (Младоросская искра. 1933. 15 нояб. № 34).

В русском языке метрополии производное *сталинизм* появилось на страницах газет только в середине – конце 80-х гг. XX в. вместе с другими словами словообразовательного «пучка» в сфере политической терминологии: *брежневизм*, *антисталинизм*, *ленинизм*, *антиленинизм* и др. [НСЗ 1997: 777; ТССРЯ 2001: 754–755].

2. Названия качеств, присущих, свойственных какому-либо лицу, группе лиц.

В русском политическом языке в первые десятилетия возникли слова на –*изм*, соединяющиеся с русскими основами разговорного характера (*наплевизм*, *отзовизм*, *хвостизм*). Семантическая модель для наименования каких-либо качеств политической, общественной группы была хорошо освоена и разработана в дореволюционном языке. Несомненной словообразовательной инновацией эмигрантского узуса было активное использование производных

активизм, вождизм. Причем слово *активизм* имеет мотивировку не в советском денотате *активисты* – «активные сторонники коммунистической идеологии, социалистического строительства», а в эмигрантском: *активисты* > *активизм* – «разновидность политического экстремизма, родившаяся в эмиграции» (ср., напр., термин *активисты* в значении «деятели, активно борющиеся с большевиками/большевизмом» в работах П. Б. Струве). В этом – яркое отличие от советского речевого обихода, где такой соотносительности не было: широко использовалось слово *активист*, но отсутствовало абстрактное существительное. Таким образом, в советском языке существовала иная словообразовательная мотивированность: *активист* – член *актива*; в эмигрантском языке: *активист* – сторонник *активизма*.

[Борьба] должна продолжаться – в формах эмигрантского *активизма*... ибо этот активизм составляет природу эмигранта, смысл и оправдание эмиграции [из речи генерала Деникина 22 февраля 1931 г.] (Голос России. 1931. 2 авг. № 1).

...стоит напомнить в нынешнюю годовщину восстания, когда идут разговоры об *активизме*, путях борьбы и проч. (Голос России. 1931. 1 сент. № 2).

Слово *вождизм*³⁸ – производное от *вождь*; эта словообразовательная цепочка возникла в эмигрантских газетах (впервые, очевидно, в младоросских изданиях, позитивно оценивающих роль Гитлера и Муссолини в надежде на развязывание ими войны с СССР). Примечательно, что вождем монархические эмигрантские газеты Сталина никогда не называли: этим понятием эмигранты именовали позитивные (в их представлении) явления, в отличие от негативно маркированных отантропонимических обозначений типа *ленинизм, сталинизм, троцкизм*. И для этого есть свои причины: в первые революционные годы вождем/вождями именовали целую группу ведущих российских большевиков (Ленина, Троцкого, Томского и др.): *Вождь Красной армии т. Троцкий, Вождь красных профсоюзов т. Томский, вожди Коммунистического союза молодежи* – и деятелей Социалистического интернационала: *вожди Социнтерна, Коминтерна, Крестьянского интернационала* и под. К 30-м гг. происходит сужение сферы использования данного понятия и его закрепление только за фамилией Сталин [Грановская 2005: 232]. Поскольку в сознании эмигрантов большевики, как правило, относились к смысловому полю преступников, то именование деятелей большевизма вождями было невозможно. Напротив, именование этим словом европейских лидеров, противостоящих большевикам и борющихся с ними, в эмигрантском монархическом социолекте составляет устойчивый, постоянный лексический компонент.

В век *вождизма* успех того или иного партийного объединения или политического движения прежде всего зависит от вождя (Младоросская искра. 1933. 15 нояб. № 34).

Разговорно-просторечные слова на –*изм* единичны; ср., пожалуй, единственное окказиональное производное *валяй-анархизм* в анархической газете:

...разрушение... нанесет сокрушительный удар всякого рода ложным тенденциям в анархизме: слащавому пацифизму; интеллигентскому либерализму; мечтательно-гуманному или эксцентричному индивидуализму; «*валяй-анархизму*»... (Анархич. вестник. 1923. № 2).

Любопытна дистрибуция производных на –*изм* в разных эмигрантских изданиях. Они были особенно активны, например, в газете «Младоросская искра», идеологически ориентирующей своих читателей на возвращение монархического правления не только в России, но

---

³⁸ Первая лексикографическая фиксация данного слова в СО-72.

после нее, по возможности, и в мировом масштабе (идеи мессианства России). Ср. часто повторяющиеся на страницах данной газеты субстантивы на –изм: *активизм, большевизм, космополитизм, сталинизм, ленинизм, солидаризм, цезаризм, скаутизм, вождизм*.

Издания, ориентированные на монархические идеи, а также «народно-патриотические» газеты избегают употребления существительных на –изм, ограничиваясь, по существу, терминами *ленинизм, сталинизм, большевизм* (газеты «За свободу», «Русский стяг», «Русский голос») или оценочными субстантивами типа *вандализм, бандитизм* (газеты «Возрождение», «Голос Родины») для характеристики советского строя.

Суффикс -ство. Отвлеченные существительные на –ство со значением состояния – одна из быстро пополняемых лексических групп в революционную эпоху. Какие семантические типы отвлеченных существительных на –ство были активны в революционные и послереволюционные годы в советской и эмигрантской публицистике? Частотны были производные от наименований лиц, характеризующих теми или иными качествами, признаками, политическими пристрастиями, социальными характеристиками. Этот тип словообразовательной мотивации самый интересный и сложный в нашем материале. Семантические словообразовательные отношения между производящим и производными словами характеризуются семантическим усложнением, поэтому данную мотивацию следует рассматривать как мутационные отношения. Необходимо упомянуть также то, что многие из этих производных допускают множественность мотивации, в частности также от прилагательных на –ский (в свою очередь созданных от имен лиц), в которых грамматическое значение относительности (относительных прилагательных) чаще всего осложнено дополнительными лексическими коннотациями и напластованиями. Ср.: *богоборство* < *богоборец* (богоборцы) и *богоборческий*; *вредительство* < *вредитель* (вредители) и *вредительский*, *советофильство* < *советофил* (советофилы) и *советофильский*, *государственничество* < *государственник* (государственники) и *государственнический* и др. В эмигрантской публицистике слов на –ство данной семантической группы очень много. Сохраняются старые, дореволюционные производные, активизированные в эмигрантском узусе:

а) монархические обозначения: *водительство*³⁹, *шефство*, *помазанничество*;

б) религиозно-церковные обозначения: *безбожничество*, *богоборчество*, *мучительство*, *избранничество*, *паломничество*, *еретичество*, *сектантство*.

Однако отметим новые словообразовательные производные, тематически относящиеся к:

а) политико-идеологической сфере: *советофильство*, *властничество*, *государственничество*, *республиканство*, *русофильство*, *славянофильство*, *добровольчество*, *евразийство*, *непредрешенство* (= *непредрешенчество*), *изгнаничество*, *украинство*.

Иногда неумение ответить на все эти жгучие вопросы приводит юношу в тупик – тогда наступает разочарование и отход от России, а порой это заводит его в другую крайность, в «*советофильство*», с преклонением перед всеми, кажущимися такими родными, советскими «достижениями» (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192).

Они надеются снова вернуться на потерянные позиции с восстановлением былой России. Отсюда *русофильство* [sic] (Возрождение. 1919. 8 окт. № 82).

³⁹ Ср. на этом фоне слово *вождизм*; в монархических газетах произошло прагматическое размежевание однокоренных производных: *водительство* стало рассматриваться в православно-монархическом аспекте как духовное руководство, *вождизм* – только как политическое руководство.

Россия вообще переживает особую полосу, можно сказать, своеобразного «евразийства» (Дни. 1926. 16 нояб. № 1160).

Пусть хулят такое *непредрешиенство* те люди, которые мнят себя обладателями единоспасительных лозунгов [из речи генерала А. И. Деникина 22 февраля 1931 г.] (Голос России. 1931. 2 авг. № 1).

Потом, когда пошла полная анархия, появились разные авантюристы, которые использовали и «*украинство*»: тут был и мелкий интеллигент Петлюра. Появился Махно, Балбочан и прочие, которые просто были бандитами и которые своим «*украинством*» едва ли принесли много чести этому движению (Рус. голос. 1939. 1–14 янв. № 406).

б) Профессиональной сфере (*nomina professionalia*); такие слова в эмигрантских газетах, в отличие от предыдущего типа, единичны: *фритредерство*⁴⁰, *режиссерство* (ср. *режиссура*):

...широкое индустриальное развитие предполагает наличие рынков сбыта, а как известно, тенденция современного развития народов и стран не только Запада, но и Востока далека от *фритредерства* (Руль. 1930. 25 марта. № 2836).

[Союз русских артистов] использовал кратковременное пребывание в Белграде А. Ф. Черепова, поставив Беляевскую «Псишу» под опытным *режиссерством* самого гастролера (Рус. голос. 1939. 5 марта. № 413).

Итак, эмигрантская публицистика тяготела к традиционным моделям словообразующих основ: «книжная или нейтральная мотивирующая основа + суффикс – *ство*», разговорные мотивирующие основы редки. Преобладают производные, мотивированные политическими реалиями; наименования со значением профессии единичны. В русском советском языке смелее допускались разговорные мотивирующие основы, сочетающиеся с суффиксом – *ство*.

Суффикс -изация. Заимствованный суффикс – *ция* (с расширением – *ация*, – *изация*) являлся чрезвычайно активным в русском языке в XIX в. [Сорокин 1965: 265], будучи соотносительным с глагольным суффиксом – *ировать/-изировать*. Если для эпохи 30–90-х гг. XIX в. Ю. С. Сорокин делает следующее заключение: «собственно русских образований почти нет, если не считать образований от этнических наименований типа *русификация*, *славянизация*, *татаризация*» [Сорокин 1965: 265], то уже для советского времени В. В. Виноградов справедливо отмечает: «для современного языка характерно распространение сферы применения суффикса – *изаци(я)* и на русские основы» [Виноградов 1986: 116]. Новшества в словообразовании существительных на – *ция* в русском послереволюционном языке заключались в следующем.

Во-первых, в возможности образования производных от конкретных существительных: *большевизация*, *совхозизация*, *предметизация*, *товаризация*, *фордизация*, *троцкизация*, *белоруссизация*, *машинизация* и др. [Селищев 1928: 184; РЯСОС 1968: 103; Lehtikoinen 1990: 130]. Это новшество русского языка советского времени подметил уже С. И. Карцевский: «интересное русское образование *картофелизация*, т. е. перевод известных земель на культуру картофеля» [Карцевский 2000: 259]. Данная группа слов сосредоточена преимущественно в смысловой зоне, обозначающей технические понятия, профессиональные реалии, некоторые общественно-политические денотаты.

⁴⁰ От англ. free trade, «свободная торговля» – направление в экономической теории и практике, состоящее в требовании свободной торговли и невмешательства государства в частнопредпринимательскую деятельность. В планах Колчака, Деникина и Врангеля по будущему обустройству России фритредерству отводилась важная роль, поскольку, по их мнению, следование принципам фритредерства обеспечило бы стабильное поступление налогов и сборов в общегосударственный и местный бюджеты. Это объясняет активность и актуальность слова в эмигрантской прессе.

Во-вторых, в значительном росте слов на – *фикация*. После революции суффикс – *фикация* служил для производства слов, имеющих словообразовательное значение «широкое внедрение того, оборудование тем, что обозначено именной частью производящей основы» [РЯСОС 1968: 102] и относящихся к сфере средств массового обслуживания: *кинофикация, радиофикация, телефикация, звукофикация, теплофикация, часофикация* и др. [там же: 104].

В-третьих, в появлении отаждективных производных на – *ция*: *музыкализация, театрализация, эмоционализация, озимизация* (< озимые, озимый) [РЯСОС 1968: 104]. Основная сфера использования таких лексем – публицистические тексты, общественные, гуманитарные науки, реже – естественные.

Каковы же особенности слов на – *ция* в эмигрантской прессе, какие типы производных в ней встречаются и есть ли отличия от русского языка в СССР? Прежде всего обращает на себя внимание широкое использование собственных имен для производства слов на – *ция*. Обычно в качестве производящих основ служат:

1. топонимы: *украинизация, разукраинизация, австризация, германизация, китаизация*. Словообразовательная активность этой модели в эмигрантской прессе определялась социально-политическими условиями той эпохи: становлением и/или утратой государственности, национальной идентичности, суверенитета тем или иным народом, страной, территориальным образованием – и, как следствие, повышенным вниманием эмигрантов к данной теме.

Харьковский «Коммунист» (№ 236) печатает беседу с членом центральной комиссии по *украинизации*, бывшим петлюровцем Миколоком, производившим обследование *украинизации* (Дни. 1926. 19 нояб. № 1163).

Несмотря на последовательную и всестороннюю *китаизацию* всех городских учреждений и даже часть русских обществ, Харбин остается русским городом: русские магазины, русские учебные заведения, русские театры и, наконец, русский язык, полновластно царящий повсюду, вплоть до иностранной колонии и даже многих правительственных китайских учреждений, свидетельствуют об исключительной культурной роли русских в Северной Маньчжурии (Сегодня. 1930. 7 янв. № 7).

Почему массы медлят с революцией? [...] Почему же – именно «*австризация*», а не победоносная «*руссификация*», не решительная революция `a la russe? Именно потому, что дело обстоит далеко не так просто, как это кажется господам «коммунистам», видящим выбор лишь между «*австризацией*» и «*руссификацией*» (Анархич. вестник. 1923. № 2).

Отсюда резкое расхождение национал-революционеров с политикой Розенберга (руководящего внешней политикой Хитлера), направленной к расчленению России и *германизации* балтийских государств (Младоросская искра. 1932. 12 июля. № 20).

Словопроизводство от топонимов часто основано на коннотативном фоне имени собственного или прилагательного, возникающего в данную эпоху и исчезающего с течением времени. Иногда коннотативный элемент закрепляется в семантической структуре слова и выступает как его конститутивный компонент (ср. *руссификация, американизация, германизация* и под.), особенно это касается частотных понятий, оседающих в узусе. Другая группа производных – это слова, образованные по готовой словообразовательной модели, но семантически мотивированные коннотативными семами, актуальными в текущий исторический момент; так, слово *австризация* уже мало что говорит нашим современникам, однако в ту эпоху в кругу некоторых радикальных политических движений или групп оно значило «апатия, пассивность

(рабочего класса в Австрии)» и было мотивировано тогдашней политической ситуацией в этой стране.

Эти производные входят в одно семантическое поле с производными, образованными от нарицательных существительных: *руссификация* = *русификация*, *галлизация*:

...нейтральное студенчество лишено возможности принять участие в празднестве, посвященном *галлизации* немецкого университета [в Страсбурге] (Призыв. 1919. 7 (23.9) окт. № 77).

...всевозможные воспитательные организации... играют большую роль в «*руссификации*» нашей молодежи. Все эти организации ставят себе задачу воспитать молодежь физически, духовно и национально (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192).

2. антропонимы: *сталинизация*, *френкелизация*. Отантропонимические существительные на – *ция* – элемент публицистического языка, представляющий именование какого-либо явления, факта, мотивирующей основой которых выступает имя собственное. Любопытно, что в русском языке метрополии слово *сталинизация* начинает употребляться только с конца 80-х гг. XX в., в то время как эмигранты использовали его уже в 30-е гг. в связи с прецедентностью имени (фамилии) *Сталин*. Это производное находится в одной смысловой «связке» с другими однокоренными: *сталиномания*, *сталинский*, *антисталинский*, *сталинец*.

«Против *сталинизации*» [название заметки] (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107).

Тяжел был соловецкий измор в дальнейшие пять лет «*френкелизации*», когда каторга, по проекту, поданному заключенным (!) Френкелем, была обращена в доходную статью советского бюджета (Возрождение. 1937. 10 апр. № 4073).

3. Если в русском языке в 1920–1930-е гг. появились производные на – *ция*, мотивированные конкретными существительными, то в эмигрантской прессе нам встретился один окказионализм: *сифилизация* (< *сифилис*). Это слово, встретившееся на страницах анархического издания, входит в группу метафорических обозначений с общим, гиперонимическим, значением «болезнь современного общества»; такой тип наименований был вообще характерен для «левых» изданий как один из стилеобразующих элементов. Ср.:

[Обманщики и контрабандисты: националисты, государственники, капиталисты и узурпаторы – бонапартисты социализма – нынешние коммунисты] создали, наконец, этот гнойник всеобщего разложения, эту подлинную «*сифилизацию*» несчастной Европы – фашизм в его различных проявлениях и воплощениях (Анархич. вестник. 1923. № 2).

Производных на – *фикация*, которые активно развивались в советском языке для обозначения технических понятий, в эмигрантской прессе нами не зафиксировано.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**:

1. Слова на – *ция* в эмигрантской прессе сосредоточены главным образом на обозначении социально-политических, общественных реалий.

2. Особенностью эмигрантских публицистических текстов является частотность слов, образованных от этнонимов, что обуславливалось актуальностью для эмигрантов тех или иных социальных явлений.

3. Производные от личных имен (*сталинизация*, *френкелизация*) образованы от антропонимов советских работников и (вследствие этого) имеют негативные коннотации.

4. Производные от конкретных существительных единичны, представляя публицистические окказионализмы (*сифилизация*).

5. Производные на – *фикация* не получили развития в эмигрантском языке.

Суффикс -чина/-щина. Суффикс – *чина/-щина* для образования отвлеченных существительных имеет значение «характеристические общественно-политические явления, идейные течения с отрицательной окраской» [Виноградов 1986: 122]. Пика своего развития (словообразовательной активности и экспрессивной силы) данный суффикс достигает «в начале XX в. и в нашу революционную эпоху» [Виноградов 1986: 122]; это мнение близко к позиции А. М. Селищева, относившего активизацию слова на – *щина* к последнему десятилетию XIX в. преимущественно в среде революционно-настроенных групп [Селищев 1928: 178]. Ю. С. Сорокин отодвигает границу активизации суффикса и считает, что об этом словообразовательном процессе можно говорить даже начиная с 60-х гг. (при нарастании к 90-м) XIX в., поэтому словообразовательная и стилистическая популярность слов на – *щина* в первые десятилетия советской власти – это языковое наследие демократической публицистики той поры. А. М. Селищев полагал, что распространение слов на – *щина* в языке русских революционеров произошло под влиянием термина *обломовщина*: «это образование было экспрессивным и влиятельным. По его образцу возникают и другие имена на – *щина*. Любили пользоваться такими образованиями и революционные деятели», причем именно «в 900-е годы в революционной среде возникало много имен на – *щина* в связи с современными явлениями, к которым революционеры относились отрицательно, враждебно» [Селищев 1928: 177]. Яркий характеризующий «шлейф» суффикса – *щина*, окрашивающего термины и понятия в отрицательные экспрессивные тона, подчеркивает и Л. А. Булаховский.⁴¹

В эмигрантской прессе слов с суффиксами – *щина/-чина* немного; преобладает суффикс – *щина*, вариант – *чина* представлен только в слове *советщина* (< советская власть, советская идеология). Ср.:

Сейчас Сталин спохватился, поняв, что самое наличие верующих в СССР, на 21-м году революции, есть отрицание смысла *советщины*... (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107).

В русском языке метрополии производные на – *щина* с пейоративной окраской были в широком ходу после революции, возникали производные от нарицательных существительных, называющих какие-либо факты и явления социальной жизни: *собесовщина* – «неуместное пользование социальным обеспечением» (< собес), *чайковщина* (< подачка на чай) [Селищев 1928: 178]. В эмигрантской публицистике таких окказиональных производных от социальных реалий нам не удалось зафиксировать.

Довольно активно эмигрантами используются слова, мотивированные именами собственными: *врангелевщина* (< Врангель), *деникинщина* (< Деникин), *керенищина* (< Керенский), *колчаковщина* (< Колчак), *столыпинщина* (< Столыпин), *пильняковщина* (< Б. Пильняк).

У нас уже сообщалось о реприманде, полученном Горьким. Он буквально не щадит себя, лишь бы угодить начальству, а сибирские литераторы, – как сообщает теперь «Комсомольская правда», – ему не верят и считают его выступления «выступлениями изворотливого, маскирующегося врага, защищающего всю советскую *пильняковщину* и т. д.» (Руль. 1930. 1 янв. № 2766).

Любопытно, что эмигрантские газеты не содержат индивидуально-окказиональных производных на – *щина*, в отличие от советских газет, наполненных такими модельными формами,

⁴¹ «Классовая борьба нашей эпохи дала широкое применение этим суффиксальным образованиям, направив их против враждебных классов, и уже к эпохе великой социалистической революции относятся, напр.: *керенищина*, *деникинщина*, *махновщина*» [Булаховский 1952: 140].

которые часто и легко возникали по случаю как в центральных, так и в региональных газетах. Большое количество таких неузуальных образований как от фамилий советских работников, так и деятелей искусства приводит А. М. Селищев: *барматовщина* (< Бармат), *аксельродовщина* (< Аксельрод), *богдановщина* (< Богданов), *кореньковщина* (< Кореньков), *свистуновщина* (< Свистунов), *пильняковщина* (< Пильняк), *ахматовщина* (< Ахматова), *серапионовщина* (< «Серапионовы братья»), *маяковщина* (< Маяковский), *воронщина* (< Воронский), *осинщина* (< Осинский) и др. [Селищев 1928: 178]. В эмигрантской прессе нам встретилось только одно производное, мотивированное именем (фамилией) советского передовика, – *стахановщина* (с негативной окраской).

«*Стахановщина*»... – не только очковтирательство и «подбадривание» эксплуатируемых (Единый фронт новой России. 1936. 19 янв. № 19).

Кроме того, Селищев отмечает появление новой семантической группы производных на – *щина*, образованных от топонимов, где происходило (произошло) какое-либо значительное событие или случилось какое-либо происшествие: *дымовщина* (< с. Дымовка⁴²).

Таким образом, в эмигрантской публицистике словообразовательная модель на – *щина/-щина* не является столь активной, как в русском советском языке. Можно полагать, что в советском языке такое широкое распространение этой словообразовательной модели было напрямую связано с легализацией партийно-большевистских печатных изданий, формирующих новые языковые особенности советского публицистического стиля. В отличие от советского публичного языка, эмигрантский узус не обнаруживает особой активности в создании производных на – *щина* для именования и характеристики советских реалий.

1.1.2. Суффиксация собирательных существительных

Суффикс *-ство*. В революционные годы активизировался суффикс – *ств(о)* для обозначения лиц по политическому, социальному, имущественному, национальному, религиозному признаку. А. М. Селищев фиксирует в своей книге следующие слова: *батрачество, кулачество, нэпманство, пастушество, середнячество, эсерство, трудовичество* (= трудовики) [Селищев 1928: 181–182], отмечая, что суффикс – *ство* являлся «довольно продуктивным в языке революционеров» и до 1917 г. [Селищев 1928: 181].

Эмигрантская пресса использует слова с собирательным суффиксом – *ство* также активно, однако доминируют старые или относительно старые производные: *воинство, дворянство, духовенство, еврейство, казачество, крестьянство, купечество, меньшеинство, офицерство, славянство, студенчество, чиновничество*. Новые производные являются либо заимствованными из советского обихода (*кулачество*), либо возникшими в эмигрантской речи (*беженство, братство*).

Обычно недавние строители коммунизма называются... тайные и явные агенты *кулачества*, предатели, по-кошачьи замазывающие следы на загаженном месте, враги революции и т. д. и т. д. (Голос России. 1933. янв. – февр. – март. № 17–18–19).

...мы, *братство* «Русской Правды»... все силы свои устремляем на то, чтобы поддержать и раздуть в народе святой Русский огонь, без которого не может воскреснуть наша Родина (Рус. правда. 1925. июль – авг.).

⁴² Это название в Советской России было у всех на устах в 1920-е гг.: в селе Дымовка, неподалеку от г. Николаева, 28 марта 1924 г. был убит селькор Г. Малиновский, решивший через печать повести борьбу с дымковской местной властью. И. Сталин выступил на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) с докладом «О “Дымовке” в связи с обсуждением вопроса о событиях в селе Дымовка и следующих из этого выводах».

К тебе, многострадальное русское *беженство*, исповедающее наши священные лозунги – «Вера Православная, Царь Самодержавный и Россия Русская», обращаемся мы... (Рус. стяг. 1925. 4/7 июня. № 1).

Таким образом, собирательный суффикс – *ство* в эмигрантских газетах не проявляет такой номинативной активности, как в советском языке, используются преимущественно уже старые производные. Отличительной особенностью, однако, является заметная активность некоторых семантических типов производных: военных (*казачество, офицерство*), этнических (*славянство, еврейство*), которые в русском советском языке находились на лексической периферии и практически ушли из языка газеты. Очень активно также слово *беженство*, являющееся одним из ключевых понятий эмигрантской жизни. Для сравнения: в русском языке СССР преобладали социально-политические новообразования с собирательным суффиксом – *ство*.

Суффикс -ия. Собирательные существительные на – *ия* (-ија) активизировались в революционную эпоху, служа «для обозначения коллектива, группы лиц, объединенных принадлежностью к одной организации» [Виноградов 1986: 115]. Активность данного суффикса в первые послереволюционные годы несомненна: *комсомолия, пионерия, рабкория, рабселькория, селькория, свердловия* (студенты университета им. Свердлова), *юнкория, военкория* [Селищев 1928: 185; Миськевич 1967]. Иноязычный формант, ранее существовавший только в составе иностранных слов,⁴³ вычленился как самостоятельный суффикс русской словообразовательной системы именно в революционную эпоху. Появление и расцвет существительных на – *ия* приходится на середину – конец 1920-х гг., причем уже в момент рождения они имели литературно-книжную окраску [Миськевич 1967; Comrie et al. 1996: 139; Lehtikoinen 1990: 129]. В дальнейшем их продуктивность снижается.

Эмигрантская пресса использует старые собирательные существительные на – *ия*: *аристократия, буржуазия, бюрократия, гвардия, плутократия, социал-демократия*. Слово *мафия* оказалось заимствованным эмигрантами, очевидно, во второй раз:

...состоялась лекция г. Гайшмана о деятельности «*маффии*» [sic], которая организовалась в самом начале войны (Огни. 1924. 11 февр. № 6).

Однако ни одного нового советского производного на – *ия* в эмигрантской прессе нам не встретилось. Итак, можно заключить, что суффикс – *ия* в собирательном значении получил активизацию только в русском советском языке, не затронув эмигрантского словоупотребления. Объяснение этого феномена может быть следующее: активность модели на – *ия* в советском языке проявилась в 20-е гг., когда русские беженцы в большинстве своем уже выехали за рубеж, в предреволюционные же годы словообразовательной активности данного суффикса еще не было.

1.2. Лексикализация суффикса

Интересным фактом языковой практики эмигрантов является вычленение форманта – *онер* как отдельного, автономного слова. Эта лексикализация мотивирована факторами двоякого рода:

а) нелингвистическими: социальными сдвигами и потрясениями в русской (российской, советской) политической истории XX в.;

⁴³ В начале XX в. в русском языке появилось еще одно заимствование на – *ия*: *мафия* (мафия) как итальянская реалия [Лексика 1981: 221].

б) лингвистическими: увеличением числа слов на –(он)ер при обозначении прежде всего наименований лиц в переломные времена.

В эмигрантской монархической газете «Сигнал» нам встретился интересный случай лексикализации суффикса – *онер*:

Русская пословица гласит: «Гром не грянет – мужик не перекрестится». По-видимому, демократиям необходимо, чтобы грянула социальная революция со всеми «*онерами*», и только тогда они одумаются и начнут чесать демократические затылки (Сигнал. 1939. 15 мая. № 55).

Механизм лексикализации частотных, повторяемых суффиксов был освоен русским языковым сознанием еще в начале XIX в.: «морфема становится легко вычленимой, прямым носителем не только абстрактного, аналитически познаваемого, грамматического значения, но и более конкретного, “лексического”» [Сорокин 1965: 256]. Так, возможность присоединения суффиксов – *изм*, – *ист* к русским основам высвободила их из структурных «объятий» иноязычного слова и превратила в окказиональные слова русского языка: «Этих *измов* всех откуда ты набрался» (Шаховский. Пустодомы); «А газетёры, журналисты, фельетонисты, романисты, нувеллисты, водевилисты и другие «*исты*»?» (Белинский) [Сорокин 1965: 257 (здесь же другие примеры)]. Эта лексикализованная форма вошла в журналистско-профессиональный жаргон на правах самостоятельной лексемы; она использовалась и в XX в. (в частности, В. И. Лениным, М. А. Рыбниковой) [Lehikoinen 1990: 184, 224]. Нам не встретилось в эмигрантской прессе упоминаний лексикализованной морфемы – *измы*, – *исты*, однако наличие лексикализованного суффикса – *онер* у эмигрантов показывает, что они тонко чувствовали смысловые и прагматические нюансы производных. Лексикализованная форма *онер* – один из примеров окказионального словообразования и фактов языковой игры у эмигрантов, точно подметивших закономерность соответствия между двумя реальностями: внеязыковой и языковой. Очевидно, частотность и повторяемость слов на – *онер* в революционную эпоху способствовали процессу кристаллизации в данном форманте отвлеченного, обобщенного значения «лицо (по политической, идеологической, общественной позиции)», причем важным мотивирующим семантическим фактором является наличие в коннотативной структуре окказионализма *онер* смыслового фона – «чрезмерная страстность, фанатичность».

1.3. Конструктивное словообразование

Суффикс -ость. Существительные на – *ость* относят к конструктивному словообразованию на том основании, что в отношениях между производящим и производным словами лексическое значение сохраняется, но происходят: а) морфологическое преобразование слова в существительное женского рода и б) изменение синтаксической функции производного. Именно поэтому другой термин для наименования данного словообразовательного процесса – синтаксическая деривация. Активность в образовании слов на – *ость* была характерна в предшествующий период. В частности, в середине XIX в.: «среди имен существительных по особенно большому числу новообразований... прежде всего выделяется разряд существительных женского рода с суфф. -*ость*», причем «по темпам роста в течение всего XIX в. разряд существительных на – *ость* занимает безусловно первое место» [Сорокин 1965: 188]. Это связано не в последнюю очередь с довольно поздней активизацией суффикса – *ость*, примерно с конца XVII в.; в этом усматривают и юго-западное воздействие [Лексические новообразования 1975: 11].

Со второй половины XIX в. значительно возросло количество иноязычных основ, свободно вступающих в словообразовательные связи с русским суффиксом – *ость*. С ним стали легко сочетаться и иноязычные основы, составив конкуренцию иноязычному суффиксу – *изм*: *абсолютность*, *абстрактность*, *индивидуальность*, *адекватность*, *идеальность*, *каприз-*

ность, индустриальность, карикатурность, утилитарность и др. [Сорокин 1965: 194]. Конкуренция суффиксов – *изм* и – *ость* стала преодолеваться их семантическим размежеванием: суффикс – *изм* приобретал специализацию для производства обозначений научных систем, методов, суффикс – *ость* – служил для выражения категории отвлеченности, качественности.

Самыми яркими примерами словопроизводства на – *ость* в эмигрантском узусе являются имена существительные, образованные от относительных прилагательных с суффиксом – *ск-*: *имперскость, российскость, русскость, младоросскость, антисоветскость*.

Борьба за русский язык, за «*русскость*» – самое характерное явление в общественно-политической жизни того края, который один в целом мире сохранил название Руси, с присоединением географического прилагательного «Подкарпатская» (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107).

...сочетание *младоросскости*, монархичности и иерархической дисциплинированности характеризуют [sic] младоросса (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26).

Государственная власть грядущей России должна стать выражением имперских идеалов, когда все народы, ее составляющие, должны рассматриваться [sic] как дети общей матери-России, одинаково покрывающей их общей для всех крышей отчего дома – Государства Российского. Поэтому имперскость понятия общегосударственной *российскости* для нас выше, значительнее и важнее племенного понятия простой *русскости* (Сигнал. 1939. 1 апр. № 52).

Напряжение «*антисоветскости*» [в Советской России] в разных пропорциях. [...] Определять, какие именно группы более антисоветски настроены – нелегко. Но можно принять за аксиому – чем ближе к земле и к провинции, – тем сильнее антисоветские настроения (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38).

Важная и примечательная деталь: слова на – *скость* появляются у эмигрантов не ранее середины 1930-х гг., в среде людей среднего или даже молодого возраста, пересматривающих доктрины своих «отцов» и смотрящих на Россию новыми глазами. Все это наталкивает на мысль, что распыленное облако коннотативных признаков, обволакивающих ключевые общественно-политические понятия (*монархия, русский, Россия, Советы, младоросская идеология* и др.), в эмигрантском интеллектуально-культурном обиходе в 30-е гг. стало «сгущаться» и в конечном итоге трансформировалось в семантически оформленные номинализации-существительные (сложившиеся на базе отстоявшихся коннотаций). Социально-идеологическая практика, потребности именования абстрактных понятий послужили отправной точкой привлечения уже существующей языковой модели на – *ость* и ее активизации в эмигрантском интеллектуально-книжном языке.

В чем же особенность таких образований? В книге [Лексические новообразования 1975] отмечается только три слова, оканчивающихся на – *скость* (то есть образованных от относительных прилагательных): *людскость, зверскость, нетряскость*. Первое из них – явное заимствование из польского *ludzkość*⁴⁴ – «человечество; человечность, гуманность», второе же и третье, очевидно, собственно русские. *Нетряскость*, по-видимому, являлась авторским окказионализмом (встречается только в путевых заметках Зуева), созданным в русле и в потоке сотен модельных слов на – *ость* в языке XVIII в. *Людскость* использовалась даже в языке XIX в. (правда, можно говорить об особом стилистическом использовании слова – передать колорит эпохи). Ср.:

⁴⁴ Встречается в западнорусской письменности уже в XVII в., например у Ивана Ужевича в стихотворении «Зблизка и здалека»: Кто зась Голуба до'бре уважа'еть, Людскость и щирость ла'тво имь призна'еть [Яскевич 1996: 264].

Петр стремился исправить и частное общежитие, ввести *людскость*, смягчить грубые древние нравы, а это смягчение повело к распушенности и положило начало крайней порче нравов (Ключевский. Курс русской истории).

В словах *людскость* и *зверскость* словообразовательная семантика иная, чем в производном *нетряскость*. В слове *нетряскость* присоединение суффикса – *ость* ничего не прибавляет к значению мотивирующего слова *нетряский*, иными словами, это значение транспозиционного типа. Слова *людскость*, *зверскость* образуются не от прямых, а от метафорических (окачествленных) значений относительных прилагательных *людский*, *зверский*, словообразовательные отношения уже не укладываются в рамки транспозиционного словообразования, а относятся, следовательно, к мутационному типу. Это хорошо иллюстрируют материалы словаря Даля.⁴⁵

Людскость в XIX в. вышла из употребления; в сл. Даля лексема *людский* дана в дефинитивной (объяснительной) части заимствованного слова *гуманный* – «человеческий, человеческий, людский» [Даль 1956 Т. 1: 408].

Во второй половине XIX в. вошло в узуальное употребление слово *светскость*,⁴⁶ и в последней трети или конце XIX в. появилось существительное *детскость*. Ср.: «знание светскости» (Достоевский. Белые ночи), «(он) употреблял оригинальность как средство, заменяющее в иных случаях *светскость* или богатство» (Л. Толстой. Детство); «блистал он светскостью манер» (Некрасов); «все прикрито было в нем *светскостью* и искусством владеть собой» (Гончаров. Обыкновенная история); «провинциальная игра в *светскость*» (Куприн. Поединок). Группа слов на – *скость* в русском языке метрополии была очень немногочисленна; так, в «Обратном словаре русского языка» (под ред. А. А. Зализняка) фиксируется только три слова на – *скость*: *людскость*, *светскость*, *старосветскость* [Зализняк 1974]. В начале 80-х гг. XX в. в русском языке отмечается новое производное – *свойскость*. Е. А. Земская, характеризуя словообразовательные процессы 80-х гг., справедливо отмечает, что такие образования необычны в русском языке, так как мотивирующие прилагательные на – *ск(ий)* «всегда противостояли сочетаемости с суф. – *ость*» [Земская 1992: 63]. Судьба группы таких слов в первой половине 80-х гг. XX в. была неясна самим лингвистам: никто не мог предсказать, что буквально через несколько лет эта модель будет столь востребована обществом и языковой практикой для именования новых явлений. С конца 80-х гг. XX в. в связи с бурными изменениями, происходящими в русском языке, начинается «вулканический» (в буквальном смысле) вброс производных на – *скость* в русский язык, входящих в группу общественно-политических реалий (по преимуществу). Существительные с суффиксом – *ость* от относительных прилагательных с суффиксом – *ск* – широко образуются от прилагательных с суффиксом – *ск*-, связанных с обозначением:

1) национально-этнических и психическо-ментальных черт (*русскость*, *украинскость*, *белорусскость*, *французскость*, *немецкость*, *английскость*, *польскость*, *американскость*; ряд модельных образований открыт⁴⁷);

2) характеристик социальных институтов (*советскость*, *совковость*, *имперскость* и др.);

⁴⁵ «Людскость, *людскость* ж. свойство, состояние людского; доброе, кроткое, радушное расположение; человечность, гуманность; приличие, пристойность во внешности, по навыку в хорошем обществе» [Даль 1956 Т. 2: 284]; «Зверовидность, звероличность, зверообразность, звероподобность ж. зверообразие, звероподобие ср. состояние зверовидного, зверского; *зверскость*, *зверство*» [Даль 1956 Т. 1: 674].

⁴⁶ Любопытно, что в словаре языка Пушкина есть слово *светский* (*светской*), но нет слова *светскость*. Впервые оно (как потенциальное образование) фиксируется в сл. Акад. 1847, который очень охотно отражал на своих страницах модельные производные. Ориентированный на узус Сл. Даля в гнезде слова *светский* не приводит производного существительного *светскость*.

⁴⁷ См. также: [Ryazanova-Clarke & Wade 1999: 211], где приводятся только два производных: *украинскость*, *русскость*.

3) возрастных особенностей (*юношескость*);

4) психоментальных особенностей личности (*творчество* как русский эквивалент термина *креативность*, англ. *creativeness*).

Активизация этого типа производных очевидна в современном русском языковом пространстве и отмечается как один из актуальных словообразовательных процессов уже в учебных пособиях: «суффикс – *ость*, свойственный абстрактным именам, применяется при создании отвлеченных имен существительных от корней, прежде не допускавших подобные образования: *русскость, советскость, детскость*» [Валгина 2001: 137]. Образование слов на – *ость* от прилагательных на – *ский* происходит по мутационному типу на базе не прямого, а «окачествленного» (и служащего мотивирующей семантической основой) значения исходного прилагательного.

Эмигрантская пресса использовала этот словообразовательный механизм (отадъективные производные на – *скость*, выражающие общественно-политические понятия), сложившийся в русской словообразовательной системе еще в XIX в., но использовавшийся ограниченно для создания окказионализмов, намного раньше языка метрополии – уже в 30-е гг. XX в. В русском советском языке в 20–30-е гг. XX в. ведущей семантической сферой, где использовались производные на – *ость*, становится производственно-техническая; напротив, эмигрантская публицистика в меньшей степени сосредоточена на словопроизводстве «профессионально-технических» производных, преимущественно же – на обозначении социально-политических понятий. Имена существительные на – *скость*, семантически мотивированные коннотативными (вторичными) элементами значения соответствующих производящих прилагательных, находились в одном мощном словообразовательном потоке с иными производными, концептуально важными для эмигрантского интеллектуально-духовного поля: *монархичность, соборность*⁴⁸, *почвенность, унитарность, великодержавность, многоплеменность* и под.

Эти два основных признака суть: во-первых, – признак *монархичности*; во-вторых, – признак младоросскости (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26).

Приток эмигрантов и беженцев из России способствовал оживлению русской культурной и общественной жизни в Манчжурии-Го, не нарушая той *почвенности*, которая выгодно отличала ее от чисто эмигрантского существования русских в Европе (Младоросская искра. 1933. 10 июля. № 31).

...*великодержавность* великодержавности рознь (Младоросская искра. 1933. 25 февр. № 36).

Многоплеменность России предопределила и *многоплеменность* эмиграции (Сигнал. 1939. 1 апр. № 52).

Случай с производными на – *скость* в сфере публицистики у эмигрантов и в языке метрополии – одна из иллюстраций проницательного наблюдения Г. О. Винокура, относящегося еще к 1940-м гг.: «В каждом языке, наряду с употребляющимися в повседневной практике словами, существуют, кроме того, своего рода «потенциальные слова», т. е. слова, которых фактически нет, но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность» [Винокур 1991: 327]. Историческая случайность «захотела» производства слов на – *скость* в эмигрантском обиходе уже в 30-е гг. XX в., опередив русский язык СССР/России на полвека, в котором «историческая случайность» оказалась востребованной только в 1980-е гг.

Суффиксы *-ение, – ание, – к(а)*. Существительные, образованные от глаголов, составляют в изучаемом материале значительную группу среди всех отвлеченных имен действия

⁴⁸ Прилагательное *соборный*, появившееся в произведениях славянофила А. С. Хомякова, в начале XX в. получает новую интерпретацию; тогда же появляется слово со значением отвлеченного признака *соборность* [Лексика 1981: 261].

(*nomina actionis*). В русском языке постоянно происходит процесс, при котором отглагольные существительные, лишаясь своих ярких глагольных свойств, приобретают более конкретные значения. Для этих отглагольных существительных на протяжении всей истории русского языка было характерно стремление обособиться от «отягощающего их значения глагольности» [Винокур 1928: 83] и тем самым приобрести значение результативности. Особенно интенсивно этот семантико-грамматический процесс стал происходить в XIX в. [Очерки 1964а: 89; Булаховский 1954: 116].

Существительные на *–ение*, *–ание*, *–тие* характерны для всех стилей русского языка, хотя преимущественным остается все-таки книжный стиль. Производство слов на *–ение* в конце XIX – начале XX вв. – более продуктивный процесс, чем образование слов на *–ание*, *–тие*. В эмиграции суффикс *–ение*, как и следовало ожидать, служил для образования (преимущественно) лексем книжного стиля, что объясняется спецификой публицистики, тяготеющей к отвлеченности и созданию обобщенности; такие производные составляют более 90 % всех производных. Очень часто слова на *–ение* представляют собой модельные образования, или «свернутые пропозиции». Ср. несколько примеров отглагольных существительных на *–ение*⁴⁹ в нашем корпусе: *вершение* (вершение судеб), *возглавление* (возглавление русского отдела в Париже), *воцарение* (воцарение большевиков), *дуновение* (святое дуновение корниловского движения), *заготовление* (экспедиция заготовления государственных бумаг), *низвержение* (подготовка низвержения правительства), *одоление* (полное одоление большевизма), *опозорение* (опозорение старых большевиков), *оставление* (оставление позиций на Мурмане), *перевезение* (перевезение останков герцогини), *удаление* (удаление румынских войск из Венгрии, требования удаления венгерского посланника), *угнетение* (угнетение Великороссии), *вразумление* («[К И. Кронштадскому] тысячами притекали все страждущие, скорбящие и жаждающие совета, указания и *вразумления*». Рус. голос. 1939. 16 апр. № 419), *ниспровержение* («Сами «левые» пострадали от ниспровержения Его Трона». Младоросская искра. 1932. 12 июля. № 20), *заигрывание* (заигрывание с палачами России), *заламывание* («Лиза, незадолго до того освобожденная из “чека”, снова арестовывается, прямо на улице, с заламыванием рук назад, мордобитием и другими прелестями чекистского обращения». Анархич. вестник. 1923. № 1), *запаздывание* (советские газеты поступают с громадным запаздыванием), *изживание* (мирное изживание конфликтов), *исписывание* («Любимая забава [комсомольцев] – исписывание рисунками и изречениями похабного содержания заборов и стен». Голос России. 1932. июль. № 12), *присваивание* (присваивание программы Троцкого), *убивание* (вынужденное убивание своей индивидуальности) и мн. др.

На этом фоне яркими стилистическими маркерами, придающими публицистическому тексту динамичность, являются немногочисленные образованные от сниженных глаголов производные: *заушение*, *морочение*, *толчение*, *шевеление*, *одурение*, *озверение*⁵⁰, *обалдение*, *задичание*⁵¹, *ничегонеделание*, *одичание*, *обивание*, *подзуживание*, *подсиживание*, *подслушивание*, *поедание*, *продергивание*, *промотание*, *шатание*, *стучание*:

Мужика или бабу вызывают в комячейку и заставляют следить за определенными лицами – в Амурской области это называется – «стучать». «*Стучание*» обыкновенно продолжается два месяца (Возрождение. 1927. 5 окт. № 855).

⁴⁹ Мы приводим здесь иллюстративный материал либо как речения, либо сами цитаты.

⁵⁰ Очевидно, фраза *одичание* и *озверение* представляла устойчивый лексический комплекс (бином), характерный для литературы XIX века. Ср., напр., у Л. Толстого: «Если бы кто сомневался в этом страшном *одурении* и *озверении*, до которого дошло в наше время христианское человечество» (В чем моя вера?); «...Совершилось то, что мы знаем: погибель сотен тысяч невинных людей и *озверение* и *одурение* миллионов» (Христианство и патриотизм).

⁵¹ В сл. Даля: *Задичать*, сделаться диким; о человеке, лишиться образования или отвыкнуть от людей. В СУ отсутствует.

Работа сего посланника [Флоринского] ограничивалась *шатанием* по Парижу и его значным заманчивым уголкам (Дни. 1926. 16 нояб. № 1160).

Спрашивается, почему все эти «послы» так безразлично отнеслись к отвратительному *заушению* их родины? (Рус. голос. 1939. 1–14 янв. № 406).

Морочение голов продолжается как ни в чем не бывало (Анархич. вестник. 1923. № 2).

Малейшее антисталинское *шевеление* в Кр. [асной] Армии – и вновь потоки крови и вновь сталинская расправа... (Рус. голос. 1939. 12 марта. № 414).

Ю. С. Сорокин отмечал, что в XIX в. практически от любого глагола разговорно-просторечного характера, особенно во фразеологически связанном, переносном значении, возможно было окказиональное образование такого существительного [Сорокин 1965: 211]. Итак, разговорные производные на –*ение*, –*ание* в эмигрантских газетах – продолжение предшествующей языковой традиции.

Изредка отглагольные существительные образуют дублетные словообразовательные варианты, в которых сохраняются следы глагольной аспектуальности: *опубликование* (предложения об опубликовании в официальном правительственном органе имен лиц) – *публикование* (ожидается опубликование распоряжения префекта) – *распубликование* (распубликование речи Эррио). Равноправное сосуществование данных отглагольных производных в эмигрантском узусе свидетельствует об отсутствии семантических или намечающихся стилистических подвижек; в языке XIX в. и в первые десятилетия XX в. исходные глаголы были в широком ходу в публицистическом стиле.

С конца XIX в. в русском языке активизируется иноязычный суффикс –*изация*, который имел то же значение, что и –*ание*, в результате чего суффиксы вступили в конкурентные отношения: суффикс –*изация* менее «глаголен», чем суффикс –*ание* [Сорокин 1965: 213]. В эмигрантской прессе синонимия (дублетность) иноязычного и русского суффиксов является обычным явлением; ср. пары:

интернационализирование = *интернационализация*:

(1) ...наряду с чисто русскими коммунами существовали коммуны китайские, корейские, немецкие, еврейские, причем только последние как будто проявляли тенденции к *интернационализированию*... (Голос России. 1931. 1 окт. № 3).

(2) «*Интернационализация*» еврейской фабрики [название заметки] (Руль. 1930. 2 янв. № 2767).

демократизирование = *демократизация*:

(1) До сих пор мы далеки... от *демократизирования* всего мира (Воля России. 1920. 16 сент. № 4).

(2) ...вместо политической социальной *демократизации* всего мира (Воля России. 1920. 16 сент. № 4).

эксплуатирование = *эксплуатация*:

(1) ...обратить внимание международного пролетариата на наше положение, на неслыханное еще до революционного времени *эксплуатирования* нашего труда (Дни. 1925. 31 янв. № 679).

(2) ...а между тем, констатирует суворинская газета, «за победным войском [Врангеля] идут тучи черные паразитизма, *эксплуатации*, беспечного житья...» (Воля России. 1920. 14 сент. № 2).

Наличие таких дублетных пар в эмигрантском узусе поддерживалось также иностранными языками, где обычны прототипы данных интернационализмов на *-tion*, имеющих как глагольное, так и процессуальное значение в зависимости от контекста и грамматической позиции слова. Таким образом, расподобление таких пар в эмигрантском узусе сдерживалось иноязычным влиянием. В русском языке метрополии этот процесс проходил более интенсивно, так как степень «глагольности» суффикса *-изация* была существенно ниже.

Уже со второй половины XIX в. конкурентом существительных на *-ие* становятся производные на *-ка* (со значением действия, результата этого действия и орудия действия); основным поставщиком таких образований служила разговорная и профессиональная речь [Виноградов 1986: 123]. В литературном языке закреплялись производные на *-ка* либо как коллоквиализмы, либо как профессионализмы (от русских и иноязычных основ) [Сорокин 1965: 219]. Революция породила новые отглагольные существительные: *зачитка, побудка, переподготовка* [Селищев 1928: 174]. Какие же типы производных на *-ка* встречаются в эмигрантской прессе?

Прежде всего обращает на себя внимание то, что среди образований на *-ка* преобладают такие слова, которые уже лексикализировались в русском языке, то есть стали самостоятельными, автономными лексемами словаря. Такие слова могут использоваться либо как отглагольные существительные для обозначения процесса, либо как предметные имена: *постановка, указка, ссылка, сборка, передышка, проработка, отставка, голодовка, закройка, проделка* (от русских основ), *дрессировка, баллотировка, бомбардировка, вербовка, нивелировка* (от иноязычных основ). Многие из этих производных были чрезвычайно активны в советской прессе, входя в состав ключевых концептов новой идеологии (*чистка, схватка, передышка, проработка, смычка*); в эмигрантской прессе ключевые слова советского строя чаще всего становились объектом языковых манипуляций и множества лингвопрагматических интерпретаций.

Интересным случаем является окказионализм *брижка* (< брить); ср. литературное *бритье*. Это гибридное образование – результат влияния профессионализмов (*стрижка* < *стричь*, *утюжка* < *утюжить*, *глажка* < *гладить* и др.), однако от глагола *брить* невозможно образовать нормативное производное *брижка вследствие незаконности в русском языке морфологического чередования *т/ж*. Однако окказионализм *брижка*, созданный по модели профессионализмов, преследует в тексте очевидную игровую цель. Ср.:

...на [XII] съезде [РКП] были продемонстрированы диаграммы понижения и повышения цен, известные под названием «ножниц» – как говорят в рабочих и крестьянских массах – для *стрижки* и *брижки* народа (Анархич. вестник. 1923. № 5–6).

Ср. нормативные профессионально-речевые обозначения в эмигрантской прессе:

Прикоенную жилетку сшить на машине – полчаса. [...] Считаю на закройку, *сборку* и *утюжку* еще два, два с половиной часа – вся работа, значит, будет готова в три часа (Руль. 1930. 1 янв. № 2766).

Итак, компрессивное словообразование имен существительных с суффиксами *-ение, -ание, -ка* в эмигрантской прессе следует моделям, сложившимся в русском языке еще в предреволюционную эпоху. Следует, однако, отметить более замедленные темпы преодоления «глагольности» в конкурентных формах на *-ание/-ение* и *-ация/-изация* в результате влияния прототипических форм.

1.4. Суффиксация имен прилагательных

Суффикс -н-. Наиболее яркой, характерной особенностью использования суффикса *-н-* в языке эмигрантских газет было словообразование от иноязычных основ. Эта группа

производных очень частотна в эмигрантских газетах, поскольку образование относительных прилагательных посредством суффикса – *н*– среди прочих суффиксов осуществляется легче всего. Эти производные (как старые, существовавшие в языке еще до революции, так и новые, появившиеся в эмигрантском быту) можно разбить на следующие тематические зоны:

а) социально-политическая, общественная сфера: *синдикальный, пропагандный, легитимный, великобританский, колониальный, аппаратный, арестный, газетный, сепаратный, унитарный*:

...Конфедерация Труда... органически и духовно связана с тем самым Амстердамским *синдикальным* интернационалом (Воля России. 1920. 18 сент. № 6).

Младороссы выдвигают идею *легитимной* монархии (Младоросская искра. 1932. 12 июня. № 20).

...группа пассажиров в количестве 12 человек... были под конвоем направлены в местный *арестный* дом (Дни. 1925. 27 янв. № 675).

Партия пронизана аппаратом и равняется по *аппаратным* признакам (Младоросская искра. 1932. 20 авг. № 21).

б) сфера досуга, спорта, занятости: *лот(т)ерейные билеты, детективный, отельный* (< отель; отмечено в СУ), *попугайный, реваншиный, танцевальный, теннисный, фейерверочные* (обещания), *феишенебельный, фротировочные материи* (от франц. *frottée* – «через» нем. *Frotté(e)* – «махровая ткань»).

На курорте Корста, на Балтийском побережье, установлен случай заболевания *попугайной* болезнью. В начале декабря какой-то даме был прислан в подарок попугай, который 22 декабря издох. Спустя два дня эта дама заболела лихорадкой и воспалением легких (Сегодня. 1930. 10 янв. № 10).

Вообще *отельная* индустрия – чуть ли не единственная, которая процветает в Австрии (Сегодня. 1930. 11 янв. № 11).

в) экономическая сфера: *дивидендный рынок, преференциальные списки* (фр. *préférentiel* – «льготный, предпочтительный»), *акцидентные работы* (нем. *Akzidenz* – «извещения, бланки, рекламные проспекты»), *шомажный* (фр. *chômage* – «безработица»):

...французский *шомажный* паек (Единый фронт новой России. 1936. 19 янв. № 19).

г) религиозная, культовая сфера: *митрофорный, митрополитальный, атеистичный*:

...*митрофорным* протоиереем о[тцом] Феодором Синькевичем было отслужено торжественное молебствие (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32).

Православное *Митрополитальное* Благотворительное Ово [sic], по примеру прошлых лет, устраивает большой духовный концерт (Меч. 1937. 28 марта. № 12).

д) прочие: *планетарный, кабинетный, эпохальный*⁵², *лапсердачный* (< лапсердак⁵³), *ханукальный, экскурсиальный, камуфлетный*:⁵⁴

...в России и по сие время без всякого сомнения существуют немладоросские монархисты. [...] Они не могут быть сгруппированы ни в каком, даже *камуфлетном*, даже инфраподпольном союзе или объединении (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26).

⁵² В СУ с пометой: *нов[ое] книжн[ое]*.

⁵³ Старинный долгополый сюртук у польских и галицийских евреев. В сл. Даля и в СУ отсутствует.

⁵⁴ Ср. в СУ: *Камуфлет*, – а, м. (фр. *camouflet*). 2. перен. Неожиданный удар, подвох (разг. фам. шутол.).

[Еврей] повел итальянца в какойто грязный, темный и с убийственными запахами дом, переполненный *лапсердачными* обитателями (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38).

Эмигрантский узус более активно, чем русский язык метрополии использовал суффикс – *альный* для производства имен прилагательных от иноязычных основ. Несомненно, оказала влияние контактная близость русского языка к тем языкам, из которых этот суффикс пришел в XVIII в. и получил чрезвычайную активность в XIX в.: «Прилагательные на – *альн* – самые многочисленные из прилагательных с иноязычными суффиксальными элементами, что объясняется, повидимому, многочисленностью производящих основ, большой продуктивностью суффиксов – *al*, – *alis* в тех языках, откуда производились заимствования» [Очерки 1964а: 356–366]. Если раньше взаимодействие русского и европейских языков, где встречается много слов с данным словообразующим формантом (в первую очередь, французский, английский) было дистантным, то в эмиграции русский язык оказался в непосредственной контактной позиции с языками, прежде территориально отдаленными, что и активизировало в эмигрантском узусе, в отличие от языка метрополии, эту модель русского словообразования. Отсюда такие производные, как *митрополитальный*⁵⁵, *экскурсиальный*⁵⁶, *ханукальный*.⁵⁷

Кроме того, эмигранты продолжали использовать слова с суффиксом – *ный*, образованные от иноязычных основ в XIX – начале XX в., в то время как русский язык метрополии уже отказался от них в пользу суффикса – *ск*, в котором значение относительности преобладает: *пропагандный*⁵⁸, *паразитарный*⁵⁹, *атеистичный*.⁶⁰ Конечно, это связано с появлением в советском языковом пространстве новых словообразовательных мотивировок: *паразитизм* > *паразитический*, *пропагандист* > *пропагандистский*, в то время как эмигрантская публицистика пользовалась словами со старой мотивировкой: *паразит* > *паразитарный*, *пропаганда* > *пропагандный*, *атеизм*, *атеист* > *атеистический*, *атеистичный*.

Таким образом, у исконного суффикса – *н* – в эмигрантском языке произошло его оживление: вновь оказалась востребованной его способность производства относительных прилагательных от иноязычных основ, что следует объяснять активным и непосредственным контактированием русского с европейскими языками.

Суффикс – ов(ый)/ев(ый). В эмигрантской прессе суффикс – *ов(ый)/ев(ый)* используется эмигрантами прежде всего для образования относительных прилагательных, мотивированных реалиями из технической, производственной сферы: *фильмовый*⁶¹, *банковский*, *световой*, *биржевой*, *наровый* (< *нары*).

...общедоступная лекция проф. Могилянского «Япония в связи в последним землетрясением» (с *световыми* картинками) (Огни. 1924. 21 янв. № 3).

[Сценарии фильмов] «Восстание Стеньки Разина» и «Жизнь еврея» были заказаны Горькому одной заграничной *фильмовой* компанией, которая их впоследствии так и не поставила (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192).

⁵⁵ В [Очерки 1964а] оно не отмечено; в СУ дано: *митрополитий*, в БАС-1: *митрополитский*.

⁵⁶ В СУ: *экскурсионный*; это первая фиксация относительного прилагательного *экскурсионный* (< *экскурсия*). Очевидно, что эмигранты при образовании прилагательного использовали старую словообразовательную модель на – *альный* (при образовании слов от иноязычных основ), но в то же время нельзя исключать и возможности влияния англ. *excursional*.

⁵⁷ В иврите: ханука – праздник освящения. В русских словарях слово до сих пор не зафиксировано.

⁵⁸ В [Селищев 1928: 101], в СУ дано только *пропагандистский*, которого в эмигрантской прессе нам не встретилось.

⁵⁹ В СУ – только *паразитический*, впервые *паразитарный* (в медицинском значении) фиксируется в БАС-1.

⁶⁰ В СУ только *атеистический*; у эмигрантов – оба варианта.

⁶¹ В СУ нет.

Фильмовое общество при МОПР'е закончило постановку картины «Микроб коммунизма», рисующей деятельность советской печати (Дни. 1925. 7 февр. № 685).

...немецкое правительство дало всем государственным *банковым* учреждениям предписание не предоставлять никаких кредитов т[ак] н[называемому] Торгпреду, т. е. местной советской торговой делегации (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405)).

...кабинетные, *наровые* минеральные ванны [реклама] (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35).

В русском языке метрополии суффикс – *ов* стал широко использоваться при именовании технических понятий, терминов, а также специальных сфер, возрастных групп детей (*мальшиковский, подростковый*). Узко специальных, технических понятий, «детских» производных в наших материалах не отмечено. Очевидно, это связано с отсутствием номинативных потребностей.

Суффикс – *ск(ий)*. Производные прилагательные с суффиксом – *ск(ий)* активно образовывались в революционную эпоху, что было связано со значительным увеличением реалий политической сферы: а) одушевленные имена существительные, обозначающие политическую позицию человека; б) принадлежность к той или иной партии, движению, этнической и иной группе, в) приверженность тем или иным идеям, идеалам и лидерам, а также г) неодушевленные нарицательные существительные, называющие различные явления новой жизни. В центре словопроизводства оказались следующие семантические группы прилагательных:

1. Прилагательные, образованные от антропонимов. В эту группу мы включили также производные «второго шага», с интерфиксами – *ов(ский)*, – *ин(ский)*: *суворинский, милюковский, сталинский, гитлеровский (= хитлеровский), колчаковский, ленинский*.

2. Прилагательные, образованные от нарицательных существительных со значением лица, оканчивающихся на – *ист*, – *ник*, – *чик*, – *ец*, – *як*, чистую основу. Кроме такой мотивировки, в некоторых случаях возможна также мотивированность отвлеченными существительными на – *изм*, – *ство*. Сюда же относятся слова на – *ический/истический*, которые заметно активизировались в русском языке со второй половины XIX в. [Очерки 1964а: 385–389; Сорокин 1965: 274–276]. Ср. производные в эмигрантской прессе, образованные от имен существительных, отсутствующих в русском языке СССР той поры: *советофильский, младоросский, сокольский, беженский, легитимистский*.

Менее «*советофильский*» ген[ерал] Гайе был в 1930 г. сменен на посту командующего рейсхвером [немецкая армия. – А. З.] ген[ералом] Ганнерштейном, горячим сторонником сближения с красной армией [sic] (Голос России. 1931. 1 сент. № 2).

...*беженские* лагеря Турции и Египта (Огни. 1924. 11 февр. № 6).

...участие в *сокольских* торжествах и выступлениях югославянского сокольства (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173).

...общественное мнение не занималось *младоросским* движением (Младоросская искра. 1932. 12 июля. № 20).

В эмигрантской прессе очень широко используются производные на – *ический*. Эти относительные прилагательные, будучи чрезвычайно активными в середине XIX в., могли приобретать и качественные значения, в связи с чем в русском языке появлялись конкурентные формы, специализированные на выражении идеи качественности, а именно формы на – *ичный*, которые служат «для более наглядного выражения тех качественных значений, которые развиваются в прилагательных на – *ический*», в морфологословообразовательном – «для образования

от слов с суффиксом – *ический* соотносительных кратких форм и степеней сравнения» [Виноградов 1986: 183; также: Очерки 1964а: 392–396; Рогожникова 1966: 136–139]. Ю. С. Сорокин указывал, что «практически все прилагательные на – *ический*, где возможны качественные значения, имеют параллельные образования на – *ичный*» [Сорокин 1965: 275]. Однако это теоретическое положение в реальной речевой практике оказывается не столь безусловным. Так, «параллельные» к словам на – *ический* прилагательные на – *ичный* в нашем корпусе единичны: *демократичный* – *демократический*, *патриотичный* – *патриотический*, *фанатичный* – *фанатический*, *циничный* – *цинический*. Качественность значения, сообщаемого именам прилагательным суффиксом – *н*, легко выявляется в контексте: чаще всего слова на – *ичный* употреблены в краткой форме или в превосходной степени, что свидетельствует о семантике градуируемости признака.

Активность словообразовательной модели на – *ический* при образовании прилагательных (как от иноязычных основ, так и от русских) сохранялась в языке эмиграции, свидетельством чего в газетных материалах служат окказионализмы с данным суффиксом: *хунхузнический* (< хунхуз,⁶² хунхузничество), *интеллигенческий* (< интеллигент, интеллигенция) и даже окказионализм *свободнический* – в анархической газете. Суффиксальное оформление этих производных отличалось от русского языка метрополии: *хунхузский* (в СУ), *интеллигенческий* – нигде на зафиксировано. Вообще активность производных на – *ический*

⁶² В СУ: Хунхуз, – а, м. (китайск. hunghutzu, букв. «краснобородый»). В Манчжурии и Северном Китае – участник шайки бандитов, грабителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.